

НЕ СУДИ ПО ОПЕРЕНИЮ

ЗОИ БРИСБИ

Annotation

Экстравагантная Максин через пару лет отметит свой столетний юбилей. Но боже упаси вас назвать ее старушкой! Максин очаровательна, бодра и весела и даст фору любой молоденькой девице – во всяком случае, она так считает, и спорить с ней бесполезно.

Меланхоличному Алексу всего двадцать пять лет, а по собственным ощущениям – все сто. Неразделенная любовь, проблемы с родителями... Сколько еще несчастий выпадет на его сутулые плечи?!

По иронии судьбы, Максин и Алекс становятся автомобильными попутчиками и на старенькой машине отправляются в Брюссель.

Вскоре их план и маршрут путешествия принимают неожиданный поворот...

Поверьте, это будет самое прекрасное приключение в их жизни!

Смешная, согревающая сердце история о дружбе двух людей, которые никогда бы не встретились, и о том, как эта дружба изменила их обоих к лучшему.

- [Зои Брисби](#)

-

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)

- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [Плейлист Максин и Алекса](#)
- [Небольшое послесловие автора \(где вас ждет сюрприз\)](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)

- [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
-

Зои Брисби

Не суди по оперению

Нам,

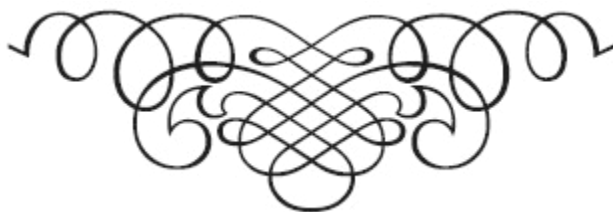
Hic et nunc^[1]

Zoe Brisby
L'HABIT NE FAIT PAS LE MOINEAU

© 2023 Librairie Arthème Fayard, 2019

© Абрамова М., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

1

www.partage-voiture.com^[2]

ПРОФИЛЬ

Имя: Алекс

Возраст: 25

Машина (марка, модель и год): Рено, Твинго, 2002

Число пассажиров транспортного средства (включая водителя):

2

Пункт назначения: Брюссель

Маршрут спланирован: да

Размер багажа: маленький

Курение в салоне:?

Алекс раздумывал. Разрешить курить в машине или нет? Если он поставит «нет», часть клиентов отпадет. С другой стороны, если поставить «да», то он рискует получить попутчика, который курит как паровоз. К чему стоит прислушаться – к кошельку или к легким? Неудобно будет смотреть на дорогу сквозь облако дыма, застилающее всю внутренность машины. Однозначно лучше поставить «нет». Вопрос безопасности.

С другой стороны, исключить курильщиков – это дискриминация. Будучи юным бунтовщиком, он чувствовал себя обязанным отказаться от грубого насилия, которое подвергло бы их остракизму. Сперва – курильщики, а кто следующий? Нет уж, лучше поставить «да».

Курение в салоне: да

Животные в салоне:?

Он первый раз искал попутчиков, и одна только анкета взрывала ему мозг. Вопреки наставлениям сайта, он решил ввязаться в это дело скорее из финансовых соображений, а не «ради приятного общения и защиты природы нашей планеты». Сокращение углеродного следа, конечно, вещь важная, но кому охота ради этого терпеть курилку, дымящего без перерыва? Выходит, ему.

А теперь еще вопрос про животных. Он их любил, и это не должно было вызывать проблем, но у Алекса все в жизни вызывало проблемы. Депрессия. Слово обрушилось на него как топор в кабинете врача с изможденным лицом, не выражавшим никакой эмпатии.

– Это опасно? – равнодушно спросил Алекс.

– Сейчас у всех депрессия.

– Стало быть, не опасно.

– Я этого не говорил.

Врач устало вздохнул и процитировал ему «Видаль»^[3]:

– Депрессия – это болезнь, она может быть как преходящей, так и хронической. Последствия депрессии разнообразны, от простой усталости до самоубийства.

– Самоубийства?

– Да, в тяжелых случаях.

– А мой случай тяжелый?

– Вам хочется умереть?

Алекс на секунду задумался. Он никогда не размышлял о том, чтобы умереть. Однако такая мысль его не пугала. Это был бы конец его мучениям. Он не будет чувствовать утомления, просыпаясь утром, и испытывать сожаления, ложась вечером спать.

– М-м-м...

– Значит, ваш случай не самый тяжелый. Максимум – средней тяжести.

Врач взял бланки рецептов и продолжил:

– Я вам выпишу антидепрессанты. Никакого вреда, но не удивляйтесь, если поначалу будете ощущать сонливость. Возможны также запоры. Иногда – рвота. Головные боли. Увидите сами – очень скоро вы будете себя чувствовать гораздо лучше.

Он протянул рецепт Алексу.

Поскольку тот молчал, врач добавил:

– Советую вам пойти к психотерапевту. Побольше гулять. Выходите, пожалуйста.

– Вы хотите сказать – мне надо чаще куда-то ходить?

– Я хочу сказать, что вам надо выйти из кабинета. Следующие пациенты ждут приема. Но почаще куда-нибудь ходить тоже хорошо.

Тогда Алекс и решил поехать в Брюссель. Родителям он ни за что не признается, почему именно в Брюссель: из Интернета он узнал, что Алис Лаферти живет там. Конечно, это ужасно глупо. Если это и правда, она про него даже не помнит. Если это и правда, она превратилась в уродку, и девчушка с каштановыми кудрями, с которой он общался в школе, навсегда исчезла. Если это и правда, она его просто не узнает. Если это и правда, он даже не станет с ней встречаться. Но этого хватило, чтобы он решился, чтобы сработал спусковой крючок, который позволит ему очнуться от летаргии. Потому-то он и заполнял сегодня эту дурацкую анкету на сервисе поиска попутчиков. У него было впечатление, что он зашел на Meetic^[4] или пришел на собеседование, что, собственно, одно и то же.

Разрешить ехать с животными? Почему бы и нет. Но что если попутчик окажется каким-нибудь панком с огромным псом? Или готом с фреткой на плече? Эти фретки отвратительно пахнут. Хватит того, что он согласился на злостных курильщиков, терпеть еще и их грызунов он не намерен.

*Животные в салоне: только маленькие собаки и кошки
Увлечения (не меньше трех):?*

Дело усложнялось. Травяные чаи, одnogорбые верблюды, соул. Нет, этого он не может написать. Все догадаются, что внутри него скрывается старик. Алекс всегда чувствовал себя старше, чем был на самом деле, как будто в роддоме ошиблись и выдали его маме младенца гораздо более взрослого, и он навсегда сохранил эту разницу в возрасте со своими сверстниками. Лишь бы вытерпеть долгую поездку с незнакомым человеком, пусть и девушкой. С девушками, конечно, поприятнее, но, впрочем, бог его знает.

А ведь не такой он уж и пессимист для страдающего депрессией!

Увлечения (не меньше трех): музеи, путешествия, книги.

Прочтя это, мужчины воздержатся от поездки с ним. Возможно, у него появится шанс встретить прекрасную незнакомку. Они тут же найдут общий язык, их встреча положит начало большой любви, о которой они потом будут рассказывать на Рождество своим внукам. А возможно, это окажется выпендренная дурнушка, тут он всегда сможет прикинуться глухонемым или напрямик сказать ей, что у него депрессия. Депрессивные отпугивают людей – те боятся, что сейчас их начнут грузить проблемами.

Скрестив пальцы, он нажал «отправить».

ПРОФИЛЬ

Имя: Макс

Возраст: не ваше дело

Пункт назначения: Брюссель

Путешествуете с животными: нет

Курите: нет

Увлечения (не меньше трех): механика, виски, Тур де Франс

Заполнив свой профиль, Максин полистала профили остальных пользователей www.partage-voiture.com. Была там одна девица, ехавшая в Брюссель, Алекс. Но какая же зануда! Увлечения: музеи, путешествия, книги... Ну, по крайней мере, ей не потребуется снотворное, чтобы спать в дороге. Максин обязательно нужно было поехать в Брюссель, а туда никто больше не отправлялся. И она согласилась, рассудив, что придется потерпеть не так уж долго, чтобы исполнить свою миссию. Заполнила до конца анкету, отправила заявку, оплатила и оставила свой адрес, чтобы зануда за ней заехала – та указала, что ей достаточно было сообщить, в каком месте забрать пассажира. Хотя бы любезная, эта Алекс. Наверное, одна из тех дурочек, что уступают ей место в автобусе или предлагают перевести через дорогу. Максин была старой, но не дряхлой старухой. Пока что.

В Брюссель она отправлялась не от большой радости. Тем более как попутчица. Конечно, она бы предпочла воспользоваться роскошным лимузином с черным красавцем шофером, как в фильме «Шофер мисс Дейзи». Во время поездки между ними завязалась бы крепкая дружба. Она бы не поспешила на советы, как ему наладить жизнь – из тех, что дают собственному сыну. А он бы ее поблагодарил, сказав, что будет помнить до самой смерти. Она навсегда останется для него «дамой из лимузина», той, кто перевернул всю его жизнь. Он

оставит ремесло шофера, чтобы изучать право, и станет лучшим адвокатом планеты. Будет защищать тех, у кого нет на это средств, – бедных и ни в чем не повинных. И все это благодаря встрече с «дамой из лимузина».

Ну что ж, пока что ей придется довольствоваться обществом девицы, достойной во всех отношениях. Она уже прекрасно себе представляла эту самую Алекс: выпирающие зубы, бифокальные очки на носу, возможно, залатанные посередине скотчем, бледная как смерть из-за постоянного сидения в библиотеках, сальные волосы... Может, благодаря своим советам, Максин удастся изменить и ее жизнь. Алекс будет обращать внимание на себя, мыть голову, лучше одеваться, вставит линзы, станет топ-моделью, за которой будут охотиться все агентства. И все это благодаря «даме-попутнице».

Приятно было думать, что она еще может для чего-то сгодиться. Хотя бы на несколько часов. Мысль о том, что она все же оставит свой след на этой огромной земле, проливая бальзам на душу Макс. Эта Алекс станет последней, с кем она сможет по-настоящему вести беседы.

Конечно, в Брюсселе она будет беседовать с врачами, но это совсем другое. Они ведь видят смертельно больных стариков каждый день, таковы их будни. Никаких привязанностей, отношений, сочувствия. Тогда как для Максин эвтаназия – выстраданное решение.

Алекс приехал по адресу, который указал Макс. При таком имени, интересу к виски, механике и Тур де Франс придется терпеть не курилку, а автослесаря, который станет его грузить всю дорогу разговорами про двигатели, приводные ремни, тормозные колодки и карбюраторы.

Оказавшись на месте, он остолбенел. А затем его осенило.

Ну, разумеется. Ему подложили свинью. Его просто разыграли. С чего бы кому-то захотелось ехать вместе с ним?

Он припарковался к тротуару и снова прочитал золоченую табличку на здании: «Дом престарелых Босежур. Место жительства и отдыха пенсионеров, больных и страдающих зависимостью». Вся программа тут. Он сам нуждался в отдыхе, но в подобной тюрюге не протянул бы и дня. Мы как будто слишком сильно боимся стариков, безжалостно напоминающих нам, какими мы окажемся в будущем, и потому решили их упрятать подальше. Мы не хотим их видеть, мы заперли их на ключ, время от времени посылая им букетик цветов для очистки совести.

Ну да ему-то наплевать, что за болезни, грусть и одиночество готовит ему старость: он уже сейчас в депрессии.

Тут, заскрипев, приоткрылась калитка в кованой ограде, окружавшей заведение. Дверные петли едва держались, и Алекс уже готовился увидеть семейку Адамс. Но вместо Мортиш и кузена Итта появилась небольшого роста дама, покрытая морщинами так же щедро, как калитка – ржавчиной. Ее волосы были безупречно уложены и чудесным образом сохраняли укладку несмотря на ветер. На ней был жилет – точнее, кардиган, как выразалось ее поколение – цвета лаванды, в тон черной юбке, пристойно закрывавшей колени. Нитка жемчуга облегла шею и придавала даме вид прихожанки, собравшейся на мессу.

Ее ручки, покрытые пигментными пятнами, вцепились в чемодан, судя по виду, переживший Вторую мировую. Множество наклеек свидетельствовало о том, что он побывал не в одном путешествии: Рим, Нью-Йорк, Сидней...

Алекс опустил стекло:

– Простите, мадам, это точно улица Генерала де Голля, 48?

Дама, видимо, слегка удивилась и отставила чемодан. Увидев круги под глазами молодого человека, она подумала, что он не иначе как наркоман. Укурок, готовый на все ради дозы, например – прихлопнуть старушку вроде нее.

Но выхода у нее не было. Да и терять было нечего. А кроме того, что-то во взгляде наркомана ее тронуло, какое-то невероятное одиночество и безысходность. Казалось, у него внутри все обрушилось и осталась лишь пустая неприкаянная оболочка, ищущая равновесия. Ей стало жаль его.

– Да, дорогой, это здесь.

– А, спасибо.

Алекс поднял стекло. Он был вне себя от возмущения. Его надули. Он чувствовал, что его предал человек, с которым он даже не был знаком. С ним сыграли злую шутку, дав адрес дома престарелых, а он, как полный идиот, попался в эту ловушку.

Максин взглянула на часы. Трехминутное опоздание. Вот чего она не выносила. Эта Алекс опаздывала. Что толку говорить, что любишь литературу. В восемь часов, доктор Швейцер. В восемь, а не в восемь ноль три.

Еще больше ее раздражало то, что парень все сидел в машине с видом человека, размышлявшего повеситься ему или застрелиться. Она задумалась, а потом решила, что раз уж этому бедолаге осталось жить так мало, она ничем не рискует, попытавшись ему помочь. А вдруг ей удастся отвлечь его от наркотиков и направить на путь истинный. Он станет врачом, специалистом по дезинтоксикации, благодаря судьбоносной встрече с «дамой с чемоданом».

Она не спеша подошла к машине. Совсем медленно. Чтобы его не напугать. Это напомнило ей сафари, когда она охотилась вместе с махараджей в шестидесятые годы. Надо было идти на полусогнутых ногах, чтобы показать животному, что ты признаешь его превосходство и не намерен напасть.

– Я могу вам чем-то помочь, молодой человек?

Наркоман, казалось, удивился. Она вывела его из оцепенения. Он сказал ей что-то, что она не поняла, так как окно было закрыто. Она жестом показала ему, что окно надо открыть, покрутив рукой, как это

делают люди, ездившие в машине до того, как появилась автоматическое управление стеклами. Возможно, парень ее не поймет. Но нет, он нажал на какую-то кнопку, и стекло стало опускаться.

– Я жду одного человека.

– Я тоже.

– Ах вот как?

– Ну да. И нечего так удивляться. Это оскорбительно. Если мне шестьдесят лет, это не значит, что мне не с кем пообщаться.

Алекс поднял брови. Она продолжила:

– Ну ладно, семьдесят.

Он скорчил полную сомнения мину, а затем оглядел ее с ног до головы.

– Ну, возможно, восемьдесят.

Он промолчал.

– Окей, восемьдесят с небольшим. Но в глубине души я чувствую себя молодой, как в пятьдесят.

– Мне казалось, что люди... э-э-э... среднего возраста должны сообщать о нем с гордостью.

– Ну, разумеется. И я вот-вот приглашу «Книгу рекордов Гиннеса» удостовериться, до какой степени я стара.

Повисла неловкая пауза, которую старая дама решила прервать. Ей никогда не нравились такие паузы.

– Не выношу, когда люди опаздывают.

– Точность – вежливость королей.

– Ну и кто же из нас старый?

– Почему вы так говорите?

– Потому что я не слышала этого выражения с того момента, как Рузвельт его произнес во время Ялтинской конференции.

– Вы слишком молоды, чтобы присутствовать на Ялтинской конференции.

Щеки дамы покраснели.

– О, как это мило!

– Ведь если вам девяносто лет, это значит, что вы родились примерно... в 1926 году. Значит, в 1945, когда проходила Ялтинская конференция, вам не было и двадцати.

Максин была поражена рассудительностью молодого человека. Судя по всему, наркотики разрушили еще не все нейронные связи.

Хорошая новость, так у нее больше шансов сделать из него отличного врача.

– Я сказала восемьдесят с небольшим. После определенного момента считать пересташь. А дни рождения больше похожи на обратный отсчет, чем на праздник. Впрочем, в доме престарелых пироги становятся редкостью. Их скорее принимаешь за розыгрыш старухи с косой, намекающий, что скоро она придет и за тобой. Вот уж кто любит полакомиться. Но вы правы. Кое-кому из стариков все еще нравится справлять день рождения. Им кажется, что они супергерои. Я правда никогда не видела, чтобы супермен терял вставную челюсть и носил подгузники лучше, чем Марти Шубертс.

– А кто такой Марти Шубертс?

– Мой сосед по комнате. И могу вам сказать, что это не слишком приятно видеть... как, впрочем, и нюхать. Вот поэтому-то я и не люблю дом престарелых, там одни старики. Это угнетает. Я всегда плохо ладила со стариками.

– И вообще, вы же молоды, как в шестьдесят.

– В пятьдесят! Ну, вы меня поняли.

Они улыбнулись друг другу. Алекс посмотрел на часы.

– Что ж... Мне придется вас покинуть. Тот, с кем я должен был встретиться, меня надул.

Максин посмотрела направо, потом налево. Никого.

– Кажется, меня тоже надули.

– Вам нужно куда-то поехать? Если хотите, могу вас подвезти.

– Это очень любезно, милый юноша, но я отправляюсь в длинную дорогу. Я еду в Брюссель.

Алекс вытаращил глаза.

– Макс? – неуверенно спросил он.

Максин склонила голову и вытащила из сумочки очки с толстенными стеклами.

– Да. Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Я Алекс.

– Алекс?

– Алекс с сайта partage-voiture.com.

– Что же вы мне раньше не сказали, что это вы?

– Откуда же я знал, я думал, что Макс – это мужчина...

– Я Макс... Максин.

– Вы должны были бы об этом сообщить, мы чуть не разминулись. И вообще-то вы тоже могли бы меня узнать.

– Как же, по-вашему, я могла вас узнать, молодой человек? Мы ведь с вами не знакомы. Я старая, но не ясновидящая.

– Да по машине! Она обозначена на сайте. Я же написал – «Рено Твинго».

– Ох, все эти новые машины так похожи!

– Она совсем не новая, 2002 года.

– Для меня ново все, что после 1950 года.

Максин рассматривала, а точнее – инспектировала салон машины. С тех пор, как она в нее села, никто из них не сказал ни слова. Может, оно и к лучшему. Молодой наркоман мог повести себя агрессивно.

Впрочем, что-то в нем даже внушало Максин некоторую нежность, как будто перед ней был выпавший из гнезда птенец, который попытался взлететь слишком рано. Может, он расстался со своей подругой или – поди знай в наши дни! – со своим другом. Может, родители выгнали его из дома. А может, он хотел надуть наркоторговца, и его заказали. Или его ищет полиция. Может, он шпион, раскрывший крота, и теперь ему грозит смертельная опасность... Как все это будоражило воображение!

А может, он просто парень, который едет в Брюссель.

Оба молчали, при этом каждый знал, что дорога неблизкая. Максин снова принялась тщательно осматривать машину. Чистая, но неухоженная. Как и ее владелец. Во всем чувствовалась какая-то небрежность. Апатия. Усталость.

Она надеялась, что, по крайней мере, он сможет нормально управлять машиной. Максин осторожно глянула на парня. Вид у него был сосредоточенный. Он как будто в своем мире. Как будто даже не видит, что она сидит рядом. Может, притворяется?

По виску Алекса медленно скатилась капля пота. Наверное, у него ломка, и ему срочно нужна доза, вмазка, шпиганка. Ох, не надо ей больше смотреть передачи Бернара де Вильярдьера^[5].

Она попыталась как-то разрядить обстановку.

– Знаете, я совершенно не имею ничего против наркоманов.

Алекс удивленно поднял брови, но продолжал, не отрываясь, смотреть на дорогу.

Это что, старушка предлагает ему наркотик, что ли? Только этого не хватало. Нафталиновая кокаинистка. У него и так полно проблем, не доставало еще неприятностей с полицией. Он решил не отвечать, но это не остановило бабу, которая добавила:

– А иной раз была не против косячка.

Ну, точно. Старушеница втюхивала ему наркотик.

– Тем лучше для вас. Но я этим не балуюсь.

И он решительно покачал головой из стороны в сторону в подтверждение своих слов.

Конечно, Максин допустила промашку. Этот парень был в гораздо более тяжелом состоянии, чем она предполагала. Он уже перешел на тяжелые колеса. Она покопалась в памяти, чтобы вспомнить названия самых сильных наркотиков, из тех, что принимала в Вудстоке^[6]. Но все, что относилось к тогдашнему периоду ее жизни, было странным образом покрыто туманом.

Вдруг у нее в памяти всплыла передача – спасибо Бернару! – о притонах Марсея и о процветающей в них наркоторговле.

– Может быть, вы предпочитаете кокаин?

Алекс на секунду оторвался от дороги и в ужасе посмотрел на Максина.

– Ни в коем случае!

Сколько пижонства в этом нарик!

– Ну не опиум же? Это, знаете ли, дорого и немодно.

– А вы в этом неплохо разбираетесь, как я посмотрю.

– Ну, не так уж, – сказала она, скромно махнув ручкой. – Только пытаюсь быть в курсе.

– Отвечаю вам: нет, я не курю опиум.

– Тогда остается лишь экстази. Или, может, оксикодон?

Алекс остановился на светофоре. Впереди он увидел полицейского, покупавшего кофе в «Старбаксе». Не стоит ли позвать его на помощь, чтобы отвязаться от старушки-наркоманки? А что если она прячет пистолет под своим лавандовым жилетом или финский нож под плиссированной юбкой? Нет, полицейский ему ни за что не поверит: наркодилерша в жемчужном ожерелье и ходунках? *Go fast*^[7] в Твинго? Он будет выглядеть полным идиотом.

– Послушайте, мадам...

– Можете звать меня Максина.

– Хорошо, послушайте меня, Максина...

– А я могу звать вас Алекс?

– Если вам так нравится...

– Может, я могла бы быть с вами на ты... быть вам сестрой.

– Э-э-э...

– Или мамой?

– ...

– Ну, хорошо, бабушкой.

– Как вам угодно. Но только послушайте, Максин. Главное, что я хочу сказать. Чтобы все было ясно: я не наркоман.

Она с нежностью взглянула на него. Ну, разумеется, он не признавал себя наркоманом.

– Алекс, прежде всего надо признать, что у тебя проблема.

– О, проблем у меня вагон.

– Хорошо. О них нужно говорить. Чтобы попросить о помощи, нужно большое мужество.

– Что я и сделал.

– Отлично. Поздравляю. Ты едешь в Брюссель лечиться? Там хорошие центры дезинтоксикации?

– Но я не наркоман!!!

Максин с укоризной посмотрела на него, погрозив пальцем:

– О чем мы только что говорили, молодой человек? Не нужно отрицать, что у тебя есть проблемы. И кстати, ты не находишь, что вести машину в твоём состоянии опасно? Ах да, вы, наркоманы, не соображаете, что делаете, когда у вас ломка. Встань на обочину, я сяду за руль. Я, правда, не водила уже лет тридцать, но думаю, что это как велосипед – не разучишься. Идет? Педаль тормоза ведь посередине?

Она постаралась схватить руль.

– Прекратите немедленно, мы сейчас попадем в аварию!

– Вести машину, наглотавшись наркоты, не менее опасно, но если ты так настаиваешь...

На какое-то мгновение воцарилась тишина. Алекс глубоко вздохнул и громко выдохнул, чтобы успокоиться. Если он хотел, чтобы бабулька прекратила его доставать по поводу наркомании, нужно было сказать ей правду.

– Я не наркоман. У меня депрессия.

– Депрессия? Ну, тогда все ясно. Изможденный вид, землистый цвет лица, круги под глазами, кожа да кости...

Пока она его описывала, Алекс смотрел на себя в зеркало заднего вида. Он, конечно, выглядел не очень здорово, но землистый цвет лица...

– Волосы...

– И что? Что не так с моими волосами?

– Ну, как сказать... Заметно, что они не в лучшем виде. И потом эта прядь спереди... А ты знаешь, что даже Джастин Бибер больше не носит такую прическу?

Алекс снова посмотрел в зеркало. Что ему надо сделать с волосами? Не такая уж это и проблема... Но сейчас малейшее замечание выводило его из себя.

– У меня прекрасная прическа. И не старой даме с фиолетовой шевелюрой учить меня, что модно, а что нет!

– Не стоит так нервничать, мой мальчик! Я вовсе не хотела тебя обидеть.

Алекс напрасно пытался сконцентрироваться на дороге, он не мог перестать злиться и забыть свои слова. Он повел себя с бедной старушкой совершенно отвратительно.

– Мне очень жаль. Я не должен был так говорить с вами. Это... Это только потому, что сейчас меня все раздражает. С меня как будто кожу содрали, и любое замечание или критика – как соль на рану.

– Понимаю.

– А у вас бывали депрессии?

Алекс спохватился, что его вопрос звучал не слишком деликатно, если не сказать неуместно. Особенно учитывая, что он был задан с надеждой в голосе. Нормальные люди не ждут, что все вокруг страдают депрессией.

– Нет, но я смотрела репортажи про депрессию.

– Видеть что-то и испытывать самому – не одно и то же. Я вот смотрел репортаж про Килиманджаро, но это же не значит, что я на

него поднялся.

– Безусловно. Я лишь хочу втолковать тебе, господин Содранная кожа, что мне никогда не ставили официально диагноз «депрессия». Однако это совершенно не значит, что у меня никогда не было трудных моментов в жизни. Ты что, полагаешь, что можно дожить до моих лет, всегда как сыр в масле катаясь? Вот уж попал пальцем в небо методом тыка!

И дама поставила на этом жирную точку. Алекс же был вовсе не уверен, что она правильно употребила последнее выражение.

Максин чувствовала, что достигла своей цели. Ей не терпелось пойти дальше и разузнать побольше, но с этим парнем она шла как по минному полю и должна была проявить тактичность, что никогда не было ее сильной стороной.

– А ты не хотел бы случайно со мной поделиться, отчего тебе так плохо? Может, если расскажешь, тебе станет легче. Но я прекрасно пойму, если ты не захочешь ничего мне больше говорить. Я ведь всего лишь старая дама, случайно оказавшаяся у тебя в машине, чужой человек, едущий вместе с тобой...

Рассказать? Но зачем? Алекс уже один раз рассказал или, точнее, попытался рассказать об этом своему психотерапевту. Но тот только отрешенно смотрел на него, кивая головой каждый раз, когда спрашивал: «И что вы при этом испытывали?»

Но вдруг, в эту самую минуту, он почувствовал, что готов поговорить с этой женщиной. Возможно, потому, что она была старой и вряд ли будет судить его строго, а возможно потому, что они не были знакомы и никогда в жизни больше не увидятся. Он должен был начать говорить сию же секунду, иначе он этого не сделает никогда. И ни с кем. И тут вдруг его прорвало:

– Я знаю, от чего мне так плохо, но стыжусь. Причина глупая и банальная донельзя, но мне от этого только хуже. Куча народу такое уже пережили, и никакой трагедии из этого не делают. А я – такой вот идиот.

Максин боялась его перебить. Он продолжал:

– У меня депрессия, потому что девушка, в которую я влюблен, на меня даже не посмотрела. Вернее, нет, посмотрела, но не заметила меня. И с тех пор она как заноза у меня в сердце. Аврора, прекрасное имя, правда? А мне до того тяжело его выговаривать теперь. Оно ей

так шло, она была нежной и солнечной, она вся светила золотом, как лучи солнца на рассвете. И десятой доли ее сияния хватило бы, чтобы осветить всю мою жизнь. Но не тут-то было. И я погрузился во тьму.

Он перестал рассказывать и прикусил губу, не зная, стоит ли продолжать. Но все же снова заговорил:

– Я часто встречал ее в факультетской библиотеке. Ее распущенные волосы лежали на хрупких плечах. У нее была привычка грызть кончик карандаша, когда она о чем-то задумывалась. И она смеялась! Ох, какой же у нее был смех! Серебристый, словно струи водопада, в котором я готов был утонуть!

– И что же? Что произошло?

– Я все предусмотрел, продумал малейшие детали нашей встречи. Выучил ее расписание, знал все ее привычки...

– Как сексуальный маньяк, а не робкий воздыхатель...

Она зажала рот рукой, словно желая вернуть эти слова. Они вылетели сами собой, но мальчик мог закрыться навсегда.

– Мне было плевать, у меня были самые благородные намерения! Мы созданы друг для друга. Я знал это. Знаю и теперь. Нам нравится одно и то же. Я проверял на Фейсбуке.

Тут Максин не решилась ему признаться, что понятия не имеет, о чем он говорит.

– Я все заранее спланировал. Мы встретились, как и было задумано. Мы поговорили, как и было задумано. Я старался изо всех сил предстать перед ней в моем лучшем свете, как мне казалось. И ничего из того, что было задумано, не случилось. Она говорила со мной так, как говорила бы с кем угодно. Самый главный в моей жизни момент для нее был не более чем обычной минутой. Я неделями испытывал душевные муки, а она и не вспоминала обо мне. Как будто я для нее вообще не существую. Я жил в предвкушении этого момента, убежденный, что он перевернет мою жизнь, и все упустил. Я – ничтожество, полное ничтожество.

– Не суди себя так строго. Хотя любовное фиаско, конечно, не легко пережить, и ты прав, что сердисься.

– У меня даже нет сил на нее сердиться.

– Я сейчас тебе объясню, как, на мой взгляд, обстоит дело. Ты, кажется, юноша очень симпатичный. Тебя бы подкормить, помыть, подстричь, и из тебя выйдет настоящий красавец.

Максин подмигнула ему и продолжала:

– Хоть меня, признаюсь, и напугало, что ты выучил наизусть ее расписание, но ты так сильно старался познакомиться с этой девушкой... Из этого следует, что ты все сделал, чтобы начать с ней общаться. Мало кто готов так рискнуть. Сколько людей упускают любовь всей своей жизни из-за боязни, что их отвергнут. А ты решился на это, и ты должен гордиться своим поступком. Если она не захотела быть с тобой, то проиграла она, а не ты.

– Вранье все это!

Алекс в ярости ударил по рулю, дав наконец волю своей злобе:

– Прimitивные фальшивые фразочки, чтобы мы поверили, будто завтра будет лучше. Мне назавтра лучше не стало. Я впал в депрессию, словно рухнул со скалы. Одна мысль была чернее другой. Одна бессонная ночь шла за другой. Один нудный день за другим. Вот что я выиграл, пойдя на риск.

Максин стало немного стыдно, что она пыталась втолковать ему избитые истины, но она правда так думала. Как ему это объяснить?

Она подыскивала нужные слова, как вдруг Алекс закричал:

– И знаете, что больше всего меня бесит? Что я сам себя не узнаю. На самом деле я не тряпка с лицом землистого цвета!

Он вытер слезу, скатившуюся по щеке. Посмотрел на кончик пальца, мокрого от соленой влаги. Алекс стыдился слез. Он никогда не плакал. Тем более на людях. Вот черт! Впрочем, терять ему было нечего. Он уже стал рассказывать про себя Максина. Лучше уж выложить все.

– Я чувствую себя виноватым оттого, что так распустился «из-за девчонки», как это обычно говорят. Мне же не оторвало руку, но боль-то не уходит. Никогда не отпускает. Бывают фантомные боли в потерянной руке или ноге, а у меня фантомные боли в потерянной любви.

– Я понимаю, что ты на самом деле страдаешь, но это все же не сравнить с ампутацией... Надо руководить благоразумием.

– Хранить.

– Ты о чем?

– Правильно – хранить благоразумие, а не руководить благоразумием.

– Ну а я что говорю?

– Нет, вы сказали руководить. Я уверен, я слышал.

– А я уверена в том, что говорю. Давай лучше вернемся к главному: твоей боли.

Алекс начал подозревать, что у старой дамы были проблемы с устойчивыми выражениями и оборотами речи. Но решил пока не цепляться к этому.

– Какой-то камень, огромный, как тридцатитонный грузовик, давит мне на сердце и грудную клетку и не дает дышать.

– А ты дыши глубже!

– Что-что?

– Да-да! Если этот камень задавил тебя, скинь его или хотя бы сдвинь!

– Легко сказать!

– Я не говорю, что надо забыть о своем разочаровании. Ты и не сможешь это сделать. Единственное, что нужно – постараться жить с этим дальше. Ты должен обмануть свой мозг.

– Обмануть мозг? Это как? Не знаю, насколько вы просвещены в анатомии, но мозг – это центр управления всем нашим организмом, генштаб, который, я думаю, обмануть невозможно.

– Спасибо за справку по анатомии, доктор Мабуль!^[8] Я примерно представляю, для чего нужен мозг. Ты как раз и можешь воспользоваться тем обстоятельством, что он управляет твоим организмом, чтобы вылечиться. Тебе надо постараться убедить себя, что ты это преодолеешь.

– А вы, как я погляжу, знаете, какую такую особую методику надо применять, чтобы обмануть мозг?

– Это требует усиленного самоконтроля, но игра стоит свеч.

– Свеч. Игра стоит свеч.

– Ты собираешься все за мной повторять? Не перебивай, когда я говорю что-то интересное... и даже когда говорю что-то неинтересное. Это невежливо.

Максин строго взглянула на Алекса, и тот вдруг почувствовал себя первоклассником, которого отчитывает учительница. Еще немного, и он встанет в угол.

Максин, судя по всему, слегка смягчилась, заметив выражение легкого ужаса на лице своего шофера. Теперь, добившись от него полного внимания, она могла продолжить свою лекцию:

– Ты должен избегать в своих рассуждениях любого отрицания. Ты должен говорить не: «Мне нехорошо», а «Мне скоро станет лучше». И твой мозг будет запоминать только положительное. Он ведь отправляет в твой организм гормоны и счастья, и беспокойства. Если ты будешь его кормить одними отрицаниями, он тебе будет отвечать стрессом.

– Как это просто, оказывается! Вы знаете секрет счастья? Скажите мне его! Вы, наверное, миллионерша при такой-то революционной теории, – саркастически заметил Алекс.

– То, что я тебе советую, гораздо труднее, чем ты, кажется, наивно полагаешь. Контролировать свои мысли – настоящий труд. Но я от тебя устала, у меня такое впечатление, что я мечу бисер перед овцами.

На сей раз Алекс решил ее не поправлять. Ему совершенно не хотелось вновь увидеть строгий взгляд учительницы.

– Откуда вы все это знаете?

– Я изучила «Депрессию для чайников».

– Правда?

– Ну конечно нет. Мой муж был психиатром.

Максин уставилась в боковое стекло. Алекс понял, что лучше ни о чем не расспрашивать. Прошедшее время не оставляло сомнений на сей счет.

В машине воцарилась тишина. Каждый думал о том, что сказал другой. Он – не отрывая взгляда от шоссе, она – погрузившись в созерцание сельского пейзажа.

Алекс воспользовался молчанием, чтобы осмыслить, что с ним произошло с того момента, как старая дама с ярко-фиолетовыми волосами села к нему в машину. Он никогда и ни с кем не делился своей болью. Ему было слишком стыдно говорить о ней с родителями или друзьями. И, тем не менее, после того как он это сделал, тяжелый камень на душе стал вроде как чуть-чуть полегче. Всего на несколько граммов, но ведь это уже кое-что.

– Знаете, что? Я за десять минут рассказал вам больше, чем моему психотерапевту за десять сеансов.

– Это говорит только об одном.

– О чем? Что психотерапевты ни на что не годятся?

– Нет. Психотерапевты приносят пользу, когда им дают правильную информацию, чего ты, как я подозреваю, не сделал...

– И что теперь?

– Мне надо брать с тебя деньги!

Машина резво катилась по шоссе. За окном проносились пейзажи, одно за другим сменялись невообразимые названия зон отдыха.

Максин немного освоилась, она даже расстегнула верхнюю пуговицу кардигана и вытянула ноги. Опершись затылком на подголовник, она расслабилась. Этот молодой человек ей явно нравился. Нервы у него были обнажены. Слишком чувствительный. Но ее интуиция говорила, что если ей удастся его обработать, то под грубой оболочкой она обнаружит бриллиант.

Украдкой взглянув на Алекса, она увидела, что он погружен в себя. Может, он обдумывает ее слова? Не перегнула ли она палку? Не слишком ли лезла с советами? Старые навыки учительницы взяли верх. Она умела распознать, кто на что способен. Набравшись опыта, она могла определить хорошего ученика, но, вопреки ожиданиям, вовсе не того, кто всегда получал пятерки, а того, кто действительно хотел выучиться и готов был для этого работать.

Чего не хватало этому юноше, так это веры. Прежде всего веры в себя, но шире – в людей, в жизнь, в будущее.

А поскольку у нее самой будущего не было, по крайней мере после Брюсселя, она решила посвятить то короткое время, что было ей отпущено, Алексу. Забавная штука, судьба. Она сталкивает вас с человеком, которого надо спасать, в то время как вы сами приговорены. Прощальный фарс перед тем, как потушат огни рампы.

Она сочла своей миссией вернуть ему вкус к жизни, веру в будущее. Тут в голове у нее мелькнула мысль.

– Я знаю, что мы сделаем. Остановись на следующей площадке для отдыха.

– Уже? Но мы только отъехали.

Ей не хотелось раскрывать настоящую причину остановки, он бы испугался. И она придумала оправданье:

– Знаешь, у нас стариков мочевого пузыря очень капризный.

– Вы не могли бы потерпеть? А то при таком раскладе мы вряд ли доедем.

Она бросила на него взгляд, холодный, как сибирские зимы.

– Ну, разумеется. У меня в сумке как раз должна быть пустая бутылка из-под воды. Вот я ей и воспользуюсь. Если ты будешь ехать не так быстро, то я точно не слишком промахнусь мимо горлышка.

И Максин притворилась, что ищет в сумке бутылку. Алекс брезгливо поморщился.

– Стойте! Я, вообще-то, устал, и чашечка кофе мне не повредит. Мы остановимся на ближайшей зоне отдыха через десять километров.

– Как хочешь, – ответила она, с удовольствием изобразив на лице полное безразличие.

Алекс, конечно, чувствовал, что позволяет манипулировать собой. Он краем глаза взглянул на старую даму с подозрением, но она выглядела очень милой, а ее руки смирно лежали поверх сумочки. Эта старушенция была прямо-таки доктором Джекилом и мистером Хайдом. С одной стороны, она походила на симпатичного и безобидного божьего одуванчика, а с другой – добивалась от вас всего, чего хотела, и вертела вами, как блинами на сковородке.

Он включил поворотник и стал сворачивать с шоссе.

– Есть место! Вон там! – завопила Максин, со всей силы махая руками.

– Вижу, не слепой. И нечего так голосить, у меня чуть инфаркт не случился.

– Ничего страшного, у меня сертификат об окончании курсов неотложной помощи.

– Ну тогда я совершенно спокоен!

И прежде чем она успела предложить ему помочь припарковаться (не иначе как полицейский в юбке), Алекс газанул, быстро встал на стоянку и выключил мотор.

К великому его удивлению, Максин и не подумала выходить из машины, но при этом как-то странно смотрела на него.

– Вы не хотите зайти внутрь?

– Зачем?

– М-м-м... чтобы освежиться.

– Я и так достаточно свежа, спасибо.

– Я хотел сказать – сходить в туалет.

– Тогда почему ты не выражаешься ясно?

– Я пытался быть вежливым.

Максин взглянула на него с нежностью.

– Ох, как это мило, дружок. Но знаешь, со мной лучше говорить напрямую. Я человек откровенный. И, как правило, намеков не понимаю. Это, конечно, от недостатка культуры.

Алекс почувствовал себя дураком. Даже с этой старой дамой он умудрился сесть в галошу. А она по-прежнему сидела в машине и внимательно смотрела на него.

– Вы мне сказали, что вам нужно в туалет.

– Ах, да! Я тебе наврала.

– Отлично! Самое оно для такого откровенного человека, как вы, в чем вы меня уверяли не далее как полминуты назад, – заметил он, посмотрев на часы.

– Наврала – слишком громкое слово. Скорее – сказала тебе неправду.

– Да это одно и то же.

– Ты что, подрабатываешь в редакции «Словаря синонимов»? Дай объяснить. Я знаю, как решить твою проблему.

– Вы знаете рецепт приворотного зелья?

Максин невольно забеспокоилась, заметив в глазах Алекса лучик надежды.

– Увы, нет, мой милый, – вздохнула она, нежно погладив его по щеке. – Повторяю другими словами: я знаю, что надо начать делать, чтобы тебе стало лучше.

– Опять что-то про гормоны и мозг?

– Нет, но я тебе благодарна за проявленную готовность и доверие. Взгляд Алекса помрачнел.

– Предлагаю тебе сделать одно простое упражнение. На доверие.

И она нарочито широко улыбнулась. То ли от возбуждения, то ли от самодовольства – Алекс толком не понимал, от чего именно. А когда она истоиво захлопала в ладоши, он вспомнил морских котиков, аплодирующих ластами. Максин сияла. Она была страшно горда своей идеей.

У него не хватило духу сказать ей нет. И потом, он чувствовал, что его отказ вызовет спор, а это займет гораздо больше времени.

– Окей. Хотя я заранее жалею, что задаю этот вопрос... В чем заключается ваше упражнение на доверие?

Алекс при этом невольно изобразил руками кавычки.

– Ты должен упасть.

– Гениально! Ваше решение моей проблемы – проломить мне череп.

Максин подняла глаза к небу.

– Ты упадешь, а я тебя поймаю. Ты встанешь ко мне спиной и будешь наклоняться назад, чтобы я тебя подхватила. Это научит тебя доверять людям. Доверие – это фундамент и цемент, на которых ты будешь строить все отношения с окружающими – друзьями, коллегами, любимыми. Отношения без доверия – это все равно что несоленый багет, не имеющий вкуса.

Алекс был настроен более чем скептически. Он совсем не понимал, чем это упражнение сможет ему помочь. Единственное, чего он хотел, это уже поехать дальше и как можно скорее добраться до пункта назначения. Старушка, конечно, была полна благих намерений, но начинала утомлять. А кроме того, он стал сомневаться в ее психическом здоровье. Выдумать, что ей срочно надо в туалет, чтобы заставить его проделать это дурацкое упражнение? Серьезно? Она, наверное, совсем чокнутая!

Да и сам он не лучше, если согласился. Тем не менее он высматривал место побезлюднее, сопровождаемый взглядами водителей, которые остановились выпить кофе. Они с Максин прошли до самого конца зоны отдыха к небольшой лужайке. Старушенция расставила пошире ноги, а потом полуприсела, чтобы принять более надежную позу. Вид у нее был то ли борца дзюдо, готового схватиться с соперником, то ли собаки, страдающей от запора. Но она была такая серьезная, так что Алекс не решился засмеяться.

– Я готова! Можешь встать напротив меня, я должна видеть твой затылок.

Алекс с недовольным видом, еле передвигая ногами, наконец расположился спиной к Максин.

– И что, теперь я должен броситься назад спиной?

– Не надо бросаться назад спиной – ты не кит Вилли, перепрыгивающий скалы. Просто падай.

– И вы меня поймаете? Точно?

– Точно.

– А то ведь, знаете, доверие – это не про меня...

– Не волнуйся.

Алекс закрыл глаза и сжал челюсти. Переступил с ноги на ногу, чтобы почувствовать площадку, а затем откинулся спиной назад.

И рухнул.

Прямо на землю.

Ударился о нее с глухим стуком.

– Ох! Но вы же ничего не сделали, чтобы меня удержать! – сказал он Максин, глядя на нее с ужасом.

– Прости! Ты так быстро это сделал, что я не успела тебя подхватить. Ты махал руками, и я из-за этого потеряла бдительность.

– Вот видите, я был прав. Никому нельзя доверять!

– Нет, ты совершенно не прав. Вывод из этого один: рефлекс у стариков уже не такие, как у молодых. А мораль следующая: не начинай, не проверив степень артроза твоего партнера.

После неудачи с упражнением на доверие атмосфера в салоне машины была далеко не на отметке «ясно и сухо». Они ехали дальше, но теперь уже в полном молчании.

Максин ужасно злилась на себя за то, что не смогла удержать Алекса. Она явно переоценила свои силы. Она ни за что не успела бы его схватить. Ее оптимизм и самомнение получили по заслугам. А «потрясающий способ» решить проблему обернулся полным крахом.

Обычно она лучше разбиралась в людях. Так у нее всегда было в жизни. Ей удавалось быстро и точно составить представление о тех, кто ее окружал. Эта способность очень пригодилась ей в общении с учениками. Она знала, как к кому подойти, на кого действовала строгость, с кем надо быть ласковой, а кто любил убеждение и доводы. Однако этот Алекс оставался для нее загадкой. Он подчинился ее просьбе сделать упражнение, ничуть не сомневаясь, что дело плохо кончится, как будто именно этого и желал. Депрессия у него глубже, чем она предполагала. Стало быть, усилия ей надо удвоить.

Он доверился ей, рассказав свою историю и согласившись на предложенную игру. Значит, и ей надо поступить так же.

Алекс замкнулся, стыдясь, что поддался на этот глупый фарс. В который раз он остался в дураках. Просто невысказано, до какой степени судьба может на него ополчиться. Даже в самой невинной поездке на машине нужно же было ему заполучить самую безумную из всех старух! Он уже почти жалел, что с ним едет не заядлый курильщик с фреткой.

Чтобы прогнать эти мысли, он решил включить радио. Когда он нажал кнопку, раздался пронзительный звук, сопровождаемый басами на такой громкости, что у него зашло сердце. Он испугался, что у Максина случится сердечный приступ. При его-то везении, ему запросто могли пришить убийство. Убийство с помощью автомобильного радио. Оригинально!

– Извините. Я хотел включить музыку. Сейчас выключу.

– Нет-нет. – Максина остановила его руку. – Оставь.

– Тогда найду что-нибудь поспокойнее. Вам, я думаю, должно понравиться «Радио Классик»...

– А вот и ошибаешься. Что за предрассудки! Думаешь, если я старая, то пробавляюсь «Радио Классик» и «*Молодыми и дерзкими*»?^[9]

– Прошу прощения, я не хотел вас обидеть, – смутился Алекс. – Так вы не любите «Радио Классик»?

– Конечно люблю!

– Так вы же только что утверждали обратное.

– Ничего подобного. Я сказала, что тот факт, что ты полагаешь, будто я ценю это радио, потому что я старая, указывает на банальность или даже на дискриминацию с твоей стороны.

– Ах вот что! А как насчет «Молодых и дерзких»?

– ...

Алекс был горд, что наконец-то выиграл очко в их словесной дуэли. Он ликовал, видя, что она растерялась.

– Я лучше промолчу. Это мой таинственный сад.^[10]

Он в сомнении приподнял брови, но решил, что достаточно и такой победы. И вообще – любить «Молодых и дерзких» не такое большое преступление.

– Какую музыку вы хотите послушать? Может, есть конкретная станция?

– Поставь «Фан Радио». Мне нравится быстрая музыка. Можно на полную громкость.

И она закивала головой, задорно улыбаясь.

– Запросто, – согласился измученный Алекс. – Терпеть не могу подобную музыку.

– Почему? Она ведь веселая.

– Вы, может, не заметили, но я-то сам не очень веселый.

– Да, да, депрессивный и т. д. Я поняла. Но тебе самому было бы лучше, если бы ты хоть немного расслабился.

И она энергично покрутила руками в воздухе, как Джон Траволта в «Лихорадке субботнего вечера». Алекс понаблюдал за ней, а затем сказал без иронии, с грустью во взгляде:

– Вы видели на концертах тех, над кем смеются? Тех, которые подпевают, танцуют, аплодируют, как ненормальные? Бывают мгновения, когда мне так хотелось бы оказаться на их месте: жить здесь и сейчас. Пока я с презрением наблюдаю за ними со стороны,

они вовсю веселятся. Я им завидую, потому что совершенно на это не способен.

– У тебя нет таланта к счастью.

– Спасибо, я заметил.

– Я имею в виду, что ты не одарен *от природы* талантом к счастью. Некоторые люди рождаются с этим даром, а некоторые должны развить в себе способность изумляться, получать удовольствие. Но не все так плохо – ведь ты можешь этому научиться. Может быть не прямо сейчас, когда ты слишком погружен в свою депрессию, чтобы замечать вокруг себя что-то прекрасное, но попозже, когда пройдет время, твои раны немного затянутся и ты не будешь на все смотреть так мрачно.

– Это вы тоже вычитали в «Депрессии для чайников»?

В ответ Максин высунула язык. Эта детская шалость и озорство в глазах делали ее похожей на школьницу, с восторгом прогуливающую уроки. Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. Это было здорово. Никто из них уж и не помнил, когда смеялся в последний раз. Алекс – ни разу с начала депрессии, а Максин – с переселения в дом престарелых. А ведь от смеха стало так хорошо! Как будто внутри что-то вспыхнуло и по всему телу начало разливаться тепло, хотя до этого они и не подозревали, что им холодно.

Алекс почувствовал, что вполне доверяет Максину, чтобы поделиться одним соображением, которое много раз приходило ему в голову, когда отступали приступы тревоги.

– Бывают дни, когда мне хочется снова стать маленьким. Иметь право свернуться калачиком и заплакать. И чтобы со мной был кто-то, кто возьмет меня на руки и утешит.

– В старости ты почти что ребенок. Только ты уже не сворачиваешься калачиком и не плачешь, а лежишь, как бревно, и пускаешь слюни. А утешать тебя приходят люди в белых халатах и опекуны. В старости ты не можешь больше существовать, как раньше. Твое тело тебя больше не слушается, и все вокруг полагают, будто лучше знают, что тебе нужно. Когда ты маленький, то понятно, что это ненадолго, когда ты старик – это единственное, что ждет тебя до самой смерти. Тебе говорят, где ты должен жить – ведь совершенно ясно, что сам ты этого не знаешь, ты не в состоянии жить один, хотя и успешно с этим справлялся последние семьдесят лет. Тебе говорят, что ты

должен есть, потому что, ясное дело, ты и этого не знаешь. Неужели ты вдруг так поглупел? Нет, просто ты постарел, и все это делается «ради твоего же блага». Быть стариком – это все равно что быть ребенком, которого принимают за идиота.

Максин запыхалась от своей тирады. И сама себе удивилась. Она только что высказала вслух негодование, запрятанное так глубоко в душе, что она и не отдавала себе в нем отчета. Да, она негодовала на дом престарелых, на мужа, на болезнь, на жизнь и на смерть.

Глаза ее затуманились от слез.

– Ну что ж, надо признать, что вы не одарены талантом поднимать настроение!

Максин взглянула на Алекса и повеселела. Ее звонкий смех справился со слезами, имевшими наглость выкатиться из глаз.

В конце концов они сошлись на «Радио Ностальжи». Достаточно бодрое для Максина и вполне спокойное для Алекса. Достаточно современное для нее и вполне винтажное для него.

Мягкий голос Ареты Франклин наполнял салон теплыми *вайбами*. Звуки ударных разносились по всему «Твинго» из слабеньких динамиков дешевой радиосистемы.

R.E.S.P.E.C.T, взывала Арета Франклин. Максина покачивала головой в такт музыке и видела себя вновь молодой, гораздо более молодой, пританцовывающей под эту же самую мелодию в тот момент, когда она готовила ужин для мужа. Он подходил к ней, обнимал за талию, и они танцевали вдвоем. Он кружил ее, и ей казалось, что они одни на всем белом свете и что счастливее быть невозможно. И она не ошибалась. Они были такими красивыми, сильными, полными жизни и надежд, что она вдруг почувствовала, как все сжалось у нее внутри, да так сильно, что ей стало больно.

Максина решила, что лучше будет смотреть на Алекса. Она ожидала увидеть то наполовину сосредоточенное, наполовину обреченное (будто завтра конец света) выражение, которое обычно присутствовало на его лице, однако, к немалому удивлению, обнаружила, что оно преобразилось. Лицо у него сияло! А рот открывался и закрывался с некоторой закономерностью, которую она не сразу, но все же соотнесла со словами песни. Его руки слегка похлопывали руль, а голова, прежде неподвижная, будто ее посадили на кол, а не на шею, стала поворотливее и мягко покачивалась влево и вправо. Максина остолбенела от такой перемены.

– Ты знаешь все слова?

Макс моментально напрягся, перестал качать головой и постукивать руками.

– Э-э-э... мне нравится эта песня.

У него был вид застигнутого врасплох хулигана.

– До того, что ты знаешь все слова. А ведь ты еще не родился, когда она появилась.

– И что?

– Разве тебе не пристало скорее слушать Давида Гетта^[11] или Джастина Тимеберлейка?

– Предпочитаю Отиса Рединга и Фрэнка Синатру.

– Ну и устаревшие у тебя предпочтения! Вы с Джеки Потье точно бы закорешились.

– Кто этот Джеки Потье?

– Мой бывший сосед по комнате в доме престарелых. Покойный.

– Сожалею.

– Да не стоит. Знаешь, в моем возрасте мертвых знакомых уже гораздо больше, чем живых.

Она пожала плечами:

– Это закон жизни. Ты бы еще сошелся с Жозефиной Ламот, шикарная девчонка, эта Жозефина. Ах, да, забыла – она ведь тоже скончалась.

– Ну, что ж, я счастлив узнать, что мог бы поладить со столькими покинувшими нас людьми.

– Я даже думаю, что с твоими музыкальными предпочтениями ты бы мог стать весьма популярным в доме престарелых.

И Максин одарила его лукавой улыбкой, от которой морщины вокруг ее глаз легли еще глубже, подчеркивая при этом их лазурную синеву.

– Послушай, я думала, что помру со скуки в этой поездке с Александрой, которая не моет голову, и только и будет со мной говорить, что о пыльных книгах...

– Александра?.. Если вы вдруг не заметили – я мужского пола.

– Спасибо, заметила. Но почему бы не написать в твоём профиле, что ты любишь музыку?

– Я не решился сказать, что слушаю старый американский соул – боялся спугнуть потенциальных пассажиров.

– Неужели ты всерьез думаешь, что твой профиль вызывал желание ехать с тобой? Ты единственный ехал в Брюссель, только поэтому я тебя и выбрала. Что за нелепая идея писать, что ты любишь путешествовать, читать и бог знает какую еще ерунду?

– Еще люблю ходить в музей. Я полагал, что так у меня больше шансов найти кого-то поспокойнее.

– Тебе это удалось! На твоё счастье тебе попала я. Именно из-за этого описания и из-за имени я и подумала, что ты – девушка.

– П-ф-ф...

– Извини, но музеями и книгами парни, как правило, не увлекаются.

– Значит, поскольку я парень, то должен быть неграмотным невеждой? Великолепное клише! Тогда и вы не говорите мне, что на самом деле любите механику, виски и Тур де Франс, потому что я тоже, представьте себе, ожидал увидеть представителя другого пола. Я думал, вы – мужчина: Макс.

– Так меня зовут друзья.

В ее голосе слышалось больше оправдания, чем ей того хотелось бы. Но она продолжила уже более спокойно:

– Ты прав. Я немного погрешила против истины.

– Стало быть, соврала.

Она помахала рукой, как будто отгоняла муху от лица.

– На самом деле я не интересуюсь механикой, я так написала, чтобы исключить сексуальных маньяков.

Алекс не верил своим ушам:

– Сексуальных маньяков?

– Да. Я смотрела репортаж Бернара Вильярдьера. Он шел как раз после сюжета о проституции и наркотрафике в Либероне. Или о Лилле, где процветает нелегальная торговля поддельным маруалем^[12].

Он глядел на нее в полном изумлении.

– Маруаль, сыр такой, – сочла нужным объяснить Максин.

– Но какое отношение имеют сыр и проституция к вашему профилю на сайте?

– Ясно какое: эта передача предостерегала меня от психопатов, которые используют Интернет, чтобы наброситься на молодых женщин. Мне совсем не хотелось очутиться в могиле!

– Так вы подделали ваш профиль?

– Ну, зачем сразу громкие слова! Не мудрствуй лукаво! И вообще, в отличие от тебя, я соврала всего один раз.

– Ну, разумеется! Вы же в самом деле любите Тур де Франс.

– Именно так.

Алекс недоверчиво посмотрел на Максин. Он явно не верил ей.

– Велосипедные гонки, да?

– Да. И что?

– Мне казалось, что это скорее по мужской части.

Краска залила щеки Максин, испещренные мелкими морщинками.

– Замечание твое – сексистское, а «это», как ты выражаешься, – не болезнь, «это» увлекает до страсти массу людей. Я знаю множество женщин, обожающих Тур де Франс.

– В самом деле? – спросил Алекс, скорчив скептическую мину.

– В самом деле. Реймонда Лёкё, например.

И на ее лице появилась довольная улыбка, из разряда «Ну, что, съел?»), которая, судя по всему, ничуть не смутила «мальчика».

– А это кто?

– Моя бывшая почтальонша. Тоже покойная.

– Стало быть, информация проверке не подлежит.

– Жермена Ришье.

– ...

– Моя школьная подруга.

– ...

– Покойная.

Он закатил глаза.

– Жоржетта Дебу.

– Дайте угадаю: покойная.

Она пожала плечами с самым невинным видом:

– Что я могу поделать.

Алекс на секунду задумался:

– Ладно! Кто выиграл Тур де Франс в 1985 году?

Максин, задумавшись, прикрыла веки:

– Проще простого! Бернар Ино.

– Впрочем, вы могли бы мне сказать все что угодно – я про это не знаю абсолютно ничего.

Он вздохнул и сделал музыку громче. Максин тут же убавила громкость, заткнув рот Бони М.

– Теперь, когда мы кое-что знаем друг о друге, не мог бы ты мне сказать, зачем отправляешься в Брюссель?

– Просто так.

Максин почувствовала, что он не хочет ничего больше ей говорить, и предпочла его не торопить.

Алексу, не привыкшему скрывать правду, было не по себе. Он уже столько всего порассказал этой даме, о которой, однако, по-прежнему ничего не знал сам. И задал ей тот же вопрос:

– А вы-то зачем едете в Брюссель? Навестить кого-то? Может, вашу семью?

– У меня больше нет семьи.

Воцарилась тягостная тишина. Та, что заставляет почувствовать малейшие колебания воздуха. Алекс хотел лишь поддержать разговор, но коснулся какой-то болевой точки. Нужно было немедленно что-то сказать, только что? В подобных случаях всегда так трудно найти слова.

– Простите меня.

– За что? Ты же в этом не виноват.

– Так значит, вы едете посмотреть Брюссель? На экскурсию?

Максин посмотрела прямо в глаза молодому человеку.

– Тебе лучше не знать.

– Это почему же мне лучше не знать?

– Слушай меня. Ради твоего же блага.

Алекс искоса посмотрел на нее, вдруг что-то заподозрив. Он вспомнил, как она предлагала ему наркотики. Вообще говоря, он о ней почти ничего не знал. Он подытожил про себя те немногие сведения, которыми располагал:

Вышла из дома престарелых. Означало ли это, что она действительно там жила?

Ехала в Брюссель. Что она собиралась там делать?

Семьи у нее не было. По ее словам.

Ее муж был психиатром. Погуглить.

Любит музыку в стиле техно. Подозрительно.

Смотрит много, даже чересчур много, репортажей.

Ничего особо криминального в этом не было. Но осторожность никогда не помешает.

– Вы, по крайней мере, не совершаете ничего незаконного?

Надо было написать в профиле, что он не хочет пассажира с криминальным прошлым.

Хуже всего было то, что «преступница» лишь загадочным образом пожалала плечами.

– Вы хотя бы не в бегах?

Хорошенькое дело! Не иначе, как нарвался на Бедовую Джейн^[13] в кардигане из чистой шерсти!

– Да нет!

Она отмахнулась.

– Значит, торгуете наркотиками. Наверняка. Я смотрел передачу – не вам одной их смотреть – где рассказывали, что наркомафия использует пожилых людей для провоза наркотиков. У таможенников не возникает подозрений, и груз уходит как по маслу.

Он оторвал взгляд от дороги и посмотрел на Максина.

– Послушайте-ка. Я не желаю участвовать в ваших темных делишках. Я отвечаю за свою «Твинго». Да она и не выдержит полицейской погони. И вообще, тюрьма – это не для меня. Я псих, и в

конце концов огребу по полной, мы все знаем, чем это заканчивается. Нет уж, у меня и без того куча проблем...

Старая дама положила руку на плечо Алекса, чтобы остановить его.

– Хватит нести всякий бред, лучше смотри на дорогу, а то попадем в аварию. Ты этого хочешь? Лично у меня нет желания умирать. Во всяком случае – сейчас и вот так.

Они молча смотрели какое-то время на бегущее им навстречу шоссе. Монотонно мелькающие разделительные полосы в конце концов немного успокоили их.

– Ну? – спросил Алекс.

– Что ну?

– Вы скажете мне?

– Что я должна сказать?

– Зачем вы в Брюссель-то едете? Я начинаю психовать из-за этого.

– Я уже объясняла – лучше тебе этого не знать. Поверь, что иначе ты еще больше распсихуешься.

– Вы не наемная убийца, по крайней мере?

Он взглянул на Максина и спохватился:

– Да нет, это было бы смешно!

– А почему это было бы смешно? – нахмурилась старушка.

– Потому что... м-м-м...

Алекс неуверенно очертил ее рукой в воздухе.

– Потому что я слишком древняя, да? В КГБ, представь себе, есть агенты и постарше меня.

– Так вы из КГБ?

От изумления он сделал резкий поворот, но тут же пришел в себя и взялся покрепче за руль.

– Ты чокнулся? Ты же нас убьешь!

– Так вот что! Вы из КГБ...

Максин наслаждалась повисшим в воздухе напряжением. Ей доставлял удовольствие полученный эффект. Но это не могло продолжаться вечно, ей надо было признаться.

– Нет.

– Что значит «нет»: вы не из КГБ или вы не можете мне ничего сказать, иначе вам придется меня убить?

Максин рассмеялась:

– Ты слишком много смотришь телевизор. Нет, я не из КГБ.

– Так зачем же вы меня уверяли в обратном?

– Я никогда не говорила тебе, что я агент КГБ. Это все твой психоз виноват. И заметь, что я никак не отреагировала на твое замечание, что я слишком стара для наемной убийцы. А это было очень обидно.

– Так вы и есть наемная убийца, да?

– Опять нет.

– Кто же вы, наконец?

– Я Максин, но ты можешь звать меня Макс.

Молодой человек совершенно растерялся. Он больше не понимал, с кем имеет дело.

– А зачем вы едете в Брюссель?

– Ты правда хочешь это знать?

– Да.

– Чтобы умереть.

– Ладно, я понял. Вы меня разыгрываете. Я уже немного вас знаю. Неплохая шутка. Мрачноватая, правда, но удачная.

Алекс хлопнул себя по ноге, как будто похлопал по плечу приятеля, рассказавшего о классном приколе. Но его веселье продолжалось совсем недолго. Ровно до того момента, как он заметил выражение лица у своей попутчицы, точнее – всякое его отсутствие. Она больше не улыбалась ему с задорным видом, как прежде, а была серьезна и словно застыла, дожидаясь, чтобы он все понял сам.

Хотя Максин и казалась абсолютно спокойной, ее все-таки тревожило, какова будет реакция Алекса. Она впервые говорила с кем-то о планируемой эвтаназии. Конечно, она обсуждала это с врачами, но то не в счет. Они смотрели на нее не иначе, как на обреченную пациентку, как на один случай среди прочих, в то время как этот милый юноша видел ее живой, такой, какой она была на самом деле. И теперь она боялась, что он станет смотреть на нее иначе.

Однако она должна была объяснить ему свое решение, ей необходимо было раскрыть кому-то причины, побудившие ее положить конец собственной жизни.

– Ты думаешь, что твои страдания настоящие. И сейчас для тебя это так и есть. И я уважаю твою горе. Но на самом деле ты не знаешь, что такое настоящее страдание, и я надеюсь, что узнаешь это как можно позже. Моя мама часто повторяла: «У каждого возраста свои проблемы». У маленького ребенка маленькие проблемы, но для него они самые настоящие. В твоём возрасте главные проблемы – это любовные огорчения.

– А в вашем?

– В моем? На этот вопрос ответить очень сложно. Когда состаришься, то, на мой взгляд, сложнее всего согласиться с тем, что у тебя нет никакой перспективы. Нет больших планов, нет цели в жизни, нет мечты. Есть лишь одна задача – сделать так, чтобы неизбежное случилось как можно позже и как можно безболезненнее.

– Так вот в чем ваша проблема: вы состарились?

У Алекса мелькнула надежда: старушка вовсе не самоубийца, она просто хандрит из-за того, что время проходит.

– Нет, с этим я давно смирилась. Но что я никак не могу принять, так это потери.

– Потери чего?

– Потери людей, которых я любила. И себя – той, какая я на самом деле. Я ведь понемногу разрушаюсь. Я растворяюсь внутри себя и вскоре исчезну. Мне уже не удастся обманывать свой мозг, чтобы внушить ему, будто я счастлива. Я слишком долго его обманывала и теперь расплачиваюсь за эту ложь.

– Вы больны?

– У меня Альцгеймер.

Страшное слово сорвалось наконец-то с ее губ, и ей, как ни странно, стало легче, как будто теперь, после того как она осмелилась произнести его вслух, ей удастся изгнать из себя чудовище.

У нее был Альцгеймер. Она точно знала. От того, что она с кем-то этим поделилась, ей действительно стало лучше. Она держала это в себе как секрет, в котором стыдно признаться. Груз на душе давил гораздо сильнее, чем ей казалось. Признаться было очень больно. Щипало так сильно, будто ей прижгли рану спиртом. Но пережить эту боль было необходимо, и теперь она это четко понимала.

Мозг у Алекса закипал. Это уже чересчур! Последняя капля переполнила чашу его эмоций. Ему бы со своей депрессией разобраться, а теперь придется еще и отговаривать от самоубийства больную дамочку! Плюс к тому, он уже успел оценить эксцентричную старушку. И от новости о ее неизлечимой болезни сердце у него сжималось.

Не мог он позволить ей совсем отчаяться. Разрешить ей прикончить себя, как какое-нибудь несчастное животное на бойне. Необходимо было действовать. Но ему требовалось разузнать о ней побольше, чтобы заставить ее передумать.

– Вы совершенно уверены, что у вас Альцгеймер?

М-да, он, конечно, мог бы придумать что-то поумнее или хотя бы потактичнее, но главное – начать. Максин, судя по всему, не рассердилась.

– Вообще-то да. С такими сведениями, как правило, не шутят.

– Я хотел сказать... Вы консультировались с несколькими врачами? Надо всегда узнавать мнение не одного специалиста.

– Вовсе не нужно консультироваться с кучей врачей, чтобы понять, чем я больна. Мне отлично известны симптомы этой болезни.

– Знаете, не стоит доверять всему, что пишут в Интернете. Начинают с родинки, а заканчивают четвертой стадией рака.

– Мне и в голову не приходило смотреть в Интернет, чтобы узнать что-то по медицине. К тому же компьютер в доме престарелых такой допотопный, будто его изъяли из грота Ласко^[14] – не хватает лишь рисунков лошадей и быков.

– Вот видите. Зря вы бьете тревогу. Вы, наверное, сами себя напугали. А то Альцгеймер – сразу громкие слова!

Участливость молодого человека тронула Максин. Она видела, как он обрадовался, решив, что она просто склонна к ипохондрии. Она досадовала, оттого что вынуждена огорчать его. Но все равно решила сказать ему правду, всю правду до конца.

– Я безошибочно определяю симптомы Альцгеймера, потому что однажды уже могла их наблюдать. У моего мужа. Я видела, как он постепенно погружается в забытие. Как исчезает в подвалах своей памяти. Я следила, как болезнь одолевает того человека, каким он был прежде. Он тем не менее сражался с ней, но битва была неравной, заранее обреченной на поражение. Он был исключительной личностью, человеком редкого ума. Для него было невыносимо узнать, что его разум будет слабеть и слабеть. Мы проводили как можно больше времени, вспоминая вместе наше прошлое, якобы чтобы тренировать его память. На самом же деле, нам хотелось в последний раз пережить друг подле друга мгновения счастья. И мы их украли у болезни. Да! Насколько это было возможно. Но однажды этому пришел конец. Он исчез. Человек остался, а мой муж исчез. Хотя он и не узнавал меня, мне нравилось сидеть рядом и слушать его лекции по психиатрии. Иногда он принимал меня за свою ученицу и объяснял мне теории Фрейда и Лакана.

– Наверное, это было ужасно – сидеть рядом с мужем, который вас не узнает.

– Да. Но в этой ситуации, самое большее, на что я могла рассчитывать, это побыть еще какое-то время с ним. Я стольким ему обязана. Он спас мне жизнь.

Максин пожалела, что сказала последнюю фразу. Она и так слишком много наговорила, дав волю воспоминаниям, а теперь не знала, удастся ли их спрятать обратно. Воспоминания – это как драгоценные вещицы в глубине шкафа, которые боишься вынимать, чтобы не разбить.

Но в конце концов... Что ей терять? Разбивать уже нечего. И потом, было что-то обнадеживающее от сознания, что часть истории ее жизни останется после нее. В ее-то возрасте она уже не боялась, как на нее посмотрят люди, а ее попутчик, казалось, был не из тех, кто судит окружающих. К тому же, пока она рассказывает, мальчик забывает о своей депрессии.

Она украдкой взглянула на Алекса, тот словно окаменел. Она было открыла рот, чтобы посоветовать ему дышать, но увидела, что его грудная клетка вновь расширилась от глубокого вдоха.

– А у вас не было детей?

Этот вопрос. Этот жуткий вопрос, которого она боялась всю свою жизнь. Каждый раз, когда ей задавали его, ледяная дрожь пробегала по затылку, а сердце сжимало тисками. Она всегда отвечала нет, с годами даже научившись изображать полное равнодушие, но от этой лжи ее тошнило. Она была самой себе противна. Ей хотелось побить, исцарапать себя. Почувствовать, как течет кровь по разодранной коже. Причинить себе боль физическую, а не душевную.

Теперь она врать не хотела. Когда конец близок, смысла в этом нет.

– Были.

Алекс понял, что нужно замереть. Малейшее движение могло прервать исповедь его попутчицы в такой важный момент. Он чувствовал, что Максин собирается доверить ему мучительную тайну. Он боялся оказаться не на высоте, как с ним обычно бывало. А если он поведет себя как-то не так, Максин покончит с собой! Ответственность – это не про него! У него даже Фёрби^[15] не выжил... Даже рыбки подошли от тоски. Когда он был маленьким, его черепашки-камикадзе прыгали с верхушки пальмочки в аквариуме, водруженном на комод – настолько жизнь с ним казалась им невыносимой. Все его хомяки пропадали. Сбегали с концами. Если ему не удалось спасти своих животных, то что уж говорить о старой даме.

Он все еще думал, как ей ответить, когда Максин сказала:

– У меня родилась дочь. Она была крохотной и такой красивой. Я видела ее всего несколько секунд, но ее личико врезалось мне в память навсегда.

– А что случилось?

– Я отказалась от нее.

– Отказались? Какой ужас! Но почему вы это сделали?

Она с грустью заметила искорки гнева в глазах Алекса. Этого-то она и боялась.

– Я не могла ее оставить у себя.

– Так и говорят все матери, которые отказываются от детей. Чего проще?

– Чего проще? Ты думаешь, это было просто?! Видеть, как эту чудесную малышку отрывают от моей груди, как исчезает единственное воспоминание о человеке, которого я любила? Чувствовать на себе тяжелый осуждающий взгляд акушерок, оттого что я была «матерью-одиночкой»?

Алекс почувствовал себя виноватым. До чего же он глуп! Кто дал ему право судить ее? Да, сам он чувствовал себя отвергнутым своей матерью, но ведь это не повод нападать на бедную женщину.

– Простите меня! Я не имел права так говорить.

Максин ласково погладила его по коленке.

– Не переживай. Бывало и хуже.

– А что это такое – «мать-одиночка»?

– Так называли в те времена женщин, которые рожали детей, не будучи замужем. На них смотрели очень косо. Нас считали девушками легкого поведения.

– А почему вы не были замужем?

– Я была влюблена в одного парня. Его звали Леонар. Он был высокий, сильный, нежный и веселый. Мы решили пожениться, после того как он вернется с войны. Когда его призвали, мы обручились. Это был самый прекрасный и самый печальный день в моей жизни. Он хотел защищать свою страну и считал, что полагается идти воевать за ее ценности. А я просто хотела, чтобы он остался. У его матери, фермерши с замашками барыни, были старорежимные взгляды. Она была женщиной холодной и строгой, но я с этим смирилась – ведь это мать моего Леонара. Он писал мне письма два раза в неделю. Я с нетерпением ждала их. С ужасом читала про жизнь на фронте, про

засады, затишья перед боем, сражения. Я переживала вместе с ним, переживала за него. Но однажды почтальон не остановился у моего почтового ящика. Не останавливался неделю, две, три. Месяц. Мне тем более не терпелось получить вести от Леонара, потому что в своем последнем письме я сообщала ему, что жду ребенка. Два месяца без вестей. Я знала, случилось что-то ужасное, но не хотела этого принять. Прошло четыре месяца. Мать Леонара получила из министерства письмо, в котором сообщалось, что ее сын пал смертью храбрых. Для меня весь мир обрушился. Неделю я не вставала с постели. Я не хотела, я не могла больше жить. Жить без него. А потом я почувствовала толчок маленькой ножки в животе. Это был знак от малыша внутри меня, который напоминал мне, что он там. Мой Леонар оставил мне свой след.

Максин замолчала. Она была без сил. Мертвенно бледна. Алекс протянул ей бутылку воды. Она отпила глоток из горлышка.

– Хотите, остановимся? У вас измученный вид.

– Нет, спасибо, я предпочитаю покончить с этим теперь же. Мне нужно дойти до конца, чтобы кто-то это знал.

Алекс молча кивнул головой.

Максин набрала в легкие побольше воздуха, перед тем как продолжить рассказ:

– Я пришла к матери Леонара сказать, что у меня будет ребенок. Думала, это немного смягчит ее горе. Никогда не забуду, как она на меня тогда посмотрела. Затем повернулась ко мне спиной и ответила холодно и с полным равнодушием: разве можно быть уверенной, что отец ребенка такой девушки, как я, ее сын.

– Вот гадина!

Максин не удержалась от улыбки.

– Совершенно с вами согласна. Но в то время я бы никогда не решилась тягаться с этой женщиной. Она была знакома со всеми влиятельными людьми моей деревни, все ее боялись и уважали. Я в слезах вернулась домой, рассказала, в чем дело, родителям. И получила мощную затрещину от отца, который заявил, что я ужасно подвела нашу семью, и одни рыдания от матери, полагавшей, что жизнь моя вконец испорчена. Что было потом, я помню довольно смутно. Последующие месяцы я была как не в себе. Я благоговейно ловила малейшее шевеление младенца и смотрела на мой все более

округлявшийся живот с нарастающим ужасом, ибо знала, что скоро должна буду расстаться с малышом. В день родов акушерки взирали на меня с презрением и безжалостно давили на мой живот. Когда моя девочка появилась на свет, я умоляла их разрешить прикоснуться к ней. Одна из них в конце концов согласилась и положила ее мне на грудь. Всего на несколько чудесных мгновений. Потом ее от меня оторвали, запеленали и унесли.

– Вы никогда больше ее не видели?

– Нет.

– И не пытались ее отыскать?

– Так и не решилась. Мне было слишком стыдно. Стыдно за свою слабость. За то, что пошла на поводу у родителей. За то, что мнение чужих сочла важнее своего.

– Вам совсем нечего было стыдиться. Вы могли бы ей объяснить, почему так получилось, она наверняка поняла бы.

– Я струсил.

Максин отпила еще немного воды и медленно проглотила ее, чтобы потянуть время и набраться мужества рассказать историю до конца. Она глубоко вздохнула и продолжила, закрыв глаза.

– Однажды мой муж, Шарль, вернувшись домой, протянул мне бумажку, на которой были написаны имя и адрес. Он попросил своего друга найти мою дочку.

– Как ее зовут?

– Леони Легран. Я не знаю, чья это фамилия – семьи, которая ее удочерила, или ее мужа. Но имя Леони выбрала ей я, в память о ее отце, правда, не была уверена, что акушерки именно так ее и назовут.

– И что же? Вы ей позвонили?

Максин поглядела вдаль сквозь стекло, хотя и не различала пробежавших мимо пейзажей.

Признание требовало от нее невероятного усилия, но она должна была его сделать. Никто, кроме ее мужа, не знал этой тайны. Она держала ее в себе больше семидесяти лет.

– Нет, не позвонила.

– Но почему же? – спросил Алекс громче, чем хотел.

– Я испугалась. И струсил. Поначалу я подумала, что, если она счастлива, нечего мне ее тревожить. Потом, наоборот, я подумала, что если она несчастлива, то для меня это будет невыносимо, потому что

именно из-за меня она страдает в жизни. В обоих случаях знакомство со мной лишь расстроило бы ее. И я предпочла, чтобы она так и жила без меня.

– Вы правы. Это ужасная трусость.

– Я знаю и бесконечно жалею об этом. Нет ни дня, чтобы я не думала о ней, не пыталась представить себе ее жизнь, дом, работу, семью. Была ли она счастлива в детстве? Ведь это то, чего я не смогла ей дать. Как прошел ее первый день в школе? Ее первое свидание? Поступила ли она учиться? Есть ли у нее дети?

– Но ведь никогда не поздно это узнать. Вы еще можете ей позвонить.

– Да нет. К несчастью, уже слишком поздно. Я упустила подходящий момент. А теперь – что я ей сообщу? Что ее мать умирает? Я плохо себе представляю, как звоню и говорю ей: «Здравствуй, доченька, мне ужасно жаль, что я тебя бросила. Но вообще-то я вот-вот умру». Нет, это было бы полным эгоизмом с моей стороны. Я уже испортила ей жизнь при рождении, так что не буду хотя бы портить ей старость. Отсутствовал всю жизнь, не хочу теперь становиться для нее обузой.

Алекс не знал, что ей ответить. Ему хотелось сказать, что она ошибается, но кто он такой, чтобы судить ее? А вдруг она права? Вдруг ее дочь вовсе не обрадовалась бы встрече с ней?

История этой неизвестной ему женщины, которая становилась все более знакомой, была такой печальной.

Он ни в коем случае не мог допустить, чтобы она приехала в Брюссель и пошла на эвтаназию. Это ведь ничто иное как неоказание помощи человеку в смертельной опасности!

Алекс поклялся, что сделает все возможное, чтобы она отказалась от своего решения. У него возник план. Он вернет ей вкус к жизни и докажет, что она для нее еще не закончена. И предоставит множество доказательств того, что в ее жизни по-прежнему есть смысл.

У его великолепного плана было только одно «но»: как убедить кого-то, что жизнь прекрасна, если ты сам в депрессии?

Алекс предложил Максин свернуть с автотрассы и поехать по периферийной дороге. Ему якобы захотелось непременно посмотреть кое-какие деревни по пути. Эта уловка позволяла воплотить его план. Если они поедут по местным шоссе, то будут дольше добираться до Брюсселя, а значит, он выиграет несколько драгоценных часов и сможет убедить Максин, что жизнь стоит того, чтобы жить. Даже если ты болен. Даже если твоя юношеская любовь умерла. Даже если ты оставила свою дочь. Даже если у тебя скончался муж... Задача, правда, не из легких.

Он ломал голову, перебирая в уме, что же хорошего могла предложить жизнь, но пока ему удалось обнаружить лишь страдание, горе, разочарование, боль и сожаление. Ай да молодец! Чемпион по подниманию настроения!

Он уцепился за то, что Максин раньше объясняла ему. Если он заставит свой мозг думать, что он счастлив, то со временем он и вправду станет счастливым. Значит, надо ему попытаться счастья. Хотя бы ради нее.

Не отпуская руль, Алекс улыбался как ненормальный. С тех пор, как они свернули с трассы, он улыбался во весь рот. Он улыбался, оплачивая дорогу. Улыбался, въезжая на круг. Улыбался, стоя на светофоре.

– В чем дело? – спросила Максин, когда Алекс круто повернул, не переставая улыбаться.

Он повернул к ней лицо, озаренное широкой улыбкой.

Увидев его анфас, Максин пришла в ужас.

– Боже мой! У тебя insult? Ужас, какая гримаса на губах! Именно так он и начинается. Спокойно, я вызываю «скорую».

Максин порылась в сумочке и извлекла оттуда пачку носовых платков, пару носков, влажные салфетки, водно-спиртовой гель, книгу толщиной с «Войну и мир», складной зонт, толстую тетрадь на бежевой спирали, невероятных размеров красную косметичку, перьевую метелку, штопор и наконец выхватила допотопный

мобильник. Выдавшая виды «Нокия», толстенная и прямоугольная, урони – не разобьется, с малюсеньким и неубиваемым экраном.

– Прекрасно, беру ситуацию под контроль. Как теперь вызывать неотложку? 15? 17? Наберу среднее, 16.

Алекс забрал у нее «Нокию».

– Оставьте в покое телефон. У меня нет никакого инсульта.

– Но что у тебя за странное выражение лица?

– Я улыбался, – ответил Алекс в отчаянии. – Точнее делал вид.

Как вы советовали.

Максин сочувственно посмотрела на него.

– Нам придется поработать над твоей улыбкой.

Алекс поморщился.

– Чепуха! У меня прекрасная улыбка.

– Скорее гримаса.

– Я улыбаюсь во весь рот, чтобы выглядеть счастливее.

– Как будто у тебя приступ бешенства.

– Надо улыбаться с закрытым ртом, что ли?

– Покажи.

Улыбчивый псих сосредоточился. Нахмурил брови. Перестал хмурить брови. Закрыв рот. И растянул губы в улыбке. Потом потрогал их пальцем, чтобы убедиться, что все в порядке, и повернулся лицом к преподавателю.

– Вид у тебя, как у тупой гориллы, страдающей от запора.

Задетый за живое Алекс тут же перестал улыбаться. Максин не обратила на это никакого внимания.

– Подожди-ка. Ты мне кого-то ужасно напоминаешь. Но кого?..

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться, и вдруг открыла их.

– Ну да! Конечно! Клоуна из фильма «Оно» по роману Стивена Кинга. Ты смотрел? Это про сумасшедшего клоуна, который всех подряд убивает...

– Вот спасибо! Горилла, страдающая проблемами с ЖКТ, и клоун-извращенец. Да я просто король улыбки!!!

Алекс не на шутку обиделся. Он ведь давно не улыбался и потерял навык, вот и все. Лучше сменить тему, решил он и указал пальцем на грудку разнообразных предметов, которые Максин извлекла из сумки и вывалила на колени.

– Что все это такое?

Она сгребла и прижала вещи к себе. Перья из метелки защекотали ей нос, и она отодвинула их как могла элегантно, прежде чем чихнуть.

– Мои вещи.

– Вам действительно нужна вся эта ерунда?

– Конечно. Молодая женщина должна быть всегда во всеоружии.

Алекс с сомнением поднял брови.

– Вы правда считаете, что метелка пригодится вам в поездке?

– Ничуть не сомневаюсь.

И она начала сметать пыль со щитка приборов.

– И влажные салфетки?

– Чтобы протирать руки.

– А разве спиртовой гель не для того, чтобы протирать руки?

– Он на тот случай, если салфеток не будет.

– А носовые платки?

– Если не будет геля.

Алекс включился в игру.

– А толстая тетрадь а-ля Колombo?

– Чтобы записывать кое-что. Мои мысли. Мои наблюдения.

– Зонтик?

– Вдруг пойдет дождь.

– Мы же сидим в машине.

– Мы же в конце концов из нее выйдем.

– Носки?

– Вдруг кому-то понадобятся.

– Огромная косметичка?

– Там мои лекарства. От сердца, от печени, от почек, от радикулита, от артрита и снотворное. А еще витамины.

– А штопор-то зачем?

– Штопор всегда пригодится. Когда кто-то ведет себя слишком агрессивно.

Алекс широко раскрыл глаза.

– Значит, если на нас нападет какой-нибудь психопат, ворующий влажные салфетки, мы огреем его штопором и метелкой, швырнем в лицо пару носков и брызнем в глаза спиртовым гелем. А если он не угомонится, поколотим его складным зонтиком и задушим кляпом из носовых платков. Если он и дальше будет к нам лезть – влажные

салфетки и впрямь стимулируют – тут уж мы оглушим его вашей косметичкой, набитой лекарствами.

Максин с важностью подняла голову:

– Сам видишь – здесь нет ничего бесполезного.

Старая «Нокия» Максина неожиданно зазвонила, издавая простенькую мелодию.

Она с подозрением взглянула на телефон, не отвечая на звонок.

– Вы не будете подходить?

– Нет, это не важный звонок.

По голосу попутчицы Алекс понял, что она разволновалась. Однако он не решился спросить, кто звонил.

Раздался еще один, короткий звук, означавший, что оставлено голосовое сообщение.

Максин в раздражении убрала мобильный в сумку.

– Вы не хотите прослушать сообщение?

Максин напряглась и повернулась к нему:

– Я знаю, что они хотят, и не согласна на это.

Алекс намеревался попросить Максина рассказать, в чем дело, как вдруг услышал вой сирены. Он взглянул в зеркало заднего вида и увидел, что прямо за ними едет полицейская машина. Так как Алекс не реагировал, полицейский навел на него пистолет и, подъехав вплотную к машине, прижался стеклом к стеклу.

Максин ему улыбнулась и помахала рукой, совсем как ребенок, который машет родителям на новогоднем празднике в детском саду. Полицейского, судя по всему, это не тронуло, поскольку он жестами дал понять, что хочет, чтобы Алекс съехал на обочину и остановился. Максина уже давно не была за рулем и находила скорее увлекательным, что их просят остановиться. Она вообразила себя опасной преступницей в бегах.

Она уже собиралась было поделиться своими впечатлениями с Алексом, как вдруг заметила выражение дикого ужаса на его лице, по которому катились крупные капли пота. Зубы у него стучали, он бормотал что-то невнятное и бросал безумные взгляды по сторонам.

В душу старой женщины закралось подозрение. А что если ее первая догадка была верной? Что если у него никакая не депрессия, а наркозависимость? Что если он ей наврал? Но вообще-то он, конечно, мог быть и психопатом, и наркоманом одновременно. Может, его «Твинго» напичкана антидепрессантами, закупленными на черном рынке. Отличный сюжет для репортажей Бернара де ла Вильярдьера. Надо будет ему написать и подать идею.

Однако ее ведь могут счесть сообщницей. Торговля антидепрессантами – это тянет на десять лет тюрьмы. Жить ей, конечно, осталось недолго, но закончить свой жизненный путь за решеткой не очень-то улыбалось. По телевизору в доме престарелых она смотрела сериал «Оранжевый – хит сезона»^[16], такие глупости ей уже не по возрасту.

Внезапно она испугалась, как бы наркоман, наглотавшись поддельных антидепрессантов, не стал улепетывать от полиции. Понятное дело, это было бы забавно, но куда «Твинго» тягаться с полицейской машиной. Максина вовсе не хотелось, чтобы они

врезались в дерево. Да, она собралась умирать, но умирать по-своему. Наконец-то она оставит с носом свою судьбу. И именно ей, Максин, решать, когда это будет.

Она отлично помнила прекрасную сцену из фильма «Зеленый сойлент»^[17], в которой пожилой друг главного героя собирается по собственной воле воспользоваться эвтаназией, и вокруг него – крупным планом цветы, животные, пейзаж. Все выглядело спокойным и безмятежным.

От мечтаний ее отвлек какой-то звук. Молодой человек говорил ей что-то, но тараторил совсем невнятно.

– Успокойся. Подыши глубоко.

Алекс, на грани инфаркта, сделал глубокий вдох.

– Очень хорошо, – сказала Максин ласковым голосом тренера по йоге в доме престарелых. – Еще раз.

Она увидела, как его плечи опустились, а дыхание стало ровнее.

– Замечательно. Продолжай. И закрой глаза.

Сам не свой, Алекс повинился.

Вдруг машина сделала крутой поворот.

– Открой глаза! Я погорячилась. Плохая была идея. Смотри в оба на дорогу. И не психуй. Встань на обочину, как тебя просит полицейский.

Она обернулась в сторону полицейской машины. Хранитель общественного порядка, кажется, терял терпение. Увидев, что «Твинго» притормаживает и прижимается к обочине, он вздохнул с облегчением и встал сзади.

Время не ждало. Надо было действовать быстро, если она не хотела угодить в тюрьму. Она обеими руками обхватила голову Алекса, чтобы привести его в чувство.

– Что происходит? Почему ты в такой панике? Где наркотики?

Алекс мгновенно пришел в себя.

– Какие наркотики?

– Некогда играть в прятки. Быстро говори! Нужно их спрятать. В крайнем случае каждый из нас может проглотить немного, но имей в виду – я сегодня не принимала слабительного, так что ты рискуешь не сразу получить обратно свой товар.

– Вы не понимаете – я нарушил закон.

Он кого-то убил. Наверняка. Бернар предупреждал, что не надо ездить на попутной машине молодым незащищенным женщинам. Думаешь, что тебе попался милый мальчик в депрессии из-за несчастной любви, а на самом деле он – ненормальный.

Она с трудом проглотила слюну.

– Что ты наделал?

Торговля наркотиками, магазинная кража, вооруженное нападение, убийство... Куча кадров с экрана телевизора в доме престарелых промелькнули у нее в голове.

– Я не прошел техосмотр.

– Что?

– Да, я понимаю, это очень плохо. Я должен был это сделать еще месяц назад. Я знал, что нужно его пройти, но все никак не решался. А потом собрался с бухты-барухты в Брюссель, и уже не успевал.

Он глубоко вздохнул, выпрямился на своем сиденье и заявил:

– Не волнуйтесь. Я беру на себя всю ответственность за это преступление. Я объясню, что вы тут ни при чем и понятия о нем не имеете.

Максин увидела в боковом зеркальце, как полицейский вышел из машины и направился к ним решительным шагом.

– Послушай меня. Ты сделаешь ровно то, что я тебе скажу, и все будет хорошо. Окей?

Алекс кивнул головой, все еще пребывая в ужасе, но обрадовавшись, что замаячил хоть какой-то выход из ситуации. Максин же полегчало, оттого что он не роптал, и она принялась срочно излагать свой план:

– Ты скажешь, что я твоя больная бабушка. Мы наверняка его разжалобим. Не знаю, кем надо быть, чтобы выписать штраф молодому человеку, который вывез на прогулку дряхлую старушку.

Алекс не успел сказать ни слова в ответ – полицейский уже стучал в окно машины, знаками приказывая опустить стекло.

– Добрый день, мсье. Плановая проверка. Покажите, пожалуйста, права и техпаспорт.

Дрожащей рукой Алекс отогнул козырек со своей стороны и нащупал там документы.

– АРХХХХХХ!

Полицейский и водитель подпрыгнули от неожиданности и повернулись в ту сторону, откуда доносился звук.

Максин хрипела, пуская обильные слюны из перекошенного рта.

– АРХХХХХХ!

Онемевший от изумления полицейский поглядел на Алекса в ожидании объяснений.

Тот, вконец растерявшись, повернулся к Максину, которая бросила на него требовательный взгляд, прежде чем выдать очередную порцию хрипов. На сей раз еще более пронзительных.

– ГЫЫЫЫЫЫ!

– Извините, пожалуйста, мою бабушку, господин полицейский. Она больна, у нее не все в порядке с головой.

Максин почувствовала, что настал кульминационный момент. Она принялась царапать и делать вид, что вот-вот кого-нибудь укусит. И выпустила изо рта вдвое больше слюны, которая ручьем стекла по ее подбородку.

– Тяжелый случай, – сказал полицейский и сделал шаг назад.

– Да уж, приятного мало.

Полицейский, движимый то ли состраданием, то и ли страхом, отошел еще на несколько шагов.

– Ладно. Можете ехать.

– УЫЫЫЫЫЫ! – провыла Максин в качестве благодарности.

Алекс мгновенно поднял стекло и тронулся с места, стараясь поскорее отъехать от полицейского, на случай если тот вдруг все-таки захочет проверить его техпаспорт.

Когда они наконец выехали на дорогу и полицейский не мог их видеть, Алекс обратился к Максину:

– Что это было? Мы же договорились, что старушка больна, а не что она страдает синдромом Туретта^[18]!

– Я вошла в роль и делала так, как сама чувствовала... Ребекка серьезно больна.

– Кто такая Ребекка?

– Как кто? Мой персонаж.

И Максин, театрально вынув из сумки влажную салфетку, вытерла подбородок.

Дорога брала свое, и у обоих путешественников стало немного спокойнее на душе. Сцена с Ребеккой очень повеселила Максина, которая смогла таким образом применить на практике свои познания в театральном искусстве. Однако она подозревала, что Алексу произошедшее вряд ли доставило такое же удовольствие.

Он, казалось, вполне пришел в себя и спокойно слушал радио, игравшее «Сидя на берегу залива» Отиса Реддинга. Как и в прошлый раз, музыка ушедшей эпохи – для него, и музыка молодости – для нее была им на пользу.

Максин подумала, что, если Алекс так перепугался проверки документов, вряд ли он был наркодилером. Кишка тонка. Скорее всего он просто славный парень, даже слишком славный. Уважавший всех вокруг до того, что забывал уважать самого себя. Она непременно должна ему помочь. Она была уверена, что вытащит его из скорлупы, в которой он замкнулся. Будет счищать с него шелуху, как с луковицы, пока не дойдет до самого сердца. Даже если ей станет сильно щипать глаза.

Но для этого необходимо было узнать, с какой целью он решил отправиться в Брюссель.

– Ты мне не сказал, зачем ты едешь в Брюссель?

– Чтобы покончить с собой, – сказал он без тени эмоций.

Заметив изумление на лице старой дамы, он добавил:

– Юмор депрессивных. Еду туда просто так.

– Не смешно.

– Думаете, вы одна собираетесь свести счеты с жизнью? Вы самая эгоистичная из самоубийц, которых я знаю.

Старая дама не повелась на эту уловку. Алекс призывал ее больше не спрашивать о нем. Классический уход от темы. Этот прием был отлично ей знаком, она сама использовала его долгие годы.

– Так почему же Брюссель?

– Это самая длинное расстояние, на которое я мог удалиться от *нее* не на самолете. Ведь к тому, что я круглый дурак, надо прибавить еще один из моих многочисленных недостатков – я боюсь летать.

– Аэрофобия – это вообще-то не недостаток. Ей многие страдают.
– Вы тоже боитесь летать на самолете? – спросил Алекс, ободрившись.

– Совершенно не боюсь. Я же не трусиха!

Вид у депрессивного молодого человека стал еще более подавленным.

Максин спохватилась, что была не права, и постаралась извиниться:

– Извини. Я совсем не то хотела сказать. В боязни самолетов нет ничего плохого. Смотри: твой недостаток – страх, а мой – тактичность, как у медведя. Один – один.

Алекс растянул губы в робкой улыбке, и Максин воспользовалась этим:

– Я думаю, что это очень даже смело – решиться уехать одному. Без друзей, я имею в виду.

– Мои друзья меня не понимают. По той простой причине, что я сам ничего не понимаю. Почему *она* имеет такую власть надо мной? Почему вся моя жизнь испорчена из-за одного упущенного случая?

Алекс вспомнил про разговоры с друзьями. Они хотели ему помочь, твердя «на ней свет клином не сошелся». Еще одна идиотская поговорка. Он не хотел, чтобы свет клином сошелся на ком-то еще. Кроме *нее*! Вот только *она* в нем, Алексе, не нуждалась. *Она* даже не догадывалась, причиной какого разочарования *она* оказалась. История окончена. Занавес опускается на жизнь, сделавшуюся тусклой, пресной, бесполезной.

Его страдания стали похожи на какое-то извращение. Они превратились в наркотик. Страдать значило не терять связь – пусть тонкую, пусть неутешительную – с *ней*. Ему нравилось терзать себя по ночам, думая о *ней*, он представлял себе свое будущее. *Она* найдет счастье с мужчиной, которого он возненавидит, но будет жить в тени этого счастливицы, с каждым днем все сильнее одолеваемый завистью, ревностью, ненавистью, стыдом и отвращением к себе.

Если бы он был «хорошим человеком», он бы порадовался за *нее*, как те, кто говорит: «главное, чтобы она была счастлива, я хочу ей только счастья». Нет! Он хотел, чтобы *она* была счастлива только с ним!

Мучаясь от этих пагубных мыслей, видя, что стал совсем другим человеком, чем прежде, не таким, каким ему хотелось, он решил что-то предпринять. Максимум, на что он оказался способен в своем прозябании, это поездка в Брюссель. С попутчиком, чтобы вышло подешевле. Брюссель был лишь предлогом для того, чтобы найти хоть какой-то способ сбросить страшную глыбу с груди и начать дышать.

Максин почувствовала, что Алекса опять охватывает безысходность. Только не давать ему снова погрузиться в тоску! У него уже наблюдались первые признаки небольшого улучшения после начала поездки, и она не хотела терять этих хотя бы и скромных достижений. Она должна вывести его на правильную дорогу. Дорогу к жизни.

– У нас с тобой разные случаи. Ты молод, у тебя вся жизнь впереди.

– Для чего? У меня нет ни будущего, ни планов. Как вы сами сказали – никаких перспектив...

Алекс вдруг широко открыл глаза, как это бывает, когда человек неожиданно понимает что-то очень важное.

– Вот оно что, я старик. Да-да, я старик. У меня налицо все симптомы: апатия, усталость, отсутствие аппетита, депрессия, потеря интереса ко всему... И потом, я обожаю отвары из трав. На все случаи жизни: от артрита, от атеросклероза, тонизирующие, расслабляющие и даже мочегонные...

– Если судить по твоим музыкальным пристрастиям, я согласна. Но в остальном... Посмотри на себя. Ты молодой, сильный, ты ничем не болен.

– Ну, это если абстрагироваться от землистого цвета лица и кругов под глазами.

– Именно. Я совершенно уверена, что, если тебя причесать, ты похорошеешь и будешь себя чувствовать гораздо лучше.

Мобильник Максина опять зазвонил. Она скользнула взглядом по экрану и опять убрала его в сумку.

– Ну, что скажешь?

– Насчет чего?

– Насчет смены имиджа. Ты будешь моей Джулией Робертс, а я – твоим Ричардом Гиром. Вот уж оторвемся!

И она захлопала своими маленькими ручками, покрытыми пигментными пятнами.

Алекса эта идея не приводила в такой восторг. Ему было хорошо в его майке, такой же серой, как его настроение, и в джинсах, таких же старых, каким он казался себе. Но бабуле это мероприятие, судя по всему, доставит огромное удовольствие. Вообще, после сцены с Ребеккой она уже гораздо меньше была похожа на самоубийцу. Может быть, благодаря ему что-то в ней изменилось? Может, ему удалось отвлечь ее от рокового решения? И его бесполезное существование принесет пользу кому-то, кроме него? Отступить нельзя, он был почти у цели. И решил, что «если его причесать», то он от этого не умрет. Ради такого-то дела.

– Ладно. Согласен.

– Замечательно! Увидишь сам – тебе станет гораздо лучше.

– Г-м-м...

– Да, все пойдет как по блину.

– Как по маслу. Говорят: «по маслу».

– Только не начинай. Я всегда говорила «как по блину». Такое вот выражение.

– Значит, вы всегда ошибались.

– Что за наглость! Эта молодежь думает, что все знает. А на самом деле плетется в хвосте. Где твоя логика? Ну, при чем тут масло?

– Блин, конечно, логичнее!

– Совершенно верно. Если хочешь знать, господин Всезнайка, блин – это символ общности людей, он объединяет их за одним столом. А если и дальше рассуждать, то он отсылает к Земле, которая круглая.

– Масло скользкое, по нему все двигается быстро. Как по маслу – значит, быстро.

– Хорошо. Давай придем к согласию в нашем разногласии. Ты думаешь, что то, что я думаю, неверное, а я думаю, что ты думаешь, будто знаешь, как верно, в то время как это не так. Но я совсем не хочу, чтобы ты думал, будто я думаю, что то, что ты думаешь, правильно, потому что тогда ты бы думал неправильно. Но если ты думаешь, что я думаю, что если ты так думаешь, то ты со мной согласишься, то ты думаешь правильно. Теперь наконец-то стало понятнее.

У Алекса голова пошла кругом. Неужели это он всю жизнь говорил неправильно и старая дама права? Или она ему морочит голову?

Ее мобильный опять зазвонил. На сей раз она даже не удосужилась выяснять, кто звонит. Она нажала кнопку, чтобы телефон замолчал.

– Ну что, поехали?

– Куда? – спросил Алекс, окончательно запутавшись после всех объяснений Максина.

– За одеждой! Куда же еще!

Хотя ехать им оставалось еще прилично, они решили остановиться в ближайшем крупном населенном пункте. Там наверняка найдется немало магазинов и парикмахерская.

Они добрались до центра какого-то шикарного и ухоженного города. Витрины были выдержаны в пастельных тонах, тротуары сверкали чистотой. Последнее обстоятельство Максин сочла решающим, увидев в нем благое предзнаменование.

Алекс без труда нашел место, чтобы припарковать свою «Твинго», которая сильно проигрывала на фоне блестящих седанов. Максин подхватила сумку и вышла из машины, прежде чем мотор заглох. Она была чрезвычайно возбуждена. Замысел смены имиджа явно шел ей на пользу. Идея помочь этому неприкаянному юноше рождала у нее в голове массу планов, которые позволяли ей хотя бы на несколько драгоценных мгновений позабыть о мрачных мыслях, постоянно посещавших ее.

Она хотела вселить в него энергию, чтобы он вновь почувствовал в себе прилив жизненных сил. Она видела, как он пятится, нарочито медленно закрывая машину. Она также прекрасно поняла, что он согласился, лишь желая доставить ей удовольствие. Но она была стопроцентно уверена, что он почувствует себя лучше. Руку дала бы на отсечение.

Максин в темпе пошла вперед. Молодой человек, хоть и неохотно, но вынужден был не отставать от нее. Они быстрым шагом прошли несколько метров.

– Смотрите, сколько магазинов. Давайте зайдем вот в этот? Он, наверное, неплохой, – сказал Алекс, задыхаясь от ходьбы. И указал рукой на магазин, где продавалось «все для туризма, охоты и рыбалки».

– Ты умеешь ловить на муху?

– М-м-м... Нет.

– Тогда не одевайся рыбаком.

– Но там есть и другая одежда...

– Не канючь! – осадила его Максин как ребенка, который выпрашивает конфеты. – При твоей физиономии решат, что ты любитель ходить по горам, потерявшийся пару недель назад, и что тебе надо срочно оказывать помощь.

Она отрицательно покачала головой и, полная решимости, отправилась к оптимальному магазину. Когда они проходили мимо магазина спортивной одежды, Максин краем глаза посмотрела на Алекса:

– Даже не думай!

Они двинулись дальше.

Алекс, уставившись под ноги и сторбившись, уже не оглядывался на витрины. Он брел как каторжник, только кандалы не оттягивали ему щиколотку, а тянули его вперед.

Поглощенный своими мыслями, он не заметил, как законодатель его дресс-кода резко остановился. Он врезался в спину Максин.

– Смотри, куда идешь!

Она пристально оглядела его с ног до головы и неодобрительно поморщилась.

– Выпрямись. Не опускай голову. И расслабься. Все будет хорошо.

Алекс заподозрил какой-то подвох. К чему такая предосторожность перед тем, как войти в обычный магазин?

Максин уже взялась за ручку двери, когда он взглянул на вывеску. И схватил ее за плечи, чтобы остановить.

– Вы видели название магазина? Вы не туда пошли.

– Не волнуйся, все в порядке.

– Наденьте очки, Максин! Это «Прада»! Здесь не супермаркет.

– Не суди по оперению.^[19] Суди по полету. Если уж меняешь имидж, то меняй его как следует.

Алекс решил оставить поговорку в духе Максин.

Она, наверное, сошла с ума. Не соображала, какой это роскошный магазин.

Чем она собиралась расплачиваться? Франками? Ведь не ему же с его скудной зарплатой университетского библиотекаря отовариваться в «Прада». На один носок, может, и хватит, но на два... Интересно, они продают носки по одному?

– Я пошел отсюда. Я расхотел менять имидж.

Лицо Максин приняло сочувственное выражение.

– Не переживай. Я все устрою.

Она казалась до того уверенной в себе, что он заколебался. Зная неумный характер своей попутчицы, он задумался, не намеревается ли она совершить кражу. Ограбление салона «Прада». Вполне возможно. Среди бардака в ее сумке она могла прятать оружие. Когда Максин стала в ней рыться, Алекс уже почти приготовился к тому, что она сейчас протянет ему капроновый чулок и скажет натянуть на голову, чтобы его не узнали.

Но вместо этого она протянула ему какой-то белый тюбик:

– На, подыши. Это эфирное масло от стресса.

– Вы пользуетесь эфирными маслами?

– Разумеется. Я, если ты не заметил, человек активный, и иногда мне надо отдохнуть.

Напрасно было хорохориться и подтрунивать над Максин, и Алекс глубоко вдохнул масло, уповая на то, что оно быстро снимет стресс.

– Я ничего не чувствую. Ваша штука не действует.

– Подожди немного. Дай активным веществам проявиться.

Максин вновь взялась за ручку двери. Алекс преградил ей дорогу рукой.

– Подождите! Я ни разу в жизни не заходил в подобные места, – со смущением признался он. – Я не знаю, как себя вести.

– Инструкции нет. Скажи себе, что мы просто зашли за покупками.

И на сей раз она толкнула дверь и вошла в магазин.

Исполненная собственного величия и напудренная до самого кончика носа продавщица с презрением подняла брови при виде двух самозванцев, осмелившихся переступить порог ее бутика. Нескладный панк в джинсах, футболке и кроссовках и вырядившаяся старая дама. Она бросила наметанный взгляд на нитку жемчуга на шее Максин и усмехнулась – ну, разумеется, речной.

Опять какие-нибудь туристы, которые, желая выглядеть поимпозантнее, пришли вдохнуть роскошные ароматы ее магазина. Надо поскорее выдворить этих незваных гостей из ее владений.

Она двинулась в их сторону, показывая всем видом, что вообще-то у нее есть дела поважнее, хотя в помещении больше не было никого.

– Вы не туда попали? Магазин «Дамар» в конце улицы.

И она указала на дверь пальцем с безукоризненным маникюром и длинным ногтем, покрытым красным лаком.

Не зная, куда деться Алекс переминался с ноги на ногу, как ребенок, которому надо срочно в туалет. Он дергал Максина за рукав, давая понять, что желает немедленно уйти. Та слегка хлопнула его по руке. Тогда он, с видом побитой собаки, отпустил ее рукав и принялся грызть ноготь.

Ему было нечего тут делать. Такой бутик не для него. Магазин с принадлежностями для туризма – это да, «Прада» – нет. Тут все понятно. Зачем Максина заставила его сюда войти? Теперь он вынужден терпеть презрительный взгляд этой кошмарной продавщицы.

Каким образом простой поход в магазин за одеждой смог превратиться в подобную засаду? Он вытер вспотевшие ладони о джинсы. Продавщица, следившая за малейшим их движением, скривилась от отвращения.

Алекс отступил на шаг назад, чтобы спрятаться за Максина, как за укрытием. Та, в отличие от него, чувствовала себя тут превосходно. Как будто и не почувствовала никакой враждебности со стороны их собеседницы.

– Мы пришли, куда нам надо, спасибо. Нам хотелось бы посмотреть костюмы.

Продавщица шумно вздохнула, демонстрируя свое раздражение. Повезло же ей попасть на таких зануд. Однако она смирилась, будучи уверенной, что при виде ценников они рванут отсюда со всех ног.

Она подвела наглецов к отделу костюмов и, подняв идеально выщипанную бровь, повернулась к Алексу:

– Мсье, это для вас, я полагаю?

Слово мсье прозвучало для Алекса как оскорбление. Ему захотелось забиться в какую-нибудь нору. Максин же, наоборот, распрямила плечи и, хотя и была ростом ниже продавщицы, делала все, чтобы посмотреть на нее свысока. Она использовала все уловки: малейший бугорок на паркете, ступеньку, даже вставала незаметно на цыпочки. От этого танца у продавщицы сложилось четкое впечатление, что перед ней – психически неуравновешенная особа.

С трудом сохраняя спокойствие, она спросила:

– Какой именно костюм вы ищете? Для какого-то особого случая?

И она посмотрела в глаза Алексу, поскольку неуравновешенная старая дама начала ее немного пугать. Алекс замер, как олень, ослепленный в ночи автомобильными фарами. Правда, он чувствовал себя скорее ежиком, чем оленем.

Продавщице пришлось использовать все запасы своего профессионального лицемерия, чтобы не выгнать этих придурков. Она имела дело с безумной старухой и круглым идиотом. Воистину ее день! Она вспомнила семинар, который «Прада» организовала для работников этого региона. Не считать клиента идиотом или, по крайней мере, не дать ему это почувствовать. Правило номер четыре, а может быть, номер пять, она точно не могла сказать. Она провела половину времени за коктейлями в баре гостиницы, надеясь, что какой-нибудь большой начальник ее приметит и вытащит из захолустья.

Голос старой невротички вернул ее в реальность:

– Ничего особенного. Никакого особого случая. Мы хотим костюм в стиле «казуаль».

Дама сказала это с такой уверенностью, что продавщица озадачилась. Что же это такое? Какая-то марка? Или специальный фасон костюма-тройки? Она перебрала в уме весь каталог коллекции «Прада». В нем не было ни одной вещи под названием «казуаль».

Этим двум психам явно не место в ее магазине. Она попусту тратила на них время. И повторяла, как мантру, правило номер четыре, или пять, снова и снова. Надо с ними заканчивать.

– Мне очень жаль, мадам, но у нас нет одежды под названием «казуаль».

Старуха взглянула на нее с презрением:

– «Казуаль» – это не вещь, это стиль! Люди одеваются в стиле «казуаль», то есть в повседневном стиле.

– А! *Кэжуал*, – подхватила продавщица с нарочито прекрасным американским акцентом.

– Я и говорю – казуаль.

– Нет, кэжуал, – четко выговорила продавщица.

– Да, казуаль.

Эта дура совершенно вывела из себя Максин. А она была так рада возможности щегольнуть новым словом, вычитанным в журнале «Новое время», который валялся в холле дома престарелых.

Продавщица, жаждущая поскорее распрощаться с этими посетителями, предпочла обратиться к тому, кто стоял, набрав в рот воды:

– Какой у вас размер? Наверное, сороковой?

Алекс вытаращил глаза от ужаса и пробормотал что-то невнятное. Он вновь потянул за рукав Максин, и та, проникшись к нему жалостью, ответила:

– Да-да. Наверное, сороковой.

Продавщица вынула несколько костюмов «казуаль» и протянула их придурку. Разумеется, он и не пошевелился. Тогда старая дама пнула его локтем, и он наконец-то решил выйти из летаргического сна, чтобы взять их.

– Цена внутри.

Максин даже не подумала на нее посмотреть.

– Где можно померить?

– Примерочные в глубине магазина, справа, сразу за витриной с носками.

– А можно купить один носок?

Продавщица с недоумением посмотрела на слабоумного и повернулась к нему спиной. Ее каблук застучали в сторону кассы.

Максин, вздохнувшая с облегчением, когда эта зараза от них отвязалась, взяла дело в свои руки. Мальчик был морально травмирован. Максину предстояло вернуть ему уверенность в себе. Переодевшись, он тут же оклемается, увидев себя в великолепном и безупречно сидящем костюме. У нее на губах уже играла улыбка, когда она подтолкнула его внутрь примерочной.

– Давай, примерь! Увидишь сам – ты станешь красивым, как Купидон!

– Как Аполлон, Максин, красивым, как Аполлон, – проворчал Алекс, закрывая за собой бархатные шторы.

За занавеской примерочной он чувствовал себя более защищенным. В горле у него пересохло, сердце бешено колотилось. Сверху струился мягкий свет, и Алекс стал раздеваться. Он постарался дышать глубоко и ровно, чтобы успокоиться.

Перестав паниковать, он взглянул на костюмы, висевшие на вешалке. Дотронулся кончиком пальцев до ткани. Она была мягкая и шелковистая. Он никогда не носил таких вещей. Для него это было слишком – слишком прекрасно, слишком шикарно, а он был слишком... Такая одежда ему не пойдет.

Алекс провел рукой по пиджаку. Его великолепный покррой не ускользнул от взгляда молодого человека. Внутренний карман из кашемира ему особенно понравился. Шикарный. Слишком шикарный. Что он положит в этот внутренний карман? Ключи от своей «Твинго»? Нет, внутренние карманы сделаны для преуспевающих людей, для серьезных мужчин, занятых серьезными вещами в их серьезной деятельности.

С другой стороны, чем он рискует? Никто на него не смотрит. Можно и примерить. Просто посмотреть, как это будет на нем выглядеть. Просто переодеться в необычный наряд. Наряд человека, уверенного в себе, каким он, Алекс, никогда не станет.

Он снял брюки с вешалки из черного дерева и принялся переодеваться. Рубашка. Жилет. Пиджак. Закончив, он набрал побольше воздуха, прежде чем осмелился посмотреть на себя в зеркало.

Он не узнал человека, стоящего напротив него. Это был он и не он. Он, но гораздо лучше. Он не мог не улыбнуться незнакомцу, который смотрел на него из зеркала. Теперь надо продемонстрировать свой новый вид Максин.

Едва он поднес руки к занавескам, как услышал простенькую мелодию телефона. Трудно было не узнать мобильник Максин. Однако на сей раз музыка была другой, не та, которую он слышал уже много раз и на которую она не отвечала. Стоп, это была уже не мелодия мобильного звонка, но настоящая музыка. Господи, как она решилась?

Оригинальный трек из «Красотки» в версии допотопной «Нокии» раздавался на весь магазин. Алекс стремглав выскочил из примерочной, чтобы заткнуть этот громкий звук. Так нельзя! В магазинах вроде этого ни в коем случае не нужно обращать на себя внимания, а тем более включать музыку на всю мощь. В магазинах вроде этого надо разговаривать шепотом.

Старая дама кивала головой в такт песни.

– Как тебе мой сюрприз? Ее мне скачал на телефон Джеки Потье.

– Я думал, он умер.

– Да, но прежде он все же успел кое-что сделать, вот, скачал мне пару мелодий. О, какой ты красивый! Ну-ка, повернись кругом!

Алекс, польщенный комплиментом, а еще больше – сверкнувшей в глазах Максин гордостью за него, включился в игру. Он ходил туда-сюда, как на дефиле, вдоль бархатных занавесок. Когда музыка перестала играть, они оба застыли, смотря друг на друга и понимая, что это мгновение навсегда останется в памяти у обоих.

– Берем! – воскликнула Максин в необычайном возбуждении.

Алекс шлепнулся с небес на землю. Никогда он не сможет позволить себе такой костюм. О нем можно только мечтать.

– Это невозможно, Максин. Но это так мило с вашей стороны. Без вас я бы не решился даже переступить порог магазина. Но у меня нет возможности покупать себе подобные вещи. Они слишком дорогие.

Он с беспокойством взглянул в сторону касс, где стояла ужасная продавщица. От Максин его взгляд не ускользнул.

– Не беспокойся. Это мой подарок.

– Нет, я не могу позволить вам это сделать. Вы ведь не станете тратить все ваши деньги на какого-то незнакомого человека?

– Во-первых, это не все мои деньги. Костюм, конечно, дорогой, но не до такой степени. Во-вторых, ты не незнакомый человек. Мне кажется, нас объединяет далеко не одна только машина. В-третьих, куда мне, по-твоему, девать мои деньги? Не в могилу же их с собой забирать. Я отложила те, что понадобятся мне на врачей в Брюсселе, остальными могу распоряжаться, как хочу.

Алекс был тронут. И самой покупкой, и особенно словами Максин. Он тоже чувствовал какую-то связь между ними. Он смог рассказать ей про себя гораздо больше, чем своим друзьям или даже родителям. Тем больнее ему было, что Максин опять заговорила про эвтаназию. Нет! Пока он жив, он не допустит, чтобы она умерла таким образом. Он торжественно поклялся себе в этом.

Они направились к кассе. Продавщица делала вид, что она ужасно занята укладыванием стопки свитеров. Максин прокашлялась. Приободрившийся Алекс из солидарности тоже прочистил горло. Продавщица с омерзением посмотрела на двух бродяг, воображая, какими миазмами они наполнили примерочную. Как только они уберутся отсюда, она опрыскает все антибактериальным спреем. Боясь, что чокнутая старуха проявит агрессию, она едва сдержала себя, чтобы не сделать им замечание, когда та врубила на полную мощь музыку. Кто их знает, этих психов, с ними надо быть осторожной. Тут она вдруг заметила, что придурок все еще одет в один из костюмов. Уж

не спросить ли ее мнение он хочет? Опережая события, продавщица поинтересовалась:

– Вам нравится костюм, мсье?

Опять это завуалированное оскорбление. Алекс прекрасно знал, что он никакой не «мсье».

– Мы его берем, – заявила Максин с апломбом.

– Прекрасно. Переодевайтесь, пожалуйста.

– Это ни к чему. Он желает пойти в нем.

С гримасой презрения на лице продавщица сгребла вещи Алекса и запахнула их в элегантную черную коробку. Затем положила ее в пакет цвета морской волны с логотипом «Прада». Вдруг, что-то заподозрив, она спросила:

– У вас, разумеется, есть, чем заплатить?

Максин взялась за свою бездонную сумку. Она извлекла из нее будильник, ручку, бутылку воды, батончик мюсли. Продавщица, увидев, чем завален ее прилавок, чуть не впала в панику. Да это просто бродяги. Вот с кем она имела дело. С бомжами, которые ее провели.

Уже готовая облить ядом самозванцев, она вдруг осеклась. Старуха вытащила огромную пачку купюр.

Они что, ограбили банк? И сейчас возьмут ее в заложницы? А может, это наркобоссы, пытающиеся отмыть деньги у нее в магазине?

Она вспомнила правило номер один (а, может, номер два) кампании «Прада». Если у клиента есть деньги, рассчитайте его безо всяких вопросов. Клиент, который платит, богатый клиент. Или наоборот?

В конце концов, она не работает в полиции. Может быть, ей даже удастся отхватить премию за текущий месяц, благодаря этим бандитам.

– Позвольте сказать, мсье, что костюм вам очень идет. Будто на вас сшит.

И она громко рассмеялась.

– Могу я предложить вам кое-какие аксессуары? Они дополнят ваш ансамбль. Уверена, что они придутся вам по вкусу. Вы такой красивый молодой человек...

И она кокетливо подмигнула пришедшему в полное недоумение Алексу.

Он-то еще не видел пачки купюр, так как отвернулся, чтобы бросить последний взгляд на роскошный магазин. Ведь он был абсолютно уверен, что не скоро вновь наведается в подобное место. Перемена в поведении продавщицы и ее слащавый тон показались ему еще более отвратительными, чем открытое презрение, которое она демонстрировала вначале.

Взгляд Алекса опустился на прилавок, куда Максин выложила впечатляющее количество всякой всячины. Внезапно он заметил купюры. Максин не врал, когда говорила, что захватила достаточное количество денег. Он заговорщицки посмотрел на нее.

– Я спрашивал вас, продаете ли вы носки по одному, – сказал он продавщице.

– М-м-м... Вообще-то нет. Как правило, они идут парами.

Максин принялась тасовать купюры, как игрок в покер – карты.

– Но для таких клиентов, как вы, мы, конечно, можем сделать исключение.

– Отлично, тогда я хотел бы один бежевый сорок второго размера и один зеленый сорок шестого, – проговорил Алекс очень серьезно.

– А мне дайте розовый тридцать восьмого, – добавила Максин.

Чем больше было странных просьб, тем сильнее сгибалась спина продавщицы. Она вспомнила правило номер три – или оно было четвертое? – их семинара. Торговля – это торговля.

– Я сейчас проверю.

Как только она удалилась, оба заговорщика расхохотались.

– Вы заметили, как она теперь ведет себя?

– Деньги всеильны, мой мальчик.

Продавщица вернулась, неся драгоценные носки.

Максин, как ни в чем не бывало, обмахивалась денежной купюрой.

– Вы можете их красиво упаковать? Это подарок.

– Разумеется.

Они подождали, пока продавщица разберется с подарочной бумагой и ленточками. Когда она с угодливой улыбкой протянула им пакет, Максин в ответ тоже улыбнулась ей до ушей:

– Я же говорила – не судите по оперению.

Они вышли из магазина в самом веселом расположении духа. Максина купила и себе симпатичный шелковый платок, который элегантно повязала на шею. Алекс советовал ей приобрести красивое платье, но она отказалась, говоря, что узкая одежда мешает ей поймать его, коли они вдруг решат повторить упражнение на доверие.

Если в магазин вошли депрессивный Алекс и потенциальная самоубийца Максина, то вышли оттуда не иначе как две кинозвезды. По крайней мере, именно так они себя ощущали. А прохожие могли лицезреть молодого человека в тройке и старую даму, которая, судя по всему, отправлялась на чью-то свадьбу. Два принарядившихся неустановленных лица после посещения «Прада».

Путешественники беззаботно разгуливали по улице. Они щеголяли и любовались собой. Впервые за долгое время обоим было хорошо. Для «обычного» человека в этом не было ничего особенного, но для них это было как выплеск адреналина и одновременно бальзам на открытую рану. Они знали, что такое ощущение не продлится долго, и наслаждались им по максимуму. В их ситуации каждая микросекунда счастья становилась роскошью, посещавшей их так же редко, как комета Галлея Солнце.

Они решили выпить кофе в «Старбаксе» на углу, чтобы прийти в себя от сильных эмоций. Столько счастья за один раз утомляет, когда ты к этому не привык.

Они вошли и почувствовали аппетитный запах кофе.

– Я никогда не бывала в «Старбаксе».

– Я не думаю, что в «Старбаксе» «бывают», в него просто заходят выпить кофе.

Максина с подозрением взглянула на доску, где был написан ассортимент. Она пожала плечами и направилась к стойке, где ее ждал официант, а точнее говоря – бариста.

– Добрый день, я Кевин, что бы вы хотели?

– Добрый день, я Максина, – сказала старая дама, удивляясь, что следует назвать свое имя, чтобы получить порцию кофе. – Я бы хотела кофе.

– Какой именно? Латте? Моккачино? Капучино? Фраппучино? Макиато? С карамелью? Ванилью? С соевым молоком?

Максин повернулась к Алексу:

– С каких пор стало так трудно заказать кофе? Что это за тарабарщина?

Она наклонилась поближе к бариста и, четко артикулируя, как будто разговаривала с иностранцем, произнесла:

– Ко-фе, я хочу ко-фе.

За ними уже выстроилась приличная очередь, назревало недовольство.

Алекс взял ситуацию в свои руки. Гордый своим костюмом, он чувствовал себя другим человеком. Человеком, готовым противостоять любым трудностям. Справляться с любым камнем преткновения. Сейчас трудность заключалась в том, чтобы им приготовили кофе. Брюс Уиллис вот спасал мир, а он, Алекс, заказывает кофе. У каждого свои камни преткновения.

– Два латте с карамелью, пожалуйста.

Бариста, казалось, полегчало.

– И два маффина.

Если ты человек, который не болтает попусту, то ты должен уметь нейтрализовать напряжение и найти компромисс. Благодаря маффинам бариста не подумает, что зря потерял время ради одного только кофе.

Радуюсь, что покончил наконец с этим бесконечным заказом, бариста добрался наконец до самого последнего этапа.

– Как вас зовут?

– Я только что вам сказала.

И она прошептала Алексу:

– И у кого тут Альцгеймер, я спрашиваю?

Затем она вновь переключилась на бариста.

– Зачем вам знать мое имя? – прошептала она с обольстительными интонациями. – Мы ведь едва знакомы, маленький волокита!

– Это чтобы пометить наши стаканы, Максин, – пояснил Алекс.

– А-а, – протянула она разочарованно. – В таком случае я – Тинтин, а он – Милу^[20], – заявила она бариста.

Едва они устроились за столиком, держа в руках стаканчики с дымящимся кофе, как телефон Максин зазвонил. Она украдкой

посмотрела на него, но отвечать не стала.

Эти звонки все сильнее и сильнее интриговали Алекса. Каждый раз повторялось одно и то же – Максин смотрела, кто звонит, но не отвечала.

– Что происходит, в конце концов?

– Не твое дело.

– Тогда уберите звук с вашего мобильного, – сказал Алекс, обидевшись. – Чтобы не мешать всем вокруг.

– Все вокруг – это ты про себя?

Максин взяла в руки телефон так осторожно, как будто это была готовая взорваться бомба.

– Поставить на беззвучный режим означает, что он не будет звонить? И можно так сделать?

– Разумеется. Ваш телефон сделает все, что вы ему скажете.

Старая дама с подозрением посмотрела на мобильник. Она поднесла экран ко рту и крикнула в него:

– БЕЗЗВУЧНЫЙ!

У Алекса отвисла челюсть. Несколько человек обернулось, чтобы посмотреть, кто именно так вопил. Он смутился, так как не любил, когда ему уделяют столько внимания. Волшебная сила костюма ослабла. Даже Брюс Ли не всегда был на высоте.

– Что вы так кричите?

– Ты же сам мне говорил, чтобы я перевела телефон на беззвучный режим и что он сделает все, что я скажу! И что получилось?

– Послушайте, если вы будете кричать, то ничего не получится.

– Ах, так он такой чувствительный, что с ним надо разговаривать любезно, иначе он не слушается... До чего дошло с этими новыми технологиями! Просто возмутительно!

– Не думаю, что применительно к вашей старой «Нокии» можно говорить о новых технологиях.

– Видел бы ты аппараты связных на войне, не говорил бы так.

Алекса осенило. Он схватил мобильник Максина.

– Если хотите побеседовать с телефоном, возьмите мой.

– А чем твой лучше моего?

Алекс смотрел то на старенький мобильный Максина, то на свой новый смартфон последней модели. Родители купили его Алексу в

надежде порадовать и поднять настроение, но он лишь напоминал о том, что ни Алексу никто не звонил, ни самому Алексу звонить было некому.

– У моего вы можете спросить все, что угодно. Он обязательно ответит.

– Все-все?

– Да. Попробуйте, задайте ему свой вопрос.

– Кто выиграл Тур де Франс в 1955 году?

Металлический голос в телефоне ответил:

– *В 1955 году Тур де Франс выиграл Луизон Бобе.*

Максин одобритительно покачала головой.

– Каково расстояние от Земли до Луны?

– *Расстояние между Землей и Луной составляет 384 400 километров.*

Раззадоренная тем, что это устройство знает все, она спросила:

– Кто написал «Рождение Венеры»?

– *Картина «Рождение Венеры» была написана Сандро Боттичелли в 1485 году.*

Она вздохнула:

– Ладно. Если ты такой умный, скажи, что было вначале – яйцо или курица?

– Исследователи Великобритании утверждают, что вначале была курица. В Шеффилдском университете...

Алекс забрал у нее телефон.

– Ну вот. Я думаю, теперь вам понятно.

– Но мне нужно задать еще вопросы! Почему человек живет на Земле? Есть ли жизнь после смерти? Существуют ли инопланетяне? Вправду ли умерли Элвис и Майкл Джексон? Кто на самом деле убил Джона Кеннеди?

Лежавшая на столе старая «Нокия» Максин снова зазвонила. Алекс взял ее первым.

– Ну все, хватит. Сейчас я скажу пару ласковых слов вашему преследователю.

– Отдай телефон.

Завязалась борьба, в которой каждый старался заполучить мобильный. В конце концов выиграл Алекс, гораздо более рослый, чем Максин.

Звонок прекратился. Он посмотрел на экран, который был целиком заполнен разными значками.

– Вы давно не смотрели в телефон? Вы видели все оповещения? Пропущенные звонки, СМС... Надо их почистить.

Алекс начал листать сообщения в телефоне Максина. И там его ждал большой сюрприз.

«Максин, Вы где? Я не видел Вас за завтраком.
Робер Ламурё».

«Максин, это опять Робер. Мы ищем кого-нибудь для игры в триктрак.

Вас это не интересует?
Робер Ламурё».

«Если не хотите, можем сыграть в шашки.
Робер Ламурё».

«Максин, господин Ламурё проинформировал нас о Вашем отсутствии. Вам известны правила поведения, любая отлучка возможна только с одобрения старшей медсестры. Будьте добры, свяжитесь с нами немедленно.

Софи Дюрефе, директор дома престарелых Босежур».

«Дорогая Максин, весь персонал нашей клиники благодарит Вас за то, что Вы выбрали именно нас, чтобы отправиться в Ваше последнее путешествие.

Мы сделаем все, что от нас зависит, чтобы Ваша кончина произошла спокойно и безмятежно.

Напоминаем, что наша встреча назначена на 13 июля.

Весь наш коллектив с нетерпением ждет Вас.

С уважением

Медицинский кабинет «Последний шанс». Брюссель

P.S. В том печальном случае, если кончина произойдет ранее назначенной даты, 30 процентов от всей суммы будет взыскано на подготовительные расходы. Благодарим за понимание».

«Максин, не глупите. Возвращайтесь в дом престарелых. Я вынуждена сделать Вам выговор.

Софи Дюрефе, директор дома престарелых Босежур».

«Срок Вашего абонемента в спортклубе «Мимоза» истекает. Свяжитесь, пожалуйста, с Вашим тренером Брайаном, чтобы и впредь оставаться в хорошей форме!»

«Максин, не хотите ли приобрести недвижимость? Пора вкладывать деньги. Недвиж 3000»

«Максин, позвоните мне, пожалуйста. Между нами всегда были хорошие отношения, мы (почти) дружили. Мне не хочется делать Вам второй выговор.

Софи Дюрефе, директор дома престарелых Босежур».

«Максин, вы не имеете права покидать территорию дома престарелых.

Софи Дюрефе, директор дома престарелых Босежур».

«Максин, я сообщаю в полицию.

Софи Дюрефе, директор дома престарелых Босежур».

«Максин, я узнал, что Вы отправились в самоволку. Молодец! Можете мне купить шоколадок? Медсестра у меня их всё время отбирает...

Я вас отблагодарю.

Марти Шубертс

P.S. Если Вам будет что-то нужно, звоните обязательно, сокамерникам следует помогать друг другу».

«Полиция у нас. На записи видеокамеры вы садитесь в «Твинго», за рулем которой подозрительный тип.

Объявлено о похищении человека.

Держитесь.

Софи Дюрефе, директор дома престарелых Босежур».

«Несколько советов, как действовать при похищении:

– Попытайтесь разговорить похитителя.

– Постарайтесь вызвать у него симпатию к себе, чтобы ему сложнее было вас убить.

– Тяните время.

– Бегите при первой возможности!

Софи Дюрефе, директор дома престарелых Босежур».

Оглушенный прочитанными сообщениями, Алекс не мог прийти в себя. Он поднял глаза к потолку и уже собирался потребовать объяснений от Максина, когда что-то внезапно привлекло его внимание. Боковым зрением он, как ему показалось, увидел лицо старой дамы на голубом экране. Быть не может! Он резко повернул голову, чтобы как следует видеть телевизор, который висел в углу кафе. Алекс узнал ведущего программы новостей и обстановку студии:

«А теперь перейдем к ужасающей новости, которая только что стала известна: похищение пожилого человека. Максин, женщина девяносто пяти лет, одетая в плиссированную юбку и кардиган цвета лаванды, вышла сегодня утром из дома престарелых и исчезла. С собой у нее был чемодан. Причины последнего обстоятельства, на данный момент, остаются невыясненными.»

Некоторая информация, собранная после возбуждения следствия, вынуждает полицейских говорить об «исчезновении, внушающем опасения». Так, камеры видеонаблюдения, установленные на доме номер 48 по улице Генерала де Голля, зафиксировали важные подробности. На записи видно, как несчастная девяностолетняя женщина садится в машину марки «Рено Твинго», за рулем которой находится молодой человек бандитского вида, что может свидетельствовать о его пристрастии к наркотикам.»

Лейтенант Роше, ведущий следствие, рассказал подробнее о похитителе: «Это мужчина двадцати пяти лет. Кавказского типа. Ранее не судимый. Однако расследование показало, что он страдает тяжелой формой депрессии. Его нестабильное душевное состояние и возможная склонность к суициду заставляет опасаться худшего. Остается надеяться, что он захватил заложника не для того, чтобы тот составил ему компанию при прощании с жизнью. Если вы заметите старую даму или ее похитителя, ни в коем случае не подходите к ним и свяжитесь с ближайшим полицейским участком.»

Родители похитителя дали свое первое интервью нашему каналу. Они обращаются к сыну со слезным призывом, который вновь говорит об отчаянии тех, кто испытывает трудности в общении с

психологически неуравновешенными детьми: «Алекс вовсе не злодей. Но у него сейчас сложный период в жизни. Если он похитил эту женщину, то потому, что действовал спонтанно. Алекс, пожалуйста, сдайся полиции. Еще не поздно. Не делай глупостей, и все будет хорошо».

Все обитатели дома престарелых шокированы произошедшим. Господин Ламурё, близкий друг похищенной и глава комитета «Спасем Максин», свидетельствует: «Я не знаю, что могло случиться. Когда она не пришла играть в триктрак, я понял, что с ней произошло что-то серьезное».

Госпожа Дюрефе, директор дома престарелых Босежур, выражает полное смятение по поводу исчезновения той, кого она считала «оплотом дома престарелых»: «Я потрясена. В нашем доме престарелых мы заботимся о наших клиентах... наших обитателях как о близких людях. А с Максин я дружу. И как только я заметила, что ее нет, я по-дружески просила ее вернуться. Я не понимаю, как все это могло произойти. В доме престарелых Босежур безопасность клиентов... наших обитателей превыше всего, и я приглашаю всех наших потенциальных инвесторов... обитателей и их близких прийти в следующие выходные на день открытых дверей, чтобы воспользоваться выгодными тарифами. При определении в дом престарелых одного человека, на второго скидка 50 процентов в течение трех месяцев».

Мы будем держать вас в курсе расследования этого отвратительного проявления жестокости по отношению к пожилому человеку.

А пока не пропустите сегодня вечером специальный выпуск передачи Бернара де ла Вильярдьера об изнанке жизни в домах престарелых: рэкет, черный рынок, торговля людьми...

– Это черт знает что! Какую только чушь не несут журналисты... Девяносто пять лет! – взвыла Максин, грозя кулаком телевизору «Старбакса». – Просто безобразия! И ведь хватает наглости добавить – девяностолетняя дама! Куда я попала!

Алекс не мог прийти в себя от шока. Голова у него шла кругом. Мысли путались.

– Я подам на них в суд! В каком полицейском государстве мы живем! Уже нельзя и прогуляться, чтобы тебя не преследовала Бригада Тигра ^[21]. Неужели мне дашь девяносто пять лет? Ну шестьдесят пять, ну, в крайнем случае, семьдесят...

Алекс по-прежнему не шевелился. Максин хлопнула его по плечу, чтобы вывести из оцепенения.

– Просыпайся, мой мальчик! Спать не время. Ты понимаешь, что мне нанесли оскорбление в присутствии миллионов телезрителей?! Ну, Антенн-2, держись у меня! – воскликнула она, сжав челюсти и пригрозив пальцем.

Алекс слушал ее краем уха. Его как обухом по голове ударили. Похищение. Незаконное лишение свободы. Как он умудрился вляпаться в подобную историю? Разве жизнь уже недостаточно жестоко с ним обошлась? Не хватало еще, чтобы ему пришили бандитизм! На фоне этого пропущенный в срок техосмотр выглядел полной ерундой.

Он не осмеливался оторвать взгляд от своего стаканчика с кофе, уверенный, что все смотрят только на него, похитителя бедных старушек. Но затем осторожно раскрыл пошире один глаз, потом другой, все еще настороже. Один из посетителей полез в карман за телефоном. Не иначе чтобы позвонить в полицию... Нет, он просто посмотрел, который час. Еще один взглянул на Алекса с подозрением... Нет, он уставился на девушку, сидящую позади него.

Кажется, никто не обращал на него внимания. По крайней мере пока. Может, никто не слушал эти ужасные новости. Телевизор висел не на самом заметном месте в кафе, так что посетители не очень-то его замечали.

Какая-то беспросветная ложь! Он напал на пожилого человека! Он и паука не был способен убить. Когда он видел их у себя дома, то исхитрился подцепить на листок бумаги и отправить за окно. Как же его родители могли поверить, что он виновен? Неужели они действительно думают, что он способен причинить зло Максин? Он, конечно, отдалился от них во время депрессии, и они никогда не были очень сплоченной семьей, но чтобы считать его психопатом, похищающим людей из домов престарелых...

А хуже всего было то, что могла подумать *она!* Поймет ли *она*, что тот, кто умирал от любви к ней, и чокнутый похититель бабушек – это один и тот же человек? Он бы предпочел, чтобы *она* вовсе забыла про него, нежели думала о нем как об убийце девяностолетних стариков.

Ему нужно было как-то выбираться из этой передраги. Это какая-то случайная ошибка. Сейчас он позвонит сам в полицию и сдастся. Нет, сдаются преступники. А он просто объяснит ситуацию. Вот-вот, так поступают все невиновные.

Он повернулся к жертве своего преступления. Максин все отчитывала телевизор, бормоча какие-то угрозы за посягательство на личную жизнь и неуважение прав стариков. Она, судя по всему, не догадывалась, сколь серьезно их положение. К тому же она была больна. Отягчающее обстоятельство для него. Выкрасть обычную старушку – это одно дело, но старушку, страдающую Альцгеймером... Ему грозило пожизненное. Быть может, для него даже опять введут смертную казнь. Интересно, Бадентер^[22] все еще выступает в суде?

Внезапно, его охватило ужасное подозрение. Знала ли Максин, садясь сегодня утром к нему в машину, что она его ставит в такое положение? Его бросило в жар, охватили гнев, тревога, отчаяние, к которым примешалась и депрессия. Он злился на Максин за то, что она ничего ему не сказала, злился на свою судьбу за то, что свела его с этой старухой, злился на жизнь за то, что она никак не оставит его в покое.

Он опустил веки и зажмурился до того сильно, что ему стало больно. Глубоко вздохнул несколько раз, чтобы привести в порядок мысли. Сначала надо что-то сделать, а уж потом впасть в депрессию. Он сейчас доедет до ближайшего полицейского участка. Может быть, у него получится оставить там Максин и все. Открыть дверцу машины, доставить груз и концы в воду – спокойно поехать себе в Брюссель. А существует ли договор с Бельгией об экстрадиции преступников?

Нет! Он не может так поступить. Во-первых, было бы неправильно оставить Максина в одиночестве объяснять, что случилось, а, во-вторых, полицейские ведь установили его личность. Нужно было идти до конца, отвечать за свои поступки.

Он посмотрел на свой новый костюм. Теперь он казался ему нелепым. Вот Брюс Уиллис никогда бы не похитил старушку. Да и он-то ее не похищал! Скорее старушка похитила его. Именно это он и объяснит в полиции.

Но прежде ему надо принять диазепам.

– Максин, надо сдать.

– Ни за что. Почему надо сдаваться? Мы не сделали ничего плохого.

– Вы не понимаете, насколько все серьезно. К делу подключилась полиция. Нас разыскивают. Меня считают похитителем.

Она отбросила жестом руки эти доводы, как будто стряхнула перхоть с плеча.

– Ты придаешь этому слишком большое значение! Завтра про все забудут.

– Завтра? Но завтра не будет. Мы едем в полицейский участок.

Она широко ему улыбнулась.

– Мне нравится, когда ты такой решительный. Ты наконец разругался!

Совершенно ошарашенный, Алекс взял Максина за плечи.

– Я рискую оказаться за решеткой. Вы это понимаете? Ситуация очень неприятная. И потом, в доме престарелых за вас сильно волнуются.

– Волнуются? Как же!

– Вы исчезли, никого не предупредив.

– Ну, разумеется. Иначе бы они меня никуда непустили. Тебе грозит тюрьма? Так вот, дом престарелых – такая же тюрьма.

– Директриса, кажется, беспокоится.

– Беспокоится за свои деньги, это да. Этой старой карге надо побольше постояльцев, и она понимает только одно – репутация ее дома престарелых пострадает, а страховая потребует заключить новые договоры. Все это ей не на руку. Беспокоится она! Вот смех! Эта командирша только и следит за нами, как собака за овцами, а тут вдруг нате, одна овца сбежала.

– Сбежала? Так значит, вы это сделали нарочно?

– Ну, конечно, нарочно. Мальчик мой, ты соучастник побега, осуществленного по всем правилам и в надлежащей форме.

На щеках Максина выступил румянец. Она выглядела необыкновенно довольной. Однако Алекс заметил промелькнувшую в

ее сияющих глазах тень. Она хорохорилась, но он увидел, что эта бравада держится на честном слове. Алекса это растрогало.

Он уже не мог разобраться в своих переживаниях. Они зашкаливали. Эмоциональный передоз. Он почти что с сожалением подумал о своем летаргическом состоянии *до*-Максин. Когда его душа замерла, застыла, разрушая сама себя, он, по крайней мере, почти ничего не чувствовал. Но после того, как он посадил старую даму к себе в машину, случился настоящий взрыв эмоций. Фейерверк переживаний, к которому он был совершенно не готов. Фейерверк должны устраивать профессионалы, а у него душа совсем не лежала к пиротехнике.

Возбуждись, Максин резко встала с табурета, и несколько человек обернулись посмотреть на нее. По спине начинающего похитителя пробежал холодок. Алекс подумал, что ситуация явно выходит у него из-под контроля. Он должен был вразумить Максин, но прежде всего им надо было не привлекать к себе внимания.

Он взял старую даму под руку и повел к выходу.

– Эй, я не допила мою восхитительную штуку из латте, – запричитала она.

– Это расплата за побег из дома престарелых!

Выйдя на улицу, Алекс пожалел, что не купил в «Прада» бейсболку, а еще лучше балаклаву. Она подходила ко всему, а начинающему похитителю без нее просто не обойтись.

Пары кофеина, унылая и расслабленная атмосфера в кафе подействовала на него угнетающе. На улице он чувствовал себя лучше. Надо наслаждаться солнцем и вольным воздухом, пока можно. В тюрьме он будет иметь право лишь на пару часов прогулки в компании жутких типов, покрытых с головы до ног татуировкой, играющих мускулами и замышляющих очередное убийство.

Алекс напряженно вглядывался в солнце, будто в последний раз.

– Что ты уставился, как блаженный на небо? Там что, затмение?

Алекс перевел взгляд на старую даму. Та, стоя руки в боки, взирала на него, ожидая объяснений. Поскольку их не последовало, она продолжила:

– Мне что-то кажется, мой мальчик, ты не понимаешь, что происходит. Сейчас не время предаваться исследованиям по астрофизике.

– Это скорее вы не понимаете всей глубины проблемы, – возразил возмущенный Алекс. – Видите все шиворот навыворот. У меня на хвосте вся полиция Франции из-за преступления, которое я не совершал, и я, видите ли, ни о чем не думаю!

– Ну, далеко не вся полиция Франции. Я, конечно, знаю, что я важная персона в доме престарелых, его оплот, как было сказано в репортаже, и мое отсутствие и вправду должно ощущаться не лучшим образом. Атмосфера уже не та, более тягостная, менее жизнерадостная, менее оживленная, менее веселая, менее искрометная, менее приятная, менее элегантная... Ну да все эти старики меня, наверное, уже забыли, и единственная их забота – найти свою вставную челюсть.

– Но обо мне говорили в новостях!

– Да, знаю. Разве это не классно?

– Это ужасно! Меня представили наркоманом.

– Это нормально. Все думают, что ты...

– Они думают, что я вас похитил!

– Вот еще! Они не так поняли! Это какое-то недоразумение.

– Мои родители считают, что я виновен.

– Да, это действительно плохо.

Алекс отошел и сел на бордюр тротуара. Голова у него жутко кружилась. Он словно оцепенел.

При виде его в таком состоянии у Максин сжалось сердце. Но она не могла покориться и согласиться пойти в полицию. Она четко знала, как все будет. Ее отвезут обратно в дом престарелых, там ей предстоит услышать резкую отповедь директрисы Дюрёфе, после чего ее больше никогда не оставят одну. За ней будут следить двадцать четыре часа в сутки. Пустят в карцер, иначе называемый общей комнатой, где без конца передают «Вопросы чемпиону» и предлагают мастерклассы по скрапбукингу^[23]. Как, скажите, пожалуйста, можно заниматься скрапбукингом, если у вас руки дрожат так, словно вы приняли ЛСД, и если вы почти ничего не видите. Пытка, да и только!

Она знала, что это эгоизм, но отступить не могла. Она уже приняла решение поехать в Брюссель, чтобы довести дело до конца, и она туда поедет. Другого выхода нет, никакой альтернативы. Ей нужно убедить Алекса помочь ей. К тому же небольшое приключение, несомненно, пойдет ему на пользу. Ему явно не хватало сумасбродства

в жизни. Чтобы развеять его депрессию, ничего лучше не придумать, чем побег.

Чтобы убедить его, она должна была показать, что предельно честна с ним.

– «И он сидел, воплощение и символ человека без веры, безнадежно взывая к надежде в своем отчаянии».

– Что-что?

– Мелвилл, «Моби Дик».

– И что?

– То, что эта фраза тебе очень подходит. Ты этого не знаешь, но ты мой единственный шанс. Ты – отчаявшийся и депрессивный человек, но в тебе вся моя надежда.

– Не понимаю.

– Ты мой оксюморон. Два противоположных слова, которые прекрасно сочетаются. Тебе кажется, что ты все в жизни потерял, мне тоже. У тебя это пройдет, обещаю, хотя сейчас тебе трудно в это поверить. А вот для меня все действительно кончено. Но у меня, в отчаянии, есть надежда, что ты меня отвезешь в Брюссель, чтобы выполнить мое последнее желание. Все это очень запутано, я знаю, но, возможно, наша встреча – знак судьбы. Ты – моя последняя в жизни причуда и последний шанс. Я понимаю, что прошу очень многого... Ты сделаешь это для меня? Ты поедешь со мной дальше?

Алекс был огорашен. Слишком много ответственности на его бедные плечи! И почему он не отправился на поезде? На самолете, на лошади, пешком, на чем угодно, кроме машины? Что тут скажешь? Он, всегда ненавидевший принимать решения, оказался лицом к лицу с трагедийной дилеммой. Надеть зеленый свитер или серый? Пойти направо или налево? Сказать или промолчать? Помочь старушке в бегах умереть достойно, натравив на себя полицейских, или отвезти в ее каталажку, чтобы она там тихо и медленно угасала?

Максин дрожала – не из-за Паркинсона, от этого она, к счастью, пока была избавлена – но потому что ее жизнь, точнее ее смерть, целиком зависела от молодого человека, сидящего перед ней. Она знала, что ей было бы лучше выбрать поезд для поездки в Брюссель, но, повинувшись своему последнему старческому капризу, захотела получить возможность с кем-то поговорить. В поезде все сидели в наушниках или утыкались в мобильник. Почти никто уже не читал, к

тому же она не стала бы прерывать человека, поглощенного чтением, это было бы бессовестно. Она выбрала поездку на попутной машине, надеясь, что сможет вести с незнакомым человеком ни к чему не обязывающую беседу о погоде, о музыкальных новинках, которые ей были неизвестны, о политике – почему бы и нет. Но она никак не ожидала, что ей попадется депрессивный молодой человек с доброй душой. И никогда бы не поверила, что в доме престарелых ее хватятся так скоро и обратятся в полицию. Она смотрела, не отрываясь, на Алекса, скрестив пальцы в надежде, что он согласится.

– Хорошо. Я вам помогу.

Старая дама чуть не лишилась чувств. У нее закружилась голова, и она оперлась на Алекса, чтобы не упасть.

– Вы нормально себя чувствуете?

– Для умирающей просто превосходно! – произнесла она со слабой улыбкой.

Алекс кивнул головой в сторону «Старбакса»:

– Хотите еще кофе, чтобы приободриться.

– Нет, спасибо, у меня есть кое-что получше. Сейчас приму свое лекарство.

Максин порылась в огромном вещмешке, служившем ей сумкой, и вынула оттуда фляжечку, наполненную жидкостью янтарного цвета. Она отхлебнула из нее приличный глоток.

– Хочешь?

– Что это?

– Ootomore 6.3 Islay Barley 64 %, самый торфяной виски в мире.

– Так значит, когда вы в вашем профиле указали, что интересуетесь виски, это была правда?

– На, попробуй, тебе будет лучше.

Это звучало не как просьба, а скорее как приказ, и Алексу было уже наплевать, что к похищению добавится состояние алкогольного опьянения. Он сделал совсем маленький глоток виски, который обжег ему горло, распространяя аромат дыма и лесных ягод.

– Уххх... Как крепко! Пламя костра, смешанное с землей. Обжигает!

– Привыкнешь, – ответила старая дама, убирая ценный напиток в сумку.

Оба беглеца замолчали. Максин наслаждалась тем, как мягкое тепло алкоголя постепенно разливается по всему телу. Алекс приходил в себя после ожога, полученного от этого ужасного напитка. Они сидели на тротуаре. Алекс в костюме-тройке, который он с радостью обменял бы на балаклаву, а старая дама с красивым платком на шее, который она довольно поглаживала.

Обоим казалось, что с того момента, как они вышли из шикарного магазина, прошла уйма часов или даже дней. Алекса охватило легкое оцепенение: хотя он и переживал, что его ищет полиция, но все же испытывал облегчение от того, что сделал свой выбор. Да, самое худшее при выборе – колебания. Сейчас он испытывал те микросекунды, когда есть ощущение освобождения. Но он знал, что колебания не замедлят явиться и он снова начнет сомневаться в том, правильный ли сделал выбор.

– Ты мне так помог, согласившись ехать дальше. И потом, увидишь, у нас будет большое приключение. Повеселимся, как сумасшедшие!

– Как сумасшедшие... Это про нас.

– Мы далеко не сумасшедшие. Мы просто живые люди.

– Нормальные люди не боятся полиции и не находятся в бегах, когда отправляются на эвтаназию.

– Оставь в покое нормальных людей. Они такие скучные! И не считай, что у окружающих жизнь лучшей твоей, ты ничего о ней не знаешь.

Она ткнула пальцем в сторону юноши, стоявшего напротив них, который, казалось, согнулся под тяжестью всей мировой скорби.

– Думаешь, он счастливее тебя?

Алекс посмотрел на него с сомнением. Вид у юноши и вправду был не очень веселый, он опустил голову и ссутулился.

– Не знаю. Наверное, нет, – ответил Алекс нехотя.

– Вот видишь, грустно не только тебе. Чем зацикливаться на себе, ты бы лучше оглянулся вокруг.

Алекс сам себе показался смешным. Глубоко погрузившись в свои переживания, он перестал думать о том, что другим тоже бывает несладко.

Он уже был готов согласиться с Максин, как вдруг юноша поднял голову и глаза его засветились. Роскошная блондинка шла ему

навстречу, широко улыбаясь. Подойдя к нему, она горячо его поцеловала. Сияя от счастья, молодая пара вошла в «Старбакс».

Алекс с укоризной посмотрел на Максина, которая не дрогнула:

– Но вид у него такой, будто жизнь его не балует...

Однако почувствовав, что довод ее хромает, старая дама решила перейти к главному:

– Не занудствуй! Сам посуди, что ты теряешь? Девушка, которую ты любишь, тебя не замечает, ты в депрессии, никто тебя не понимает, и даже твои родители верят, что ты преступник.

– Зато вы отлично умеете поднять настроение! Вы что, хотите и меня склонить к эвтаназии? У них там скидки на группу желающих?

Максин, так и не сняв руку с плеча Алекса, слегка похлопала его:

– Не глупи и воспользуйся случаем.

– О, непременно, мне так полегчает, когда я помогу вам покончить с собой.

– Ты делаешь для меня гораздо больше, – сказала она серьезно.

– Я знаю. Не волнуйтесь, я вас не брошу.

– Тем лучше. Мне было бы жаль, если бы пришлось тебя шантажировать.

– Шантажировать? Вы о чем?

– Если бы ты не согласился мне помочь по доброй воле, я была бы вынуждена пригрозить, что в полиции скажу, будто ты меня похитил.

– Неужели вы бы сделали это?

Максин наигранно жалобно произнесла:

– Ох, господин комиссар, если бы вы только знали, что мне пришлось вытерпеть от этого наркомана! Ужас просто! К тому же, если бы вы не среагировали так быстро, он бы наверняка меня изнасиловал! Если бы вы только видели, до чего похотливо он глядел на меня! От одного воспоминания меня трясет.

По лицу Максина текли крупные слезы. Алекса эта сцена скорее развеселила, чем испугала, и он зааплодировал.

– Ну и ну! Вы заслужили «Оскар».

Старая дама встала и сделала пару реверансов.

– Вы великая больная.

– Нет, больна Ребекка. Ты уже забыл? АРХХХХХХ! ГЫЫЫЫЫ! – засмеялась Максина.

– Хорошо, что тогда нас еще не разыскивала полиция.

При напоминании о полиции Максим вздрогнула.

– Время не ждет, нам пора трогаться.

И она протянула руку Алексу, чтобы помочь ему подняться.

– Знаешь, обычно молодые люди помогают старикам встать.

– Во-первых, вы не старуха, а, во-вторых, вас трудно назвать обычной.

– Как это мило, мой мальчик, я принимаю твой комплимент.

Едва Алекс приподнялся, как у него закружилась голова. Ему пришлось снова сесть.

– Что с тобой? Тебе плохо?

– Я, наверное, слишком резко встал.

– Надо срочно померить давление. Это может быть опасно – головная боль, диабет, инсульт... У меня где-то в сумке был тонометр.

Максин принялась рыться в своем мешке, но Алекс ее остановил:

– Мне уже лучше, спасибо.

Он попытался встать, но его виски как будто пронзил электрический заряд. Веки отяжелели.

– Кажется, диазепам вместе с виски дает не тот эффект. Я не могу пошевелиться. Мне нужно немного отдохнуть.

И начинающий похититель, словно позабыв, что он должен залечь на дно, решил разлечься посреди тротуара к полному отчаянию Максина, которая вцепилась в него, пытаясь поднять.

– Тебе нельзя спать здесь! Вот хлюпик! Валиум с виски – и сразу спать! На войне ты бы долго не протянул. Сразу видно, ты сивухи не пробовал.

Ей кое-как удалось привести его в сидячее положение, но глаза он никак не хотел открывать.

– Открой глаза!

– Я не могу, это слишком трудно.

– Не оставаться же нам здесь.

– Бросьте меня. Я не могу дальше ехать, я буду вам только обузой.

– Ты решил, что мы играем в «Рембо»? Если ты не заметил, я далеко не Сталлоне и не смогу тебя нести на руках до машины. И кто сядет за руль? Я последний раз водила машину минимум тридцать лет назад...

Максин со всего размаху залепила Алексу пощечину.

– Ай!!! Больно!

– Если не хочешь получить еще, советую тебе встать на свои ходули и двинуться вперед.

– Я не помню, как это делается, – сказал осоловевший Алекс.

– Классный из тебя наркоман! Вырубился от одной таблетки анксиолитика и нескольких капель алкоголя.

Алекс, казалось, не слышал последнего комментария. Он кое-как поднялся, опираясь на старую даму, у которой колени подгибались под тяжестью его тела. Наконец они поплелись.

– Молодец. Иди потихоньку.

Внезапно Алекс остановился и широко открыл глаза.

– Знаете, чего я хочу? Шоколаду. Нужно найти шоколад.

Он выпрямился и развернулся в противоположную от машины сторону.

– Нет-нет, какой сейчас шоколад!

Молодой человек, погрузнев, опять ссутулился.

– Знаете, кто любит шоколад?

– Нет, но думаю, ты мне это сейчас сообщишь.

– Она.

– Она?

– Да, она.

– Ах, она!

– Шоколад она любит, а меня— нет.

И Алекс зарыдал во весь голос.

– Ну-ну, все будет хорошо. Пойдем дальше.

Через некоторое время, показавшееся Максину вечностью, они добрались до машины.

– Где ключи?

– Какие ключи? Ключ к успеху? Ключ к свободе? Ключ к моему сердцу?

И Алекс опять заплакал.

– Сердце мое разбито, разбито на тысячи кусков.

– Ничего, мы его склеим.

– Честно?

– Да.

– У вас в сумке есть клей для сердца?

– А как же иначе.

– А если нет, мы сходим за ним.

– Безусловно.

Максин порылась в карманах куртки Алекса, чтобы найти ключи.

– Не щекочите меня! – засмеялся пьяный наркоман.

Она впервые пожалела, что «Твинго» не открывается автоматически, как современные автомобили, или хотя бы с помощью простой пищалки. По телевизору в доме престарелых она видела, что некоторые машины разблокировались сами, когда ключи были у хозяина в сумке. Сейчас бы это пригодилось. Она нащупала что-то металлическое. Но это были не ключи. Она достала предмет из кармана. Кулон в виде сердца. Да, он был в худшем состоянии, чем она думала. Она вернула кулон на место и продолжила поиски.

– Хи-хи-хи, – снова засмеялся похититель под кайфом.

Наконец вожаденные ключи оказались в руках Максина, уже слегка изуродованных артритом.

Она открыла дверь со стороны пассажирского места и с трудом впихнула туда Алекса, который мгновенно погрузился в тяжелый сон. Максина с облегчением выдохнула и пошла на место водителя. Она не садилась за руль тридцать лет.

Она нежно погладила синтетическую серую кожу. В последний раз она вела машину, когда ездила к мужу во «Флигель забывчивых». Так сотрудники больницы называли помещение, предназначавшееся для страдающих Альцгеймером.

Она вспомнила, с какой силой каждый раз, когда она ехала туда, ее пальцы впились в руль, будто это он был виноват во всех ее несчастьях. Она вцеплялась в него, чтобы не пойти на дно, чтобы думать, будто она еще может что-то контролировать.

Она не знала тогда, что видит мужа в последний раз, и сначала очень жалела об этом. Ей хотелось бы запечатлеть в памяти этот особый момент, говоря себе, что он – последний. Но к чему это? Зачем хранить в душе образ несчастного невменяемого старика, грустно сидящего в кресле? Закрывая глаза, она все еще слышала злое поскрипывание, издаваемое креслом-качалкой каждый раз, когда Шарль раскачивался вперед-назад, как ушедший в свои грезы ребенок.

Максина энергично потрянула головой. Не время поддаваться меланхолии. Мрачные мысли – это как лакрица: сначала не нравится, а потом не оторвешься. Нельзя, чтобы воспоминания ее одолели. По правилам, достаточно одного депрессивного типа на машину.

Она твердо взялась за руль и глубоко выдохнула. Врать своему мозгу. Так она посоветовала молодому человеку и так собиралась поступить сейчас.

– Все пройдет замечательно. Я смогу доехать. Навыки вождения так быстро не забываются. Тридцать лет – это немного. И потом, эти современные машины ездят сами. Даже не нужно крутить ручку, чтобы завести мотор. Да это проще простого!

Прием сработал! Ей было гораздо лучше, она снова верила в себя.

Максин с нежностью посмотрела на своего похитителя. Он выглядел таким молодым, таким ранимым.

– Увидишь, мы не пропадем.

Она вставила ключ зажигания и повернула его. Знакомый звук мотора придал ей уверенности. Теперь она владела ситуацией. Благодаря ей они поедут дальше. Может быть, она и до самого Брюсселя их довезет.

Максин набрала в легкие побольше воздуха, взглянула на рычаг коробки передач, чтобы знать, где именно первая, и нажала на педаль газа.

Мотор заглох.

Алекс очнулся от жуткого кошмара. Ему приснился безумный сон. Он сидел в тюрьме с какой-то старой дамой и продавщицей из «Прада», которые заставляли его выпить некую омерзительного вкуса жидкость, а его отец, работающий официантом в «Старбаксе», обвинял его в том, что он похитил какую-то бабушку, и все это сопровождалось мелодией из «Красотки». Ему и впрямь надо снова пойти к психиатру.

Алекс зевнул и потянулся. У него болела голова. Он машинально посмотрел в телефон. Экран пестрел мигавшими значками. Алекс прочитал несколько СМС.

«Алекс, что ты наделал? Ты понимаешь, насколько это серьезно? Мама».

«Алекс, это папа. Отвези эту даму домой. Она не сделала тебе ничего плохого».

«Это лейтенант Роше. Отпустите заложницу. Сдайтесь добровольно, и все будет хорошо».

«Дорогой Алекс, напоминаем о Вашей встрече с доктором Простом на следующей неделе. Заранее благодарны за то, что придете в назначенное время.

Кабинет доктора Проста, психиатра.

P.S. В случае, когда пациент находится в депрессии, доктор не несет никакой ответственности за попытки суицида до назначенной даты приема».

«Алекс, так вести себя недопустимо. Нельзя все оправдывать депрессией. Вспомни о нас. Ты представляешь, что подумают соседи? Не будь таким эгоистом.

Мама».

«Мама волнуется. Ты же знаешь, что после ринопластики у нее не самое лучшее настроение. Ты бы мог немного подумать о ней. Сдайся полиции, и все наладится.

Папа».

«Что Вам нужно? Выкуп? Наркотики? Самолет? К нам присоединяется переговорщик, Вы можете сообщить ему свои требования.

Лейтенант Роше».

Алекс разом окунулся в действительность. Правда, теперь, он бы предпочел вернуться в свой кошмарный сон. Он с опаской повернул голову влево. А вдруг повезло, и старушка-самоубийца решила самостоятельно осуществить свой печальный план.

Но нет, она сидела рядом. И вид у нее был такой умиротворенный, такой ласковый. Тонкие ресницы на ее прикрытых веках были кокетливо подкрашены. Алекс вдруг испытал прилив нежности и тревоги одновременно. Она была такой хрупкой и ранимой. У него сжалось сердце при мысли, что она больна. Как же несправедлива жизнь! Она благостно сложила морщинистые руки на животе, поверх лавандового кардигана.

Стоп! Ее руки лежали неподвижно. Живот тоже не двигался. Только не это! Максин умерла! Он легонько встряхнул ее, хотя и подозревал ужасное. Господи, пока он спокойно спал, приняв свой диазепам, Максин распрощалась с жизнью. Правда – хотя это и слабое утешение – она умерла не совсем в полном одиночестве, он был рядом, спал как убитый, но все же... Вдруг Алекс похолодел. Как он все объяснит полиции? Все кругом подумают, что это он ее убил. И он отправится в тюрьму как убийца несчастных старушек. Никто никогда не поверит, что в тот момент, когда она садилась к нему в машину, он не знал, что она сбежала из дома престарелых. Даже родители считают его виновным и не станут нанимать приличного адвоката. Жизнь для него кончена. Мысли путались у него в голове, еще затуманенной коктейлем из алкоголя и антидепрессанта.

Надо избавиться от тела. Прямо как в кино. Он оглядел окрестности. Машина стояла на парковке у прелестного лесочка. Как она здесь оказалась? Он не помнил, как приехал сюда. Полный провал в памяти. Наверное, он сел за руль в бессознательном состоянии и вел «Твинго» на автомате. Счастье, что они не попали в аварию. На самом деле, счастье для него, но не для Максин. Ему было очень-очень грустно, он надеялся, что она не сильно мучилась и скончалась спокойно, во сне. Надо поискать в багажнике, у него там должна быть какая-нибудь лопата.

Господи, он сошел с ума! Не станет же он закапывать Максин в лесу. Она заслужила лучшего. Алекс потряс головой, чтобы привести мысли в порядок. Он должен взять ответственность на себя,

расплатиться за свои поступки, пойти сдать в полицию и объяснить, как было дело. Диазепам послужит ему алиби.

Он с нежностью посмотрел на Максин. Он пережил с ней незабываемое приключение, если не сказать больше. Она все сделала, чтобы вытащить его из депрессии. Ему повезло, что он с ней встретился. Эта потрясающая и такая неожиданная встреча навсегда оставит след в его душе. Единственный раз в жизни на его пути попался хороший человек, и надо же было, чтобы он умер! Горькие слезы покатались по щекам Алекса. Здесь его никто не видел, и он не сдерживался, рыдая в полную силу. Так он еще никогда не плакал. Вместе с этими солеными слезами как будто бы выходило все его горе. Чем сильнее он плакал, тем меньше давил на него тот тяжелый груз, который не давал жить последние месяцы. Вся его злость, напряжение, порывы, тревоги навалились на него разом. Он рыдал, ругался, кричал и стучал кулаками по дверце машины.

– Нет, ну куда это годится! Что за истерика?

Алекс подскочил как ужаленный и чуть не получил инфаркт.

– Так вы не умерли?

– Увы, мне не так сильно повезло.

Алекс прижал Максин к груди. Он не хотел ее отпускать, боясь, что она опять исчезнет как дым.

– Мне нечем дышать, – прохрипела Максин, постучав его по спине, чтобы он ослабил свои объятия.

– Я все не могу поверить, что вы живы.

– Прости, если разочаровала.

У Алекса перехватило дыхание. Максин увидела, насколько он потрясен.

– Какого черта ты решил, что я сыграла в сундук?

Алекс не стал ее поправлять.

– Да вы сидели совершенно неподвижно! Я и решил, что вы не дышите.

– Если ты не был уверен, надо было меня встряхнуть.

– Что я и сделал. Только вы все равно не двигались.

– Я и вправду сплю глубоко. Но почему ты не вспомнил про зеркало?

– Про зеркало?

– Ох, чему вас только в школе учат, ей богу! Надо поднести зеркало к носу человека, которого считают умершим, чтобы посмотреть, запотеваает оно или нет. Если запотеваает, значит, человек дышит. Если нет – он точно мертв. Ты что, никогда не был скаутом?

Алекс все еще не мог прийти в себя, видя перед собой живую Максин. Всего несколько минут назад он представлял, как будет в полиции отстаивать свою невиновность и объяснять все обстоятельства трагедии. И вот она рядом, жива-здоровая, если не считать того факта, что собралась в ближайшее время умирать.

– Что случилось? Я практически ничего не помню, в том числе – как я доехал сюда.

– Не удивительно. Тебе было неважно.

– У меня ужасно болит голова, – простонал Алекс, сжимая виски.

– Это мне знакомо.

– Из-за... Вашей болезни?

– Нет. Думаешь, я не знаю, что такое перебрать психоделиков? Я тоже хипповала.

Алекс моментально представил Максин в длинной пестрой тунике и шароварах, в круглых очках с голубыми стеклами, танцующей под ритм барабанов и мелодию Хари Кришна.

– Но в семидесятые вы были не слишком...

– Не слишком что? – спросила Максин, готовясь к обороне, как и всегда, когда речь заходила о ее возрасте.

– Не слишком м-м-м... не могу найти другого слова, кроме как “в возрасте”, чтобы хипповать?

Он благоразумно обозначил пальцами в воздухе кавычки вокруг слов «в возрасте», но горько пожалел о них, увидев, до чего задета Максин.

– Мне тогда только исполнилось пятьдесят. Ты не знаешь, что пятьдесят – это как снова двадцать? И потом, стать хиппи никогда не поздно. Это состояние души, это то, как ты видишь вещи. В наши дни всем бы стоило быть немного хиппи. Я не говорю, что ты должен подражать Жаклин Ламарш, она, пожалуй, перегнула палку.

– Кто такая Жаклин Ламарш?

– Одна из обитательниц дома престарелых. Покойная.

– Еще одна?

– Ну, да. Возможно, для тебя это новость, но в домах престарелых умирает много людей. Этим мы главным образом там и занимаемся. А те, кто не умирают, говорят о смерти остальных. Короче, Жаклин Ламарш тронулась, она считала, что по-прежнему живет в семидесятые годы и дни напролет слушала Джима Моррисона и Сантану, пока эта мразь Дюрефе не отобрала у нее плейер.

– Ужас какой!

– Мы к ним привыкли. Кроме того, она иногда ставила и Боба Дилана.

– Да нет, директриса ужасная. Чего ей стоило разрешить слушать музыку, если это делало человека счастливым?

– Делать постояльцев дома престарелых счастливыми совершенно не входит в цели Дюрефе. Она считала, что «эта наркоманская музыка» производит плохое впечатление на посетителей, навещающих своих родственников.

Алекс начал осознавать, до чего сурова жизнь в домах престарелых. Тогда как это место должно было бы стать для людей, проживших наполненную испытаниями жизнь, прибежищем, где они чувствовали бы себя свободными. Вольными делать все, что им хочется, что приносит им счастье. Стать местом, где они, до сих пор действовавшие в соответствии с необходимостью и подчинявшиеся строгим правилам, могли бы жить на свой лад, не заботясь о том, что скажут другие. Вот чем бы должен быть дом престарелых.

Он собирался поделиться своими размышлениями с Максин, но ее уже занимало другое. И это тоже старость, наверное: не терять понапрасну время, когда его осталось слишком мало.

– Я, во всяком случае, очень довольна, что выбрала именно это место для нашей импровизированной сиесты.

– А я – тем, что мне удалось сюда доехать, не устроив аварию.

– Это я нас сюда привезла.

Старая дама явно была невероятно горда своим подвигом. Она наивно надеялась, что Алекс не станет интересоваться подробностями и не заметит небольшой вмятины на левом крыле, которая осталась после ее столкновения с корягой, совершенно некстати оказавшейся на въезде в лес.

– Вы нас привезли? – спросил Алекс, наполовину ошарашенный, наполовину обеспокоенный.

– Совершенно верно.

– Вам было не очень сложно? Вы ведь не держали в руках руль очень давно.

– Никаких проблем. Спокойствие, только спокойствие. Я ни секунду не сомневалась, что справлюсь на ура.

Алекс поморщился.

– Вы умирали со страху, признайтесь!

– Да я была просто в ужасе! Ехала на первой, потому что не смогла переключить на вторую. Со скоростью двадцать километров в час. И мне гудели все, кто меня обгонял. Если бы ты слышал, какие гадости осмелился мне сказать кое-кто из них. Но ты не думай, я уж, конечно, им ответила!

– Как же?

– Я знаю пару-другую ругательств.

Алекс не отважился спросить, какие именно. Он и так отчетливо представлял себе, как она кричит в окно машины «негодяи!», «хамы!».

Максин вышла из машины и потянулась.

– Иди сюда, не будем упускать такой прекрасный день и прогуляемся в этом милом лесочке.

Алекс, внимая гласу разума, постарался ее переубедить. Некогда им гулять. Они не туристы, а беглецы. Их ищет полиция. У них впереди еще очень много километров. Если они будут и дальше так ехать, то доберутся до Брюсселя только к ночи.

– Ну, хоть пару шагов, – настаивала старая дама. – Это полезно для кровообращения. Мне нужно подвигаться, а то у меня может случиться закупорка вен...

Но молодой человек не двигался. Она добавила:

– И я могу умереть.

Алекс рывком на четвертой выскочил из машины.

– Только на пять минут.

Они шли по безлюдным дорожкам леса. Под укрытием ветвей деревьев, смыкавшихся над их головами, они чувствовали себя в безопасности. Шорох травы под ногами доставлял им удовольствие. Было приятно находиться в тени, их овеял легкий ветерок, сопутствовавший им в небольшой передышке, которую они себе позволили. У Алекса было ощущение, что они одни на всем свете, и если бы это было действительно так, то он чувствовал бы себя счастливым. Он ценил общество этой незаурядной женщины. Вот уже целый час он не вспоминал о своей депрессии. Настоящий подвиг.

Старая дама, видимо, погрузилась в свои мысли. Ее визит к врачам был назначен не на завтра, она решила приехать заранее, чтобы посмотреть Брюссель, прежде чем попрощается с окружающим миром. Значит, у них полно времени. Никакой спешки. Она знала, что ее ждет по приезде: одиночество в неуютной палате, запах дезинфицирующего средства и нарочито заботливый ухаживающий персонал. Она посмеялась про себя этому слову – «ухаживающий». Они будут ее обхаживать, подталкивая к выходу. Да, иногда единственный выход – это смерть.

Максин вынашивала свое решение уже некоторое время. Она знала, что это лучший способ не закончить свои дни в полном одиночестве, забыв, как тебя зовут, и раскачиваясь в скрипучем кресле-качалке. И тем не менее ее решимость начинала уменьшаться с тех пор, как этот юноша стал ее попутчиком. Впрочем, то, что сначала она полагала миссией, превращалось для нее в приключение. Выбор слова имел большое значение, она это усвоила, когда работала учительницей. Приключение гораздо эффективнее, чем миссия. Приключение могло нести в себе и неизвестное, и тайну, и надежду. Но она уже не должна была ни на что надеяться. Надежда – худший симптом при неизлечимой болезни. Ей нужно сосредоточиться. Сконцентрироваться на своих собственных миссиях, да, именно миссиях: доехать до Брюсселя на эвтаназию и помочь этому милому мальчику в депрессии вновь обрести вкус к жизни.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она его.

– Думаю, действие диазепама постепенно проходит.

– А как у тебя на душе?

Максин постучала указательным пальцем по виску, чтобы убедиться, что Алекс ее правильно понял. Тот вздохнул:

– Ни хуже, ни лучше.

– Ты хочешь сказать, что тебе не лучше, с тех пор как мы встретились?

Видя разочарование на лице Максина, Алекс понял, что должен сказать ей правду.

– Да нет, удивительно, но совсем наоборот. С тех пор, как меня ищет по всей стране полиция, я чувствую себя гораздо лучше. Что очень странно. Я беспокоюсь, что будет дальше – с вами, со мной.

– Ты слишком много беспокоишься. Живи настоящим моментом.

– Как раз на это я и не способен, – разволновался Алекс. – Моя проблема в том, что я все вижу в черно-белом цвете и в двухмерном пространстве. Мир кажется мне тусклым. Все люди, кроме вас, скучными. Мне кажется, я ничего не добьюсь. Я растерял даже то, на что был способен. Ничто не приносит мне настоящего удовлетворения.

И он яростно пнул ногой камень, который имел несчастье попасться ему на пути.

– Вы совершенно правы. Я и впрямь наркоман. У меня постоянная ломка. Мне нужно получить кайф от счастья, все время нужна моя доза, хотя я никогда ей не насыщаюсь.

Алекс замолчал, и Максина не решалась нарушить молчание. Они продолжали идти по тропинке среди деревьев. Через некоторое время Алекс продолжил свою исповедь.

– Когда я смотрю телевизор, бывает, я завидую всяким знаменитостям, которых пригласили, чтобы всех посмешить, и которым платят за то, что они валяют дурака. Я нахожу это бессмысленным. Неужели, видя их счастливыми, я тоже должен стать счастливым? Может, я махровый эгоист? Может, я начисто лишен эмпатии? У них у всех такой довольный вид.

– Секрет счастья – это сконцентрироваться на том, что у тебя есть.

– Кто это сказал? Далай-лама?

– Сериал «Кунг-фу Панда».

– Я потрясен вашим культурным кругозором.

– Настоящая культура, настоящие знания – это не читать наизусть Канта – такое и попугаю под силу – но взять на заметку правильные рассуждения, когда они тебе подвернулись, будь то в мультике про толстого панду или в энциклопедии. Надо расширять свои горизонты.

– Вы правы. А я очень устал.

– Устал? Да ты же только что спал.

– Я все время устаю, не знаю отчего. Беспокоюсь, неизвестно по какой причине. И от этого чувствую себя еще более глупым и смешным. Я не решаюсь больше надеяться на хорошее, потому что каждый раз, когда я это делал, все хорошее куда-то улетучивалось. Как будто какой-то злой дух засел в недрах моих мозгов, чтобы вытаскивать оттуда редкие позитивные мысли, а затем со злобным удовольствием изничтожать их. Для меня надежды больше не существует.

– Да, эта история со злым духом пугает. Как говорится, душа в пальцы уходит.

– В пятки, не в пальцы.

– Ну а я что говорю.

Какое-то время они шагали молча. Алекс жалел, что так разнылся, но в тот момент он по-другому вести себя не мог. Ему было стыдно, что он столько наговорил про себя бедной женщине, которую ждало лишь одно – эвтаназия. Вот болван! Надо заняться только Максин, помочь ей, и, если потребуется ради этого отправиться в тюрьму, он согласен. Хотя в глубине души он все же надеялся, что до тюрьмы дело не дойдет.

– Послушайте, Максин. Я хотел с вами кое о чем поговорить. У меня проблема.

– Давай. Я тебя слушаю.

– На самом деле, проблема не у меня, а у вас.

– У меня?

– Только я боюсь, как бы вы не восприняли это неправильно. Возможно, вы воспримите это неправильно, я предполагаю, что вы воспримите это неправильно, я уверен, что вы воспримете это неправильно...

– Хватит ходить вокруг да около, объясни, что ты хочешь.

Она забеспокоилась, хотя старалась не подавать вида. Что такого она сделала, чтобы так обеспокоить мальчика? Может, у нее

проявились какие-то симптомы Альцгеймера, а она и не заметила? Может, всем уже понятно, что у нее поехала крыша? Именно этого она и боялась. Именно поэтому и приняла решение поехать в Брюссель и уйти достойно.

Проявить признаки слабоумия в присутствии Алекса – это было ужасно. Она хотела вернуть ему вкус к жизни, а не напугать его. К тому же он ведь окажется последним из тех, кто был с ней знаком в этом мире, и, быть может, это и глупо, но она хотела оставить о себе хорошие воспоминания. Максина должна была сохранить достоинство до конца.

Она взяла себя в руки и заговорила ласково, чтобы его не испугать. В конце концов, он, наверное, хотел быть ей полезным.

– Я вся внимание.

Алекс переступал с ноги на ногу. Она уже достаточно узнала его, чтобы догадаться, что с ним что-то не так. Молодой человек прокашлялся.

– Я полагаю... вообще-то я уверен, что у вас проблема с... проблема с поговорками.

Максин воздела руки к небу, словно благодаря его за ниспосланную милость.

Алекс видел, что его слова не воспринимаются с той серьезностью, какую в них вкладывал он. Он снова прокашлялся.

– У тебя в горле кошки скребут. Кажется, у меня в сумке есть леденцы...

– Вот, видите, в том-то и проблема! Вы все время путаете выражения или меняете их.

Он с грустью посмотрел на Максина.

– Я счел себя обязанным сообщить вам об этом, потому что при Альцгеймере это может быть один из симптомов, о котором стоит упомянуть, когда вы пойдете к врачу.

Алекс обрадовался, что ему удалось удачно вернуть, как о деле решенном, что Максина должна пойти к врачу, а не полагаться только на поставленный самой себе диагноз, основанный на печальном опыте ее мужа, а, значит – не должна отправляться напрямиком в морг.

Старая дама отошла в сторону и повернулась к нему спиной. Плечи ее вздрагивали. До Алекса донесся стон.

Ну, вот! Он добился своего! Вогнал самоубийцу в депрессию. Довел до слез умирающую старушку. Какой же он негодяй! Он не только похищал старушек, но и доводил их до истерики.

Он тихонько подошел к старой даме и достал из внутреннего кармана своего пиджака красивый шелковый носовой платок, который Максин незаметно положила, когда он примерял костюм.

– Мне очень жаль, я не хотел вас огорчить...

Он очутился лицом к лицу со своей жертвой.

– Вы что, смеетесь? Господи, вы хохочете, когда я переживаю оттого, что вы плачете! Вы издеваетесь!

– Я плачу, дурачок, я плачу от смеха.

И она крепко поцеловала его в щеку.

– Ты такой весельчак, только не подозреваешь об этом!

– Будьте добры, объясните, в чем дело, – не выдержал Алекс, чувствовавший себя так, как будто его оставили в дураках.

– У меня всегда была небольшая проблема с такими выражениями. Это невероятно забавляло моего мужа. Первая фраза, с которой я к нему обратилась, как раз пример того, как я склонна переделывать французский язык.

– Что же вы ему сказали?

– Что я пришла к нему волей и с несчастной долей. Он ответил, что очень сочувствует, но не отвечает за мою долю и лишь обслуживает по гарантии.

– А как вы с ним познакомились?

– Если тебе это интересно, нам надо присесть. Вон та скамейка, мне кажется, очень подходит. Мне уже не двадцать лет, и не тридцать, а ближе к сорока, скажем так.

Алекс с Максим усадились на деревянную скамейку, заросшую мхом. Солнечные лучи светили сквозь листву, отчего их лица были покрыты пятнами света и тени. Какой-нибудь прохожий, увидев их, наверняка бы решил, что застал прелестную семейную идиллию: заботливый внук вывел в лес на прогулку свою любимую бабушку. Конечно, только тот прохожий, который не смотрит новости по телевизору. Иначе он принял бы их за похитителя и его жертву, подверженную стокгольмскому синдрому.

Слава богу, никаких прохожих в лесу не было, и Максим почувствовала себя достаточно свободно, чтобы рассказать Алексу еще одну историю из своей жизни. Историю ее знакомства с мужем, вспоминая которую, она испытывала счастье и грустила одновременно. Ей было непросто отобрать только хорошие воспоминания. Ностальгия и меланхолия – неразлучные сестры. Но она улыбнулась, вспомнив игривое выражение на молодом лице Шарля, когда она первый раз пришла к нему в кабинет. И его чувство гордости, когда пациент благодарит за прием. Он был добрым человеком и излучал добро вокруг себя. Именно это ей хотелось вспомнить и рассказать Алексу.

– Поход к психиатру спас мне жизнь.

– Вы прошли курс терапии?

– Почти. Можно и так сказать. Я записалась к психотерапевту, чтобы поговорить о моей боли и чувстве вины, которые я беспрерывно испытывала, после того как осталась без дочери. Мне было двадцать два года, я ушла от родителей, чей вид постоянно напоминал мне об ужасной ошибке, которую я совершила. Я пришла на прием, и врач оказался...

Максим прикрыла глаза, чтобы лучше припомнить тот момент, который кардинально изменил всю ее жизнь.

– Он оказался очень харизматичным. От него исходила какая-то спокойная сила, которая меня обнадежила. Он был высоким, у него были веселые глаза, проникавшие вам в душу.

– Это был ваш муж?

– Да, это был Шарль. Он улыбнулся мне и указал рукой на кресло, стоявшее напротив его стула. Когда я принялась объяснять цель моего визита, он немедленно прервал меня. Я ничего не понимала. Если я совершила над собой усилие и пошла к психиатру, то для чего же еще, как не говорить с ним? Я заявила ему, что он должен меня «исправить». Он ответил, что не может меня выслушать и не может быть моим психиатром.

– Почему?

– Потому что я слишком ему понравилась, – прошептала старая дама, покраснев. – Он добавил, что будет плохим профессионалом, если оставит меня своей пациенткой.

– И что же вы сделали?

– Мы пошли ужинать. А через полгода поженились.

– Невероятно.

– Но факт. Я не была его пациенткой, однако он меня спас. Благодаря ему я начала не прощать себя за то, что оставила ребенка, но учиться жить с этим. Я смогла встать над своей болью, создавая свою жизнь. Я стала учительницей, чтобы помогать детям.

– Не сомневаюсь, что вы многим помогли.

– Спасибо, мой мальчик, – сказал она, похлопав его по ноге.

Максин встала и снова зашагала по дорожке.

Алекс словно прирос к скамейке. Эта история его перевернула. Неужто можно встретить кого-то, кто вас «исправит»? Это Максин просто так повезло, что она встретила этого человека, или их соединила судьба? Нет, Алекс не верил в судьбу. Если бы судьба существовала, она бы устроила так, чтобы *она* его заметила и влюбилась. С другой стороны, именно судьбой было суждено погибнуть Леонару, первой любви Максина. Возможно, такова была судьба Леонара – погибнуть на полях сражений в Первую мировую. Ему совсем не повезло. Возможно, пожертвовав собой, он спас жизнь многим солдатам, которые позднее совершили что-то важное. Судьба однозначно была вещь сложная. Где уж в ней разобраться такому муравьишке, как он? И все же – судьба дала второй шанс Максину. Есть ли на это право и у него? Существует ли на земле девушка, которая могла бы вернуть ему вкус к жизни? В конце концов, почему бы и нет.

Он слегка улыбнулся. Но тут же стер улыбку с лица. Он не хотел, чтобы Максин что-то там себе напридумала и решила, будто она

направила его на путь истинный.

Слишком поздно. Она уже успела перехватить этот слабый намек на надежду.

– Я умираю с голоду. Наша милая прогулка пробудила во мне аппетит. А ты хочешь есть? – спросила Максин, когда они повернули обратно.

Она посмотрела на изящные часы, украшавшие ее запястье, и радостно объявила:

– Мы пропустили обед.

– Я не думаю, что будет целесообразно заходить куда-то поесть.

– Почему?

– Нас ищет полиция, если вы забыли.

– Ах, это, – ответила она, пожав плечами.

– Да, это.

– Не волнуйся. Ищут они не нас.

– А кого же?

– Молодого наркомана в старых джинсах и футболке и старую даму. А ты похож теперь на денди в своем шикарном костюме. Я же повяжу на голову новый платок и надену темные очки. Мне дадут максимум лет тридцать пять. И у нас будет вид совершенно обычных людей.

– Обычных из какого-нибудь фильма Хичкока шестидесятых годов.

– Это правда, что я смахиваю на Грейс Келли, а ты напоминаешь Кэри Гранта. Правда, Кэри Гранта, который сильно не в духе, но тем не менее. Кстати, надо что-то придумать с твоей шевелюрой.

И она потрепала его волосы.

– Ради бога, Максин, никаких походов в парикмахерскую.

– Но почему? – спросила она разочарованно.

– Потому что нас разыскивают.

– Люди ведь могут решить, что я твоя старшая сестра.

Молчание в ответ.

– Или твоя мать.

– ...

– Ну, хорошо, твоя бабушка. Но это все же обидно. Мы почти ровесники.

Они вернулись к по-прежнему пустой стоянке. Алекс в шутку протянул ключи Максин:

– Не желаете сесть за руль?

Максин сделала вид, что не слышит насмешки в его вопросе.

– Могу без проблем, но предпочитаю уступить тебе, это же твоя машина. И потом, страховка тоже на твое имя...

– Да, а вы-то правила никогда не нарушаете, как я посмотрю.

– Никогда.

И старая дама решительно кивнула.

Алекс подошел к машине со стороны водителя и издал истошный крик то ли человека, то ли летучей мыши. Пальцем он показывал на жирную царапину, искорежившую дверцу.

– Что это такое?

Испытывая неловкость, Максин постаралась не придавать значения инциденту.

– Ты о чем?

– Об этой ужасной царапине на кузове!

Она повернула голову в сторону результата ее правонарушения.

– Я ничего не вижу.

– Как будто медведь набросился на мою машину! На почти новую «Твинго»...

– Ты же сам говорил, что это старая машина.

– А вы мне сказали, что все машины, выпущенные после 1950 года, новые. Так вот, моя была новая, очень даже новая.

Черт! Он использовал ее же аргументы против нее.

– Возможно, – сказала Макси, – я говорю, *возможно*, что какой-то пень находился совсем некстати на въезде в этот лес, а кто-то, прекрасно умеющий водить, какая-то превосходно управляющая машиной и внимательная дама, слегка его задела. Совсем немного. Ерундовый удар.

И быстро, чтобы Алекс не успел ее перебить, она добавила:

– И не стоит забывать, что если эта заслуженная автоледи была вынуждена после большого перерыва сесть за руль, то только потому, что некая личность, которую я не буду называть...

Тут она осуждающе ткнула пальцем в сторону Алекса и продолжила:

– ... некая личность оказалась неспособной вести машину из-за смеси алкоголя и таблеток.

– А кто дал алкоголь некой личности?

– Это же был не какой-то алкоголь, а виски Octomore 6.3 Islay Barley 64 %, один из лучших в мире! Давай не будем выяснять, кто виноват в этой мини-царапине, стоит лишь пройтись полиролью, и почти ничего не заметишь.

Алекс, ворча, сел в машину, а Максин благополучно сделала вид, что ничего не слышит.

Им обоим было жаль покидать это тихое пристанище. Увы, они не могли остаться там навечно. Максин уже было представила себя обитательницей леса, поселившейся в прелестной хижине (которая, в ее воображении, скорее напоминала швейцарское шале), питающейся ягодами и одетой в звериные шкуры. Она превратится в совершенную дикарку, и жизнь на свежем воздухе исцелит молодого человека. Никто не придет искать их в этот лес, и они будут там счастливы. Но это была лишь сладостная мечта. От Альцгеймера ей никуда не спрятаться, а она не хотела обременять Алекса. Самое лучшее – отправиться дальше в путь и наслаждаться прекрасными моментами, которые дарил ей этот побег.

Они ехали теперь по региональному шоссе. Не нарушая скорости, не слишком быстро и не слишком медленно. Чтобы не выделяться. Они выработали «стратегию камуфляжа», чтобы раствориться в массе «обычных людей», как говорил Алекс.

Больше всего они боялись, что их остановит полиция, либо потому, что их узнали, либо для рутинного контроля. Аль Капоне прокололся на банальной неуплате налогов.

Алекс сосредоточенно смотрел на дорогу, соблюдая разрешенную скорость, как вдруг заметил, что за ними едет полицейская машина. Не решаясь повернуться лицом к Максину, так как это могло бы вызвать подозрение, он с закрытым ртом пробормотал что-то невнятное.

– Что ты сказал? Я ничего не поняла. Говори четко!

Молодой человек проделал то же самое. Губы его почти не шевелились.

– Да что с тобой? Ты тренируешься, чтобы стать чревоушателем, что ли?

Алекс отчаянно задвигал головой, чтобы без слов указать Максин на полицейскую машину, как будто полицейские в пятидесяти метрах от них, сидя в своем автомобиле, могли их услышать.

– Черт побери! У тебя не иначе как эпилептический припадок!

И она кинулась рыться в своей сумке.

– У меня есть лекарства от головы, от горла, от сердца, от печени, от давления, от артрита, чтобы заснуть, чтобы проснуться, от усталости, от тревожности, для поднятия тонуса... И ничего от эпилепсии!

Она вытащила кучу баночек с лекарствами и положила их на колени.

Алекс, раздраженный тем, что его попутчица не соблюдает осторожность, вынужден был ее перебить.

– Нет у меня никакого эпилептического припадка! Я просто пытался показать вам, что нас преследует полицейская машина.

Максин оглянулась, чтобы разглядеть автомобиль позади них, но Алекс тут же развернул ее обратно в кресле.

– Вы хотите нас погубить? Здорово вы проявляете бдительность!

– Но им же нас оттуда не видно.

– Откуда мы знаем!

– Уверяю тебя, что они не могут нас увидеть, если только они не пустили по нашим следам супермена с рентгеновским аппаратом в глазах.

Она хотела обернуться, чтобы проверить, едет ли по-прежнему за ними машина, но Алекс удержал ее.

– Прекратите! Из-за вас нас засекут.

Он как можно незаметнее бросил взгляд в зеркальце заднего вида. Полицейские прибавили скорость!

– Они нас догоняют. Нам крышка. Мы отправимся в тюрьму!

– В тюрьму отправишься ты. Я – в дом престарелых.

– Это конец. Посмотрите, они нас обгоняют, чтобы перекрыть дорогу. Так и бывает в гонках преследования.

– Чтобы это была гонка преследования, нам надо было бы ехать со скоростью больше семидесяти километров в час.

Полицейская машина поравнялась с ними. Вот-вот они с Максин встретятся глазами с теми, кто отправит их за решетку или – обратно в дом престарелых.

– Сиди как ни в чем не бывало! – приказала Максин.

Беглецы сидели прямо, будто кол проглотили. Пот струился по лицу Алекса, он сдвинул брови и кусал губы. Максин с глупой улыбкой на губах тупо смотрела вперед.

Вдруг она взмахнула вверх руками.

– Что с вами? – закричал Алекс, и капля пота угодила ему прямо в глаз.

– Откуда я знаю. Это непроизвольно.

– Немедленно опустите руки!

Максин подчинилась. И продолжала улыбаться, глядя в одну точку.

Машина обогнала двух «обычных людей», как обычно занятых тем, как бы им выглядеть обычными. Полицейские даже не оглянулись в их сторону.

Беглецы смогли глубоко вздохнуть, только когда стражи порядка совсем скрылись из вида.

– Вот видишь, нечего было паниковать, мы выглядим как совершенно обычные люди.

Алекс протирал глаза, залитые потом, который мешал смотреть на дорогу.

– Пришлось понервничать!

– Эти полицейские наверняка ищут серьезных преступников. Мы не преступники. Максимум – несовершеннолетние правонарушители.

– Что утешает.

Чтобы отвлечься, Максин включила радио. Она уже заметила, что хорошая музыка положительно влияет на Алекса.

А теперь экстренное сообщение. Мы по-прежнему не имеем никаких сведений о почти столетней женщине, похищенной сегодня утром. Полиция продолжает расследование и информирует, что похититель якобы находится в глубокой депрессии из-за несчастной любви. Хотя подробности еще только выясняются, родители преступника признались, что он чувствовал себя уязвленным после того, как ему отказала молодая женщина, которой он давно добивался. Бедная жертва его домогательств, должно быть, боялась за свою жизнь, но в настоящее время находится в полной безопасности. Наш консультант-психолог объяснит вскоре во время

специальной программы, посвященной этим событиям, каким образом такое похищение может служить мстью всем представительницам женского пола.

В доме престарелых, где жила бывшая учительница, все чрезвычайно взволнованы, в том числе члены комитета по поддержке похищенной женщины «Спасем Максин», который возглавляет ее близкий друг господин Ламурё. Интервью с ним мы вскоре услышим в нашей специальной программе, из которой приводим короткий фрагмент: «Не обижайте мою Максин!» Этот пронзительный крик, как мы надеемся, будет услышан похитителем».

Максин выключила радио. Они досыта наслушались.

Молчание, царившее в машине после выпуска новостей, было нарушено вибрирующим звуком.

– Что это? – очнулась Максин, все еще пребывавшая в шоке от полученной в свой адрес формулировки «почти столетняя женщина».

– Ваш мобильник.

– Похоже на бензопилу. А почему он до этого не звонил?

– Мы же отключили звук, помните?

– Ой как неудобно. Почему он не может молчать, когда мне не звонят, и гудеть, когда звонят? Я думала, эти устройства умнее.

Алекс воздержался от объяснений.

– Вибрация была короткая, вам скорее всего пришла СМС.

Максин засунула голову в свою огромную сумку в поисках телефона. Достала оттуда гигантскую «Нокию», водрузила на нос очки и увидела на экране мигающий конвертик.

«Максин, какой Вы устроили переполох! Я в восторге! Мне это напомнило тот случай, когда мы организовали день открытых дверей в SPA-доме престарелых, не предупредив Дюреше... Повсюду в коридорах бегали кошки и собаки, не говоря уж о морских свинках. Улыбающийся смайлик. Большой палец вверх. Я всей душой с Вами. Если меня не обманывает интуиция, Вы отправились в Брюссель, чтобы осуществить то, что задумали. Я и грущу, и радуюсь за Вас. Плачущий смайлик. Я изо всех сил постараюсь Вам помочь. Я сказал полицейским, что вы мне звонили и сообщили, что Ваш похититель везет Вас в Испанию. Надеюсь, это позволит Вам выиграть время. Подмигивающий смайлик.

Ваш друг Марти Шубертс».

Максин улыбнулась, обнаружив это послание. Она протянула телефон Алексу, чтобы тот мог его прочитать. Молодой человек сначала отказался, говоря, что опасно читать за рулем, но потом, сгорая от любопытства, все же быстро просмотрел его, постоянно переводя взгляд с экрана на дорогу и обратно.

– А зачем он пишет «улыбающийся смайлик» или «большой палец вверх»?

– Это по молодости. Ты же знаешь, молодежь нынче одни смайлики только и ставит. Я смотрела передачу Бернара де ла Вильярдьера, где он объяснял, как используют смайлики всякие извращенцы, чтобы завлечь девушек для работы проститутками.

– Но «смайлик» не надо писать. Его надо рисовать. Для этого и есть иконки.

– Ты должен объяснить это Марти. Он обожает новые технологии. В доме престарелых он первый обзавелся планшетом.

– А, так он гик?

– Нет, он не грек.

– Не грек. Гик. Человек, увлекающийся высокими технологиями.

– А-а. Ну тогда да. Марти – невероятный гик.

Максин убрала телефон в сумку. Воспоминания о Марти грели ей душу. Он был единственный, с кем она могла поговорить в доме престарелых. По-настоящему поговорить. Обо всем и ни о чем, а не только о тех, кто недавно умер или умрет в ближайшем будущем.

Когда все постояльцы дома престарелых сидели у телевизоров и смотрели передачу «Вопросы для чемпиона», они с Марти тайно встречались в комнате, которая торжественно называлась «читальным залом», но на самом деле представляла собой кладовку, куда поставили несколько полок, а на них положили кое-какие книги. Эта комнатка напоминала Максин запах кожаных переплетов у старых книг по психиатрии ее мужа. Когда у них еще все было хорошо и никто не страдал Альцгеймером, они обычно усаживались вечером со стаканом виски в глубокие кресла подле камина, чтобы почитать.

К виски, как, впрочем, и ко многим другим вещам, ее приобщил Шарль. Он научил ее не торопиться, чтобы по-настоящему насладиться вкусом. Нужно было терпеливо дать раскрыться во рту односолодовому виски, чтобы оценить его. Он любил говорить ей: «У тебя постоянно будут какие-то неотложные дела. Но если ты не будешь переводить дух и заниматься тем, что важнее, то жизнь пройдет мимо». Она переводила дух, но жизнь все равно прошла слишком быстро. Не успела она и глазом моргнуть, как очутилась в одиночестве в доме престарелых. И вся жизнь была позади.

Счастье еще, что был Марти, который смотрел на вещи ее глазами. А теперь у нее появился Алекс. Ненадолго, конечно, но на время прекрасного приключения, которое она не должна упустить.

Максин украдкой посмотрела на молодого человека, который стольким рисковал ради нее. И с чувством положила руку ему на плечо, ничего не говоря, просто, чтобы его чувствовать рядом.

Алекс, не привыкший к нежностям, смутился, но тепло от руки Максин ободряло лучше, чем общение с родителями в последнее время.

– Расскажите мне побольше о Марти.

– Марти – мой сокамерник.

– Кажется, вы близкие друзья, если вы ему говорили о вашем... плане поехать в Брюссель.

– Мы обсуждали его как некую возможность. Я не хотела втягивать Марти в эту историю и боялась, что он не выдержит допроса, который ему устроит Дюрефе.

– Допроса?

– Можешь не сомневаться. Как раз в этот момент Дюрефе его и пытается. Она прекрасно знает, что мы дружим, и способна на все, лишь бы репутация ее дома престарелых не пострадала. Марти хоть и закалился на войне, но спасует перед коробочкой соленой карамели из Геранда^[24].

При этой мысли Максин закатила глаза к потолку. Алекс воспользовался ее молчанием, чтобы спросить о том, что его беспокоило:

– Думаете, он нас выдаст?

– Нет. Он сделает все, что в его силах, чтобы нам помочь. Я не посвящала его во все детали, но...

– Но что? – тревожно спросил Алекс.

– Марти из тех стариков, у которых хорошо развито шестое чувство. Не знаю, как его получают, рождаются ли уже такими, или это награда за добрые и благородные поступки...

Максин закусила губу.

– Он всегда догадывается о самых важных делах, даже о тех, которые хотят утаить. Ты не замечал, как некоторым старикам известно то, о чем им никто не рассказывал, как будто они

космические пришельцы, умеющие читать наши мысли? Марти, наверное, инопланетянин, это многое объясняет.

– Вы уверены, что он не скажет, куда мы поехали?

– Будь спокоен, он не расшнурует язык.

– Не распустит. А не «не расшнурует».

– Отстань от меня. Расшнурует, распустит – не все ли равно. Что касается Марти, сам видишь, мы можем на него положиться. Он ведь сказал полицейским, что мы едем в Испанию. То есть совсем в другую сторону, чем на самом деле.

Алекс вздохнул с облегчением. Он надеялся, что следователи ухватятся за новую информацию и сосредоточат розыск по направлению к испанским границам. Если им с Максин повезет, они доберутся до Брюсселя без затруднений. Там он убедит Максин пойти на прием к другому врачу и попытается записать ее на программу клинического тестирования болезни Альцгеймера. Если очень повезет, новое экспериментальное лечение поможет, а если совсем повезет, Максин выздоровеет. Это был суперплан. Алекс почувствовал невероятный прилив энергии. Он был готов двигать горы, сражаться с полицией всего земного шара и даже забыть про царапину, которая, по вине Максин, красовалась на боку его дорогой «Твинго».

Пребывая в столь веселом настроении, он решил подтрунить над Максин.

– Джеки Портье скачивает музыку вам в телефон, Марти Шубертс водит за нос полицию ради вас, а господин Ламурё создает комитет по вашему спасению от похитителя. Да вы настоящая сердцеедка!

– Должна сообщить, что один из троих умер.

– Так он, наверное, был без ума от вас, если скачивал музыку из «Красотки». Там еще было послание от него.

– Правда? Ты так думаешь? – Максин была озадачена.

– Конечно. А господин Ламурё оправдывает свою фамилию. [\[25\]](#)

– Это почему?

– Потому что он влюблен в вас, разумеется.

Максин вытаращила глаза.

– Черт-те что придумал!

Она плотно прижалась к спинке сиденья, надувшись, как двенадцатилетняя девчонка, с которой говорят о мальчиках.

– Ты несешь полную ахинею, – продолжила она, пытаясь сдержаться.

– Но он создал ради вас комитет «Спасем Максин». Он без конца шлет вам СМС. Судя по всему, вы часто играете с ним в триктрак.

– А что мне делать, если он все время просит поиграть с ним!

– И что, по-вашему, это ничего не значит?

– Значит! Что он любит играть в триктрак.

Алексу нравилось приставать таким образом к Максину. Он с удовольствием смотрел, как она краснеет и пытается это скрыть.

– А этот его душераздирающий крик по радио: «Не обижайте *мою* Максина!», – передразнил Алекс, делая ударение на мою. – Вы *его* Максина.

– Никогда в жизни!

И старая дама, приняв оскорбленный вид, демонстративно отвернулась от Алекса и уставилась в некую точку на горизонте, которая невероятным образом ее заинтересовала.

Алекс, торжествуя оттого, что ему удалось выиграть этот словесный поединок, достал из бардачка CD-диск и вставил в автомагнитола. Зажигательный голос Глории Гейнор заполнил салон «Твинго».

Максин искоса глянула на Алекса. Она была разобижена, и не собиралась так быстро переставать дуться. Но музыка уже действовала на нее. Она начала покачивать в такт ногой. Алекс делал вид, что ничего не замечает. А когда Глория дошла до припева *I will survive*^[26], он начал подпевать, сначала тихо, потом все громче и громче. Победенная Максина сдалась. Она повернулась лицом к нему и запела. Алекс прибавил громкость. Глория пела во всю мощь, так что трещали колонки, похититель и его жертва тоже распевали во все горло, путая слова. Максина хлопала в ладоши, Алекс поводил плечами и похлопывал пальцами по рулю.

Никогда еще в «Твинго» не было так весело.

Благодаря умиротворяющему вмешательству Глории Гейнор, на душе у присутствующих вновь стало тепло, а настроение было на отметке «ясно». Беглецы решили перекусить и съехали с регионального шоссе в сторону небольшого городка.

Алекс ничего не ел со вчерашнего дня, и его желудок настоятельно требовал еды, чего с ним не было уже долгие месяцы. С самого начала депрессии он испытывал отвращение к пище, которое убивало всякий аппетит. Сегодня он был голодный как волк, и это его радовало.

Максин, пожелавшая сама выбрать ресторан, предпочла паб.

– Там можно и поесть, и выпить, – так объяснила она свой выбор.

– Но поесть и выпить можно в любом ресторане.

– Да, но в пабе подают хорошее пиво.

– Мне казалось, вы пьете виски.

– Я стараюсь расширять свои горизонты.

– Ах да, как же я забыл, это то, что рекомендуют Далай-лама и Кунг-Фу Панда...

– Наконец что-то застревает у тебя в голове!

Максин уже направлялась к столику, на который им указала рукой официантка в джинсах и футболке. Алекс пошел за ней, оборачиваясь направо и налево, желая проверить, не узнал ли их кто-нибудь. Максин это заметила.

– Великое преимущество пабов в том, что тут темно. Значит, у нас больше шансов остаться незамеченными.

– Не забывайте, что мы должны выглядеть как «обыкновенные люди».

– Я-то выгляжу как «обычный человек», а вот ты, постоянно оглядывающийся по сторонам, сильно смахиваешь на типа, которого разыскивает полиция.

– Так меня и разыскивает полиция!

– О том и речь.

Максин положила конец дебатам, вооружившись меню.

– По вторникам в доме престарелых всегда дают спагетти под соусом болоньезе.

– Но спагетти под соусом болоньезе – это вкусно.

– Я их ненавижу.

– Нам повезло. Сегодня пятница.

– Что я действительно ненавижу, так это повторение. Что за интерес заставлять нас есть по вторникам одно и то же блюдо? И я еще тебе только про вторник рассказала, но еда одинаковая во все дни недели. Никаких сюрпризов, приевшийся вкус спагетти под соусом болоньезе и чавканье жующих стариков.

Алекс стал изучать меню, чтобы не представлять себе эту картину. Больше всего ему не хотелось терять вновь появившийся аппетит. Вдруг его посетила одна мысль, когда он увидел, какие предлагались блюда:

– Уж коли нас могут арестовать и упечь в тюрьму, я предпочитаю как следует воспользоваться своими последними обедами на свободе!

– А я перед возвращением в дом престарелых... Ведь в тюрьме еда несомненно вкуснее.

Максин открыла свою огромную сумку и достала оттуда маленькую серебряную пудреницу. Затем она кокетливо припудрила нос.

– Вы хотите разбить еще чьи-то сердца?

– Прекрати говорить глупости! И не напоминай мне про господина Ламурё, это смешно!

Она удовлетворенно улыбнулась зеркальцу и продолжила:

– Я хочу убедиться, что выгляжу прилично. Вот и все. Мы ведь в ресторане.

Алекс огляделся. Их соседями по столикам были молодые люди, пришедшие сюда отдохнуть между занятиями и поиграть в дартс, да завсегдатаи заведения, с руками, замасленными фиш энд чипс.

– Кажется, здесь это заботит только вас.

– Если мир элегантных и утонченных нравов рушится, это не значит, что я должна пойти на дно вместе с ним. Я же не капитан «Титаника», – заметила она, подкрашивая губы бледно-розовой помадой.

Молодой человек чуть было не спросил, видела ли она легендарный корабль, но вовремя вспомнил, что он затонул в 1912

году. Он взглянул на свою визави. Она, конечно, была немолода, но 1912 год – это, пожалуй, чересчур.

Максин аккуратно убрала свои косметические принадлежности в сумку, достала кошелек и начала пересчитывать деньги.

Алекс вырвал их у нее из рук и спрятал под стол.

– Из-за вас нас вычислят! Это очень опасно доставать деньги на виду у всех. Их могут захотеть украсть, особенно у такой...

Брови Максина нахмурились, и знаменитый мрачный взгляд, от которого трепетало столько учеников, устремился на Алекса.

– Какой?

– М-м-м...

– Такой старой дамы? Это ты хотел сказать?

– Совсем нет, – оправдывался Алекс, которому было не по себе. – Я хотел сказать, такой красивой женщины во цвете лет, которая невольно обращает на себя внимание.

Он вытер лоб, чтобы пот его не выдал. Максина, судя по всему, была довольна.

– О! Вот это мне нравится.

Мрачный взгляд исчез, и Алекс с облегчением понял, что в угол его не поставят.

– И все же не стоит доставать деньги на глазах у всех.

Он посмотрел под стол. Пачки купюр торчали из кошелька.

– Особенно когда у вас их столько.

– Я закрыла все счета. Не оставлять же их без дела, если я собралась уми... собралась поехать в Брюссель.

Эти аргументы убедили Алекса. В конце концов, она права. Ведь это ее деньги, и она имеет право их тратить, как ей захочется.

– Не понимаю, почему вы выбрали паб. С такими деньгами вы могли бы пойти в дорогой ресторан.

– Ты про те заведения, где тебе подадут три кружочка морковки, шелуху от лука, топинамбур с парой кубиков говядины и назовут все это «ассорти из редких овощей и сое из говядины по бабушкиному рецепту»?

Алекса рассмешили витиеватые слова Максина, забавно изображавшей официанта.

Воодушевившись произведенным эффектом, она продолжала:

– А эти шефы, подающие тебе кокотницу с яблочными профитролями и представляющие их как «усовершенствованные профитроли». Кто их просил усовершенствовать профитроли? Они и так были очень вкусными. Особенно с яблоками.

– Окей, я понял. Руки прочь от профитролей!

Максин снова взяла в руки меню, но не посмотрела в него.

– Честно говоря, мне хочется есть руками.

Алекс взглянул на покрытые тонкой морщинистой кожей руки старой дамы.

– Руками?

– В доме престарелых нам запрещают это делать. Считается, что это признак деменции. Они видят в нас слабоумных еще до того, как мы действительно такими станем. Как будто мы не сегодня-завтра забудем, как пользоваться вилкой. Впрочем, мы едим в основном ложками. Нам почти все дают в виде пюре.

– Но не по вторникам. Когда спагетти под соусом болоньезе.

Максин улыбнулась.

– Да, не по вторникам. Но, впрочем, тесто так разваривается, что фактически превращается в пюре.

Алекс понимал, что воспоминания об этих скудных трапезах в доме престарелых неприятны его спутнице, и сменил тему:

– И что же вы собираетесь заказать теперь, когда можно спокойно есть руками?

Максин в предвкушении деликатесов широко открыла глаза:

– Большой бургер.

– Идет!

– Картофель фри.

– Берем!

– Много соуса.

– Отлично.

– И пиво.

– Тогда маленькое, нам ведь ехать, и потом, ваш виски из меня еще не выветрился.

– А на гарнир лук, огурцы, перец и...

– Давайте остановимся. Думаю, этого достаточно.

К ним направлялась официантка. Темные волосы, собранные в небрежный пучок, подчеркивали черный цвет ее глаз. Одета в стиле

рок, под стать пабу, что, однако, не мешало заметить ее независимую поступь.

Едва заметив, что девушка идет к их столику, Алекс опустил голову. Максин точно не знала, боялся ли он, что их узнают, или смутился. Она склонялась скорее ко второму варианту.

– Что будете заказывать?

– Чизбургер с соусом-картошкой-луком-огурцами-перцем и пиво. Спасибо, – сообщила Максин, получая удовольствие от одного только перечисления предстоящих лакомств.

Официантка, уставшая от жизни, не удосужилась повторить заказ, ограничившись пометкой в блокноте. Затем повернулась к Алексу. Тот по-прежнему сидел, не поднимая головы. Он надеялся, что Максин проявит инициативу и закажет за двоих. Он совершенно не жаждал говорить с девушкой, его ровесницей, это уж было слишком. Еще того хуже, она была симпатичной. Официантка терпеливо ждала. Максин пнула его ногой под столом. Он и сам знал, что не может бесконечно сидеть в прострации. И не сможет превратиться в мышонка, удрать под стол и забиться в норку. Сколько раз уже он безуспешно надеялся на это. Но он мог бы изобразить, что ему плохо. Возможно, это и сработает. Точно, сейчас он сделает вид, что теряет сознание. Надо только закатить глаза и рухнуть на пол. Может быть, ему удастся даже биться в конвульсиях, чтобы выглядело правдоподобнее. И тогда Максин ничего не останется, как сделать заказ за двоих.

Старая дама двинула ему по ноге, а потом и по локтю. Ну и хулиганка эта Максин!

У Алекса уже не оставалось времени, чтобы падать в обморок. К тому же он никогда не отличался артистическим талантом. Вообще говоря, он ничем не отличался. В школьных спектаклях ему давали самую незаметную роль, ту, где его меньше всего будет видно – дерево на фоне леса, тростник... Родители, поняв это, перестали приходить на спектакли.

Алекс наконец поднял голову, упорно продолжая смотреть в пол. Затем открыл один глаз, второй. Прочистил горло и, прежде чем Максин предложила ему леденцы от кашля, торжественно объявил:

– То же самое. Спасибо.

Официантка, тем временем успевшая просмотреть все сообщения в своем телефоне, записала заказ и, не говоря ни слова, удалилась.

Максин не хотела лишний раз приставать к Алексу. Она и без того подозревала, что он тяжело переживает свою ситуацию, и добавлять ему переживаний незачем. Муж научил ее, что иногда слишком резкое вмешательство в чужие проблемы ни к чему хорошему не приводит. Пациент замыкается, и выудить из него хоть что-то становится невозможно. Теперь же Максин чувствовала, что пациент и без того вот-вот замкнется. И тем не менее сложности с восприятием женской привлекательности лежали в основе главной проблемы Алекса. Если он и дальше не будет верить в себя, то никогда не сможет раскрыться как личность. А ее после Брюсселя уже не будет... Надо было подступить к этой теме с другого бока.

– Ты заметил, до чего красивая эта официантка? Как глупо, что ее взяли работать в паб, где постоянно темно и ее не разглядишь как следует. Наняли бы лучше какую-нибудь дурнушку, все равно видны только ноги.

– Это дискриминация.

Максин обрадовалась, что Алекс отозвался.

– Расскажи мне про ту, из-за которой ты столько страдал.

Алекс напрягся. Он не знал, уползти ли ему, как улитке, в свой домик или бежать сломя голову прочь. Максин испугалась, что поспешила с просьбой. Шарль был бы разочарован, что она напортачила. А она не хотела омрачать его память.

– Ты совершенно не обязан говорить, если не хочешь. Но я думаю, что, если ты из-за нее дошел до такого состояния, она должна быть необыкновенной.

Максин стоило труда сделать комплимент той, кто лишил Алекса уверенности в себе, но иного средства, чтобы он ей доверился, она не нашла. Как любому наркозависимому, ему захочется рассказать о том, в чем он испытывает недостаток.

Алекс на секунду задумался. Казалось, его мозг закипает. Он боролся между желанием рассказать о *ней* и неизбежными муками. И он бросился вниз головой в воду.

– Она стала началом.

Максин сидела, замерев. Затаила дыхание. Она боялась, как был малейший шорох не спугнул исповедь Алекса. Но ее стратегия оказалась верной, поскольку он доверялся ей все больше.

– Она стала началом новой жизни для меня. В ней было все, чего не хватало мне. Красивая, умная, веселая, остроумная, талантливая, общительная... Она чувствовала себя уверенно и привлекала всеобщее внимание. Все отдавали ей должное. Я подумал, что, если мы будем вместе, я смогу получить немного ее сияния. От крохотной частички *ее* и я бы засверкал.

Максин не смогла дольше сдерживаться:

– Никогда не слышала ничего более грустного и более глупого.

У Алекса глаза полезли на лоб. Резкий ответ Максин хлестнул его, как пощечина. Он машинально потер себе уши.

Максин сделала это сознательно, она хотела встряхнуть Алекса. Она знала, что ему это необходимо, и боялась, что у нее не хватит времени выполнить свою миссию. Фаза один – шок. Фаза два – объяснения. Фаза три – принятие ситуации. Фаза четыре – примирение с самим собой. Фаза пять – выздоровление. Ей оставалось пройти еще четыре фазы, а она уже утомилась. Утомилась оттого, что не знала, сколько времени ей отсчитано, от жизни в доме престарелых.

Фаза два – объяснения. Она должна подвести его к пониманию того, что он рассуждал неправильно. Фаза три – принятие ситуации. Он должен согласиться, что эта неудача не означает конца света. Фаза четыре – примирение с самим собой. Он должен начать думать о своем будущем. Если ей удастся помочь ему пройти три фазы подряд, она наверстает упущенное и, возможно, получит шанс спасти мальчика – фаза пять.

– Ты не можешь ожидать, что кто-то возьмет и изменит твою жизнь. Так не бывает.

– Это еще почему? – Алекс приготовился обороняться.

– Потому что это было бы неправильно и по отношению к ней, и по отношению к тебе. Ты представляешь, какой груз ответственности

ты бы на нее взвалил? Она не могла распоряжаться твоей судьбой, ты единственный ее хозяин.

– Я не верю в судьбу.

– Я тоже. Но во что-то надо же верить, иначе наше существование будет слишком грустным. Если ты не веришь в судьбу, поверь в жизнь, в любовь, в счастье, в удачу, в Провидение...

– Вы прочитали это в *fortune cookie*?^[27]

Щеки Максина побагровели.

– Очень может быть. Что ничуть не означает, что это неправда.

И она стряхнула невидимую пылинку с кардигана.

– Вы бы не смогли быть вместе. Тебя слишком переполняли ожидания. Вы не стали бы гармоничной парой.

– Лучше быть парой негармоничной, чем никакой.

Алекс вскипел и ударил кулаком по столу. Несколько любопытных взглядов устремились в их сторону. Старая дама накрыла рукой его кулак.

– В глубине души ты понимаешь, что я права, но не дозрел до того, чтобы принять это. Дай себе время.

Официантка принесла два бургера, держа по подносу в каждой руке. Максина пришла в восторг от ее ловкости и решила тут же научиться этому. Она уже собиралась встать, чтобы потренироваться, но Алекс ее остановил.

– Вы не смогли меня удержать во время упражнения на доверие, не думаю, что ваши руки удержат подносы.

– Ничего личного, Алекс, но ты будешь потяжелее.

– Не скажите – со всем гарниром, который вы поназаказывали...

Максина грустно посмотрела на свои слабые бицепсы.

– Наверное, ты прав.

Алекс почувствовал, как она огорчилась.

– У вас руки балерины, а не штангистки. А это гораздо красивее.

Максина повеселела.

– Мне и правда часто говорили, что у меня походка балерины.

Они взяли в руки по огромному чизбургеру и набросились на еду. По губам тек соус, и Максина наслаждалась ощущением свободы. Обмакнув в соусе дольку картошки, она, не торопясь, пережевывала ее, чтобы подольше сохранить во рту ее вкус.

Вдруг в глазах Максина промелькнула новая искра, отчего ее лицо стало почти юным. Она вытерла соус с уголков губ.

– Тебе какой тип женщин нравится?

Алекс чуть не поперхнулся.

– Вы очень красивая, Максин, но я предпочитаю сохранить наши дружеские отношения...

– Да я не про себя тебе говорю, идиот! Хотя и польщена, что ты рассматриваешь меня как вариант.

Чтобы избежать дальнейших комментариев по этому поводу, Алекс сказал:

– Я бы хотел встретить кого-то, с кем я буду чувствовать себя увереннее, с кем поверю, что я красивый и умный. Кто научит меня разным вещам, разбудит мои способности. Кем я буду восхищаться.

– И всего-то-навсего? Но такую девушку еще надо поискать.

Она едва не подавилась, сделав большой глоток пива.

– Все это очень абстрактно. Ты один за другим перечисляешь критерии, но не говоришь о конкретном человеке. Кроме того, совершенных людей – за исключением меня – не существует. Ты сам далеко не совершенство, почему же другие должны им быть? Это было бы ужасно скучно.

Она откусила бургер, прежде чем продолжить:

– Жизнь похожа на энцефалограмму: если линия прямая, значит, ты умер. Я не говорю, что ты должен довольствоваться чем попало и выбрать первую подвернувшуюся девушку, только чтобы не быть одному. Я лишь хочу сказать, что ты должен принять шероховатости.

– Шероховатости?

– Да. Ты со своими критериями будто стоишь на вершине горы и созерцаешь, как там люди внизу суетятся. Это удобно, это успокаивает, но это не жизнь. Если ты спустишься с горы и захочешь действительно узнать какую-нибудь девушку, допуская, что она не будет соответствовать всем твоим запросам, тогда тебя могут ждать прекрасные сюрпризы. Ты сам тоже не безупречно отполированный. У тебя есть своя история, которая и делает тебя особенным. Это гораздо интереснее, чем быть самим совершенством.

Алекс слушал ее, замерев.

Старой даме удалось поколебать его уверенность. Ему очень понравилась мысль про шероховатости. И правда, что он не был

безупречно гладким, куда там.

Максин продолжала с удовольствием поглощать свой обед. Видя, что Алекс все еще витает в своих мыслях, она сказала:

– Если ты не будешь больше картошку, отдай ее мне.

Алекс очнулся.

– Ради бога.

Он разом проглотил четыре дольки картошки, и, из чистого озорства, обмакнул еще три в соус. Максина не обратила внимания на эту игру.

– Ты уже обращался в matrimониальные агентства?

– Вы хотите сказать, на сайты знакомств в Интернете?

– В наше время для этого были танцы. Теперь знакомятся посредством компьютеров, что лишено всякого смысла. Что поделать, надо жить в ногу со временем. Коли нужно пройти через виртуальное, чтобы получить реальное, так и быть. Короче, ты уже регистрировался на этих сайтах?

– Нет, конечно! – возмутился Алекс. – А вы?

Максин посмотрела на него озадаченно.

– Разумеется, нет. Я-то уже была замужем. Ты слушаешь меня, или я тут распинаюсь впустую?

– Вы столько говорите, что я, видимо, упустил кое-какую важную информацию, – парировал Алекс с иронией.

Максин восприняла эту озорную шпильку как добрый знак, как сигнал выздоровления. Ее метод лечения начинал действовать.

– Но почему ты не попробовал зайти на сайты знакомств?

– Чтобы найти там полоумную невротичку? Или зануду, страдающую боязнью пространства? Или психопатку, выскивающую свои жертвы в Интернете? Нет уж, спасибо!

– Там могут встретиться и хорошие люди, я думаю. Страдающие от одиночества души, которые хотят встретить кого-то, чтобы завязать отношения. Нормальные люди вроде тебя.

– Мое психическое здоровье далеко не образцовое. У меня депрессия, напоминаю.

Да, до фазы пять было еще далеко.

Официантка пришла забрать грязную посуду. Максин не оставила на тарелке ни крошки. Она бы и вылизала ее, не останови ее вовремя Алекс. Не уцелел ни малейший листик салата, добавленный для украшения. Максин воспользовалась тем, что при появлении официантки Алекс опять опустил голову, и провела пальцем по оставшемуся на краях баночки соусу.

– Желаете десерт? – спросила официантка, почти что вырывая баночку из рук Максина.

– Непременно!

Девушка принесла меню и испарилась.

– Можно подумать, вы сто лет не ели, – сказал Алекс.

– Так и есть, примерно.

– А вас кормят в вашем доме престарелых? Надеюсь, не только по вторникам спагетти под соусом болоньезе? А то я смотрел репортаж Бернара де ла Вильярдьера об этих ужасных интернатах, где стариками никто не занимается, а обслуживающий персонал живет себе припеваючи.

– Нет, у нас все не так ужасно, но «когда ничего нельзя сделать без разрешения, это начало конца».

– *«Гекльберри Финн»*, Марк Твен.

Максин взглянула на него в изумлении. Алексу было приятно уловить в ее взгляде гордость за него. Гордость, которой он никогда не видел в глазах родителей.

– Ну да, я все же не безнадежный тупица. Я умею читать, а иногда, когда я в хорошей форме, даже могу считать.

Алекс состроил рожу, изображая полного дебила. Дебила, который смешит старую даму.

Он продолжал гримасничать, как вдруг встретился глазами с официанткой. Он весь сжался. Наверное, он ей показался жутко глупым. В кои то веки он шутил, валял дурака, расслабился, и надо же было, чтобы девушка его увидела в этот момент! На глазах Максина он превратился в соляной столп. Она проследила за его взглядом и увидела, что официантка смотрит в их сторону. Только не это! Только

бы он не почувствовал себя униженным! Максин молилась про себя, чтобы девушка не стала смеяться над ним. Его психика этого не выдержит. И Максин, и Алекс, оба смотрели на официантку, которая не отводила взгляда от молодого человека. Губы ее скривились влево, а затем расплылись в веселой улыбке.

Алекс глазам своим не верил. Он обернулся назад, чтобы убедиться, что очаровательная улыбка предназначалась именно ему. Позади него была только темно-зеленая стена. Он стал думать, как ей ответить. Он к такому не привык. Нужно ли улыбнуться в ответ? Или показать, что ему наплевать? Или сделать вид, что он ничего не видел? Наконец он решился и обернулся. Слишком поздно. Официантка уже ушла, торопясь обслужить других посетителей.

– Если женщина тебе улыбается, считай, она уже наполовину твоя!

Алекс не ответил, но идея пришла ему по душе.

Максин почувствовала невероятное облегчение, оттого что первое общение с девушкой прошло удачно. Она даже боялась представить, что было бы, если бы официантка повела себя иначе. При мысли об этом старая дама содрогнулась. По счастью, мальчик получил право на улыбку, и она заметила, до чего это его воодушевило. Вдруг она выпрямилась, повеселев. Максин посетила потрясающая идея, как можно продолжить ее терапию.

– Я точно знаю, что тебе нужно.

– Ради бога, только не новые упражнения на доверие!

– Одного хватит. Это была не самая лучшая из моих идей, но перейдем к другому. Сменим пластинку.

И не дав ему времени что-либо возразить, она кивнула головой и посмотрела в глубину паба, чтобы привлечь внимание Алекса. Когда они только пришли, он так старался казаться обычным, что не заметил уголок, где находилась небольшая эстрада с микрофоном.

Уже достаточно изучив свою напарницу по бегам, Алекс мгновенно догадался, что она задумала.

– Никогда в жизни!

– Я уверена, что ты от души повеселишься. Я видела, как хорошо на тебя действует музыка.

– Даже не надейтесь.

И он категорично поводит головой из стороны в сторону, давая ясно понять, что не согласится никогда.

– К тому же никто не поет. Они, наверное, приготовили это на завтра.

Максин ткнула пальцем в сторону объявленьица, прикрепленного скотчем к стене: «По пятницам караоке».

– Сегодня как раз пятница.

Алекс продолжал мотать головой. И пока он не свернул себе шею, старая дама встала, элегантно расправила плиссированную юбку, застегнула кардиган, отодвинула стул и решительным шагом направилась к сцене.

Чтобы подняться на эстраду, она оперлась на стену, проклиная свои колени за то, что они не работают как прежде. Затем полистала каталог, лежавший на столике позади нее. В полумраке паба непросто было прочитать названия песен. Она поднесла папку близко к глазам и прищурила веки. Алекс умирал от стыда. Некоторые посетители заметили Максина и смотрели на нее недоуменно, остальные не обращали никакого внимания. Молодой человек пытался превратиться в лилипута. Он вжался в спинку стула и закрыл лицо десертным меню, кидая отчаянные взгляды на Максина в ожидании грядущих сюрпризов.

Старая дама положила на место каталог. Она определилась с песней. И постучала по микрофону.

– Раз-два. Меня слышно?

Те, кто до сих пор ее не заметили, повернулись к ней. Поняв, что она в центре внимания, Максина почувствовала, как у нее за спиной вырастают крылья. Публика собралась. И требовала от нее песни.

– Ну что, вы настроены повеселиться сегодня вечером? – рывкнула она в микрофон.

Алекс был близок к обмороку, на сей раз настоящему. Будь у него с собой лопата, он бы вырыл нору и спрятался туда.

По залу пробежал шепоток. Максина подумала, что с публикой будет, наверное, не так легко, как ей показалось сначала. Может, потому, что был еще не вечер. Так или иначе, она сейчас их встряхнет. Она устроит им шоу.

– Я что-то не слышала? Вы готовы повеселиться сегодня днем?

Несколько человек улыбнулось, а двое или трое даже ответили «да». Большого и не требовалось, чтобы привести Максина в восторг.

Она их покорила! А Глория еще поможет ей, как помогла до этого в машине.

Раздались первые ноты *Can't Take My Eyes Off You*^[28]. Взгляды всех присутствующих устремились на Максина. Она начала покачивать головой, а потом и бедрами, двигаясь в стиле диско, позаимствованного у Джона Траволты. Поворот влево, поворот вправо. *You're just too good to be true...*^[29]

Брови у Алекса поползли вверх. Максина прекрасно пела! Пританцовывающая старая дама завладела всеобщим вниманием. Слова песни высвечивались на экране, но она быстро перестала на него смотреть. Она знала песню наизусть, да к тому же на таком расстоянии она ничего не видела.

Алекс положил на стол меню, а точнее говоря, оно выпало у него из рук. Он начал улыбаться. Но его улыбка мгновенно исчезла с губ, когда Максина, показывая на него пальцем, громко пропела *I love you baby, trust in me when I say...*^[30] Все обернулись посмотреть, кто же был объектом столь пристального внимания. Алекс сидел белый как полотно и словно парализованный устремленными на него взглядами. Бедный кролик, ослепленный фарами автомобиля Максина. На его счастье, она пустилась в бешеный танец, которому позавидовал бы сам Траволта. Она носилась по сцене вправо, влево, вперед, назад, кружилась и бросала кокетливые взгляды в зал. Последние двадцать секунд музыкального проигрыша стали финальным аккордом. Она поднимала руки вверх, делая вид, что в такт хлопает в ладоши. Восхищенная публика мгновенно стала хлопать вместе с ней. Королеве диско только этого и надо было, чтобы показать все, на что она способна, даже ценой вывихнутого бедра.

Музыка закончилась. Максина, как заправская певица, поблагодарила аудиторию элегантным поклоном.

Наступила полная тишина. Присутствующие, видимо, находились в шоке. Никто не был точно уверен, что все только что случившееся произошло на самом деле. Вновь раздались аплодисменты. Сначала редкие, потом все более и более громкие. Артистка ответила на них улыбкой. Она немного подождала, но так как просьба повторить не было, спустилась со сцены. Взгляды присутствующих провожали ее до столика, а потом вновь обратились к картофелю фри.

Максина уселась за столик и спросила как ни в чем не бывало:

– Ну, ты выбрал десерт?

Ошарашенный Алекс ничего не ответил. Официантка снова подошла к ним и поздравила Максим с выступлением. Старая дама скромно выслушала комплимент и скромно покраснела. После чего перешла к более важным вещам:

– У вас профитроли хотя бы круглые?

Срочная новость:

Кое-какие сдвиги произошли в расследовании дела «Максин», очень пожилой дамы, дерзко похищенной сегодня утром у ворот дома престарелых.

Источник, близко знакомый с жертвой глубоко преклонного возраста, сообщил нам, что получил от нее СМС-сообщение, где указывается, что ее похититель направляется в Испанию.

Силы правопорядка серьезно изучают этот след, принимая во внимание коварный и неуравновешенный характер похитителя. Напомним, что молодой человек, никому не известный до этой трагедии, превратился в дикого зверя, чтобы захватить несчастную столетнюю женщину.

Наш специальный корреспондент отправился в дом престарелых Босежур, чтобы взять интервью у её друга.

– Господин Шубертс, что вы делали, когда получили эту СМС?

– Ну... я был в библиотеке, когда услышал, что мой мобильный звонит.

– Вы сразу поняли, что это ваша подруга просит о помощи?

– Я записал ее номер, вот так, и если она звонит или посылает СМС, то появляется надпись «Максин».

– А у вас было предчувствие, что это она?

– Говорю вам, я увидел, что написано ее имя. Я же не медиум.

– А вы можете показать эту СМС?

– М-м-м... Вообще-то нет.

– Почему? Похититель угрожал расправиться с вами в этом случае?

– Нет. У меня ее нет больше. Я ее стер.

– Вы ее стерли?

– Да. Не туда нажал. Мне с моими корявыми от артрита пальцами трудно справляться с такими маленькими кнопками.

– Но вы, по крайней мере, смогли показать ее полицейским до того, как стерли?

– Нет. Но они поверили мне на слово.

– Как вы думаете, ваша подруга жива?

– Не сомневаюсь. И где бы она сейчас ни находилась, я хочу, чтобы она знала: я всей душой с ней.

После этого трогательного свидетельства солидарности двух пожилых людей вернемся к личности похитителя. Двадцать пять лет, имеет серьезные проблемы с психикой, вопреки советам своего психиатра и родителей перестал посещать сеансы психотерапии и не проходит рекомендованное лечение. Эти сведения заставляют опасаться худшего, учитывая резкие перепады в его настроении, которые способны спровоцировать у него агрессию и привести к смерти окружающих. По свидетельству еще одного источника, близкого к кругам, ведущим следствие, он якобы заявил незадолго до трагедии: «Я всех вас убью». Впрочем, достоверность этой информации сейчас проверяется.

Полиция по-прежнему пытается выяснить мотивы преступления. Муж долгожительницы был известным психиатром. Возможно, речь идет о мести всем врачам. Однако нельзя не учитывать также и корыстные побуждения. Нам стало известно, что за несколько дней до похищения со счетов старой дамы были сняты все деньги. Это дает основания предполагать, что преступление было заранее спланировано и почти столетняя дама стала осознанной мишенью невротика. Агрессивный молодой человек уже известен своими домогательствами к молодой женщине, однако почему на сей раз он выбрал именно эту престарелую даму?

В деле по-прежнему много неясного, остается только предполагать, какие неожиданные повороты могут случиться, как-то: обнаружение тела жертвы, арест виновного или раскрытие причин его поступка.

Не пропустите сегодня вечером программу «Введите обвиняемого», специальный выпуск «Дело Максин», в котором мы подробно расскажем, как проходит расследование.

Бармен включил погромче телевизор, до того работавший без звука. Все посетители с интересом смотрели репортаж, где мелькали фото Максина в столовой дома престарелых и в парке. Журналисты даже разыскали фотографии ее мужа, читающего лекцию. Алекс, чьи фото, несомненно, предоставили журналистам его родители, выглядел мрачным бандитом. Что до Марти Шубертса, то он был в полном восторге оттого, что его показали по телевизору. Он заявил, что стер СМС, которой и в природе не было, с невозмутимостью, достойной звезды Бродвея.

Лица были прикованы к экрану. Беглецы не стали дожидаться своего заказа. Максина оставила деньги на столе и, воспользовавшись тем, что в пабе был полумрак и все, не отрываясь, смотрели телевизор, они незаметно вышли.

К машине они почти прибежали. Они бы перешли на кросс, если бы не боялись вызвать этим подозрение. Они бесшумно сели в «Твинго», Алекс завел мотор, и они двинулись вперед. Первые десять километров ни один не решался заговорить.

Алекс был в полном шоке. Не потому, что его разыскивала полиция – с этой мыслью он уже более или менее смирился, но из-за показанных по телевизору фотографий. Почему его родители выбрали именно эти? Он выглядел на них отвратительно. Конечно, он был не слишком фотогеничным, но должны же быть и другие снимки, где у него лицо не серийного убийцы. Осознают ли родители, что они лишь усугубляют его положение? Неужели они именно этого и хотят?

Алекс тряхнул головой. Может, он все напридумал? Может, он слишком строго судил своих родителей? Может, он не так уж безобразно выглядел на фото? Ему надо было узнать мнение своей спутницы.

– Максина, как вам выпуск новостей?

Старая дама на секунду задумалась.

– Марти превосходно выступил. Ему надо подумать о карьере актера.

– А я?

– А что ты? Ты хочешь стать актером?

– Нет. Как вам показались мои фото?

Он почувствовал, как у него напряглись все мускулы и почти замерло дыхание. Почему из-за пары своих изображений он так разнервничался? Потому что речь шла не только о снимках. В них проявлялись его отношения с родителями. Он надеялся – Максин сейчас скажет ему, что он на них совершенно нормальный и что родители даже представили его в лучшем свете.

– Ты же знаешь, я нахожу, что ты очень красивый.

Несколько утешенный, он улыбнулся.

– Спасибо, Максин. Значит, вы думаете, я неплохо выгляжу на этих фото?

– Да ты что! Ты на них выглядишь совершенно ужасно! Как псих, сбежавший из дурдома.

Плечи молодого человека опустились. Максин увидела, как сильно она его огорчила, сама того не желая. Он еще очень ранимый. Она не хотела причинять ему боль, но снова повела себя чересчур резко.

Руки у Алекса дрожали. Она боялась, что он расплачется. Но вместо этого он что есть силы ударил по рулю. Ярость вытеснила грусть. Иногда это было даже лучше: ярость могла приглушить огорчение, хотя бы и на время.

– Не переживай так из-за этого. К сожалению, родителей мы не выбираем. Посмотри на меня. Ты думаешь, мне не хотелось иметь родителей, которые бы меня поддержали, помогли мне вырастить дочь, а не заставили от нее отказаться? Нужно учиться отграничивать себя от того образа, который они нам передают, особенно если они оказываются не на высоте. Ты ведь гораздо больше, чем их отражение. Если они мыслят узко, мысли широко. Если они довольствуются малым, мечтай добыть луну. Если они не додали тебе любви, не ищи ее у них. Если они посредственности, стань лучшим. Каким ты будешь, зависит не от семьи, а от того, что ты выбираешь и как поступаешь. Именно это ты сейчас и начинаешь делать.

– Да, например, нахожусь в бегах вместе с пенсионеркой.

Максин улыбнулась.

– Совершенно верно. С молодой пенсионеркой. И потом, не только тебя задел этот репортаж. Ты видел на фотографиях меня?

Алекс почувствовал подвох и предпочел промолчать.

– Я выглядела как старуха! Меня едва можно узнать!

Он мысленно поздравил себя с тем, что ничего не ответил, и сказал:

– Именно так я и подумал.

Максин удовлетворенно улыбнулась ему. Она была счастлива, что проходит это испытание в компании такого симпатичного молодого человека, как он. Как говаривал ее дорогой супруг, повезло ей в несчастье. Случай свел ее с идеальным юношей, которому она приносила пользу, равно как и он ей.

Она опять вспомнила про репортаж. Подумать только, их ищет полиция! Вдруг по ней словно пробежал разряд адреналина.

– Весь этот ажиотаж напомнил мне, как нас с мужем, много лет назад, разгоняли полицейские во время демонстрации против войны во Вьетнаме. Они поливали нас из водяных пушек.

Старая дама засмеялась, припомнив жесткие столкновения с американской полицией.

– Вы участвовали в демонстрациях против войны во Вьетнаме?

– Помню, мы организовывали сидячие забастовки перед Белым домом.

– Вы были в Америке?

– Разумеется. Ведь, не сидя на диване перед телевизором, я бастовала. И это лишь одно из тех безумных приключений, которые пережили мы с Шарлем.

Алекс молчал, чтобы не мешать ей рассказывать. Ему было любопытно услышать о подвигах Максин. Перенесшись в свои воспоминания, она продолжала:

– Шарль превращал каждый день в праздник. Делал мне сюрпризы, спонтанно организовывал что-нибудь в выходной, оставлял мне записочки на подушке или холодильнике, когда отлучался куда-то. Он дарил мне цветы без всякого повода, просто так, говорил, что делает это, желая порадоваться моей улыбке. Мы ходили в рестораны, в музеи, в кино, в театр. Скука ни разу не наведальась к нам. Накануне свадьбы мы сочинили список тех вещей, которые хотели бы сделать вместе в течение нашей жизни. Каждый год мы выбирали что-нибудь из списка и осуществляли это.

– Потрясающая идея! Вы, должно быть, составляли необыкновенную пару! – тихо сказал Алекс не только Максин, но и себе самому.

– Мы проехали всю Америку на мотоциклах, ходили в поход по Перу, провели чудесный месяц на греческих островах, катались на санях по заснеженной Лапонии...

Алекс не перебивал Максин, продолжавшую перечислять все великолепные путешествия, в которых она побывала. Он вдруг понял, что сам-то еще ничего такого не совершил, и, что еще хуже, даже никогда не задумывался ни о чем подобном. И толком не знал, нужно ли списать этот пробел на депрессию или он уже родился с дефицитом воображения? С неспособностью мечтать. С некоторых пор, задолго до начала депрессии он испытывал удовольствие от эмоциональной анестезии.

Но то, что поначалу казалось преимуществом, превратилось в преграду, лишившую его желания мечтать. И теперь он даже не знал, стремится ли он по-настоящему к чему-то? О чем он мечтал, когда был маленьким? Было ли у него какое-то увлечение, о котором он не помнил?

Когда-то его глаза, наверное, тоже светились, как светятся они сейчас у Максин. Список приключений его спутницы заставил Алекса очнуться. Он начал входить в контакт с самим собой, с тем Алексом, который жил в глубине его, а не с депрессивным изможденным типом, которого ранним утром увидела Максин.

Старая дама, раскрасневшаяся от рассказа о своих путешествиях, продолжала перебирать воспоминания, как жемчужные бусины в ожерелье ее жизни.

– Каждая поездка позволяла нам побольше узнать о том, каков род человеческий. Я встречала потрясающих людей! Мы работали волонтерами в хосписе матери Терезы, участвовали в демонстрациях за свободу Нельсона Манделы в Южной Африке, я даже встречалась с английской королевой...

– С королевой?

– Как вчера это помню. Мы были приглашены на прием, организованный посольством Франции в Лондоне. Шарля пригласили в Англию на полгода читать лекции, а я получила место учительницы в одной из тамошних французских школ. Обстановка на приеме была

изысканная и спокойная. Присутствовали выдающиеся профессора. Я очень стеснялась. Боялась сказать какую-нибудь глупость, поставить мужа в неловкое положение.

– Вы боялись? – перебил Алекс, который представить себе не мог, чтобы Максин что-то напугало.

– Не идеализируй меня. Я живой человек. У меня тоже есть слабости, и я тоже не верила в себя. Быть может, даже сильнее, чем ты. Соразмерно моим ошибкам...

Она замолчала и прикрыла глаза, пытаясь не погрузиться в воспоминания о дочке. Сильно прикусила губу. Нельзя, чтобы чувство вины опять всплыло. Она не дорассказала историю Алексу и должна сосредоточиться только на ней. Максин тряхнула головой.

– В общем, там соорудили эстраду, и мой муж должен был произнести речь. Я знала ее наизусть, так как он репетировал ее вместе со мной весь день. Он ужасно волновался.

– Он?

– Ну да. У него были свои страхи. Он был уверен, что забудет текст, станет путаться в словах, упадет и разобьет себе лицо, поднимаясь на эстраду.

Алекс улыбнулся, представив, как знаменитый психиатр боится произносить речь. Это его утешало.

Максин, витая мыслями в прошлом, снова окунулась в высшей степени изысканную атмосферу. Глубокие кресла, обтянутые коричневой кожей, шкафы, наполненные книгами, клубы сигарного дыма, роскошные персидские ковры охристых тонов, звон бокалов с шампанским. Она снова видела своего мужа в смокинге и себя в черном бархатном платье. Вспомнила взгляды, которыми они обменивались, когда толпа их разделяла.

– А как прошла его речь? Удачно?

Молодой человек нарушил ее грезы. Она продолжила:

– Его пригласили на сцену для выступления. Едва он начал говорить, как раздался чей-то шепот. Недолго думая, я в ярости обернулась, чтобы заставить наглеца замолчать. Какая-то женщина беспардонно беседовала с послем, вместо того чтобы слушать речь. Я громко сказала ей: «Тсс!». Меня тут же повалили на пол два дюжих молодца.

– За что?

– Оказалось, что болтушка – никто иной, как королева. Вероятно, нельзя было попросить ее замолчать, не пострадав от королевских гвардейцев.

– Что же было дальше?

– Она, смеясь, попросила их отпустить меня. Поинтересовалась, кто я и по какой причине желала, чтобы она замолчала. Я ответила, что мой муж выступал с важной речью и я хотела его послушать. Она одобрительно покачала головой и похвалила мое супружеское благочестие.

Алекс сделал круглые глаза:

– Она могла вас отправить в тюрьму за оскорбление ее величества.

– Возможно, могла. Но знаешь, это случилось пятьдесят лет назад, она была тогда сорокалетней девчушкой.

Алекс прыснул со смеху. Одна лишь Максин могла осмелиться одернуть болтавшую королеву!

– Но для меня королева это вы!

Щеки Максин порозовели. Она положила руку на руку Алекса. Ей не надо было ничего говорить. Ему тоже. Они и так понимали друг друга. Молодого человека уже даже не смущало ее прикосновение. Наоборот. Оно было живительным. В этом мире, где не все ладилось, была Максин.

Машина катилась по скоростной магистрали. Беглецы молча смотрели в окно. Максин сосредоточилась на белых полосах шоссе, которые мелькали перед глазами. Ей захотелось подремать. Ей ведь уже не пятьдесят, и послеобеденный сон стал жизненно необходим.

Алекс тем временем размышлял. Он вообще почти все время размышлял. И это было одной из его проблем. Его мозг не отключался. Если бы можно было нажать кнопку и поставить на паузу его бесконечные размышления. Рядом Максин погрузилась в дрему. Она напомнила ему видео, где кот боролся со сном. Она могла быть очень сильной и в то же время очень хрупкой. Это сбивало его с толку. Он представил, какой она была несколько десятков лет назад, в вечернем платье, на приемах вместе с мужем, или в шортах цвета хаки с огромным рюкзаком за плечами, забирающейся на Мачу-Пикчу.

Он бы хотел познакомиться с ней в то время. И с ее мужем. Они, наверное, были самой дружной и самой красивой парой на земле. Родители Алекса по-прежнему были вместе. Они являли, таким образом, пример крепкой семьи. Однако в том, как они относились друг к другу, никогда не было заметно такой глубокой взаимной привязанности, какая существовала между Максин и ее мужем.

Его родители никогда не ссорились. Он, однако, был уверен, что Максин с мужем спорили до хрипоты, обсуждая какие-нибудь психологические проблемы, ломали копыя, чтобы понять, кто из них прав. Но это были, конечно, словесные сражения, которые неизменно заканчивались взрывами хохота. Его же родители проявляли вежливое безразличие друг к другу, демонстрировали идеальные отношения на публику, их взаимная любовь была показной. Такой же показной, как и любовь к сыну, к нему. Подделка – идеальная снаружи, гнилая внутри. Вообще говоря, они все для него делали: он был сыт, одет, получил образование. Но они воспитывали его так же равнодушно. Теперь он это осознавал. Он не сердился на них, людей не изменишь, надо либо и дальше жить с ними, либо уходить.

Отправляясь сегодня утром в дорогу, он думал, что лишь сменит обстановку на некоторое время. Но он был от них все дальше и дальше

не только физически, но и духовно. Благодаря депрессии он, сам того не понимая, почувствовал, что необходимо уехать, продышаться, начать жить своей жизнью. Муж Максин был бы доволен, узнав, что сеансы психотерапии, проведенные его женой, начинали хорошо сказываться на нем.

– Как же вам, должно быть, его не хватает!

Уточнять не было необходимости. Максин сразу поняла, о ком говорит Алекс.

– Безумно. Без него я наполовину пустая. Хотя он предпочел бы, чтобы я сказала: наполовину полная. Он умел видеть в каждом человеке хорошее. Ты бы ему очень понравился.

Алекс смутился от такого комплимента. Он был далеко не уверен, что заслуживает его. Он всего-навсего находился рядом с ней во время побега. Кроме того, он сомневался, что ее муж был бы рад, что она отправляется на эвтаназию. Чем больше он об этом думал, тем больше убеждался, что Шарлю это совсем бы не понравилось. Но он предпочел ничего ей не говорить.

– Я все еще его слушаю каждый день.

– Вы имеете в виду мысленно?

Молодой человек с грустью решил, что старая дама постепенно теряет рассудок. Симптомы Альцгеймера начали проявляться. Несчастная слышала голоса. Ужасно видеть, как угасает такой живой ум.

Максин догадалась, о чем думает Алекс.

– Я действительно его слушаю, и ты тоже можешь услышать.

Бедняжка бредила. Становилось совершенно ясно, что болезнь вступает в острую стадию. Он не хотел ее обижать. Самое лучшее, что он мог сделать – это принять ее игру. Возможно, затем у нее случится проблеск ясного сознания и она прозреет.

– Ну, разумеется, я бы очень хотел его услышать.

Старая дама оскорбилась.

– Не разговаривай со мной так. У меня нет старческого маразма.

– А как я разговариваю?

– Как с малым ребенком. Скоро спросишь, где мои игрушки и не хочу ли я на горшок. И не смотри на меня так! – сказала она, пригрозив ему пальцем.

Алекс уже ничего не понимал. Неужели, посчитав Максин больной, он стал по-другому на нее смотреть и с ней разговаривать? Возможно. Он ругал себя за то, что так расстроил ее. Меньше всего он хотел бы ее обидеть.

– Я не сумасшедшая, и сейчас докажу тебе это.

Она принялась копаться в своей огромной сумке. Что она там ищет? Какой-нибудь амулет? Он надеялся, что это окажется не кость – лучевая? локтевая? – или что-то еще в том же духе. Она обожала своего мужа, но всему есть пределы. В крайнем случае – прядь волос... Максин все рылась и рылась в сумке, не находя нужную вещь. Если она пыталась отыскать там своего мужа, то вряд ли ей это удастся. Страдая Альцгеймером, она не отвечала за свои поступки, так что от нее можно было ждать чего угодно.

Наконец, смятение на ее лице сменилось выражением облегчения. Она улыбнулась и вынула свою старую «Нокию».

– Нажми на два, это номер моего мужа.

Алекс должен был пресечь это. Умерший не сможет ответить. И она очень расстроится.

– Максин, мне очень жаль, но я должен вам это сказать. Ваш муж вам не ответит, он не может ответить.

Брови Максин взлетели вверх от удивления.

– Естественно. Он же умер.

– Вы это знаете?

– Разве не я тебе об этом сказала? Или мне приснилось?

– Тогда почему вы хотите, чтобы я ему позвонил? Вы знаете, что он не ответит и что вы не сможете с ним поговорить.

– Я сказала, что могу его услышать, а не говорить с ним. Нажми на два.

Алекс подчинился. После нескольких гудков включился автоответчик. Приятный голос объяснял, что его владелец в данный момент отсутствует и предлагал оставить сообщение.

Алекс уже собирался выключить телефон, но Максин сделала ему знак дослушать до конца. Сразу после звукового сигнала ее муж сказал: «Максин, дорогая, если это ты, то знай, что я тебя люблю и что мне не терпится поскорее вернуться домой и увидеть тебя».

Старой даме не нужно было слушать сообщение, она знала его наизусть. Она продолжала платить за номер Шарля, только чтобы

хранить его голос на автоответчике. Каждый раз у нее возникало одно и то же ощущение. На какую-то долю секунды она забывала, что Шарля больше нет, и думала, что он вот-вот откроет входную дверь и войдет улыбаясь. В это волшебное мгновение у нее непременно рождалась на губах улыбка, но затем действительность грубо напоминала о себе. Максин уже была не той юной влюбленной женой, а старой одинокой и больной женщиной. Улыбка гасла, и из глаз лился неудержимый поток слез.

Сегодня все было по-другому. Она была не одна и наслаждалась тем, что делилась столь сокровенной вещью с Алексом. И потом, ей оставалось совсем недолго ждать, когда она вновь встретится с мужем.

Максин никогда не была набожной. Она даже не была уверена, что после смерти что-то существует. Ей претило приспособленчество людей, которые, чувствуя, что конец близок, прибегали к религии. Ей просто нравилось думать, что так или иначе она сможет вновь увидеть тех, кого очень любила при жизни. Иногда она смеялась про себя, думая о встрече двух своих мужчин и о том, каким образом она их представит друг другу. Сложности любви в потустороннем мире. Максин надеялась также, что оттуда, где она скоро окажется, ей удастся присматривать за Алексом.

– Как насчет того, чтобы остановиться? Я бы перекусила.

– Уже? Мы только что поели!

– У меня растущий организм, – оправдывалась Максин.

Алекс хихикнул, что не помешало старой даме продолжить.

– Мы не смогли съесть десерт из-за этих чертовых новостей. Я бы с удовольствием съела Raider, Nussini, Treets или Lila Pause.^[31]

Так как реакции молодого человека не последовало, она почувствовала, что должна взять инициативу в свои руки.

– Должен же где-то здесь быть «Мамонт»?

– Мамонт? – спросил изумленный Алекс, который никак не мог понять, что общего у десерта с вымершим десятки тысяч лет назад млекопитающим.

– Ну да, супермаркет «Мамонт».

– Что-то я вас не понимаю. Вы хотите посетить парк доисторического периода или сходить в магазин?

Максин оторопело посмотрела на него.

– Мы не в турпоездке, мой мальчик. А в бегах.

Алекс что-то неразборчиво проворчал. Максин оставила его на минуту в покое, но ей по-прежнему хотелось шоколада.

– Ну или Topset.

– А это еще что такое?

– Шоколадный батончик для силачей.

С этими словами Максин согнула свои худые руки и напрягла мышцы, как культурист.

Алекс улыбнулся при виде ее стараний. Он не собирался лишать ее удовольствия. Если она хочет шоколадный батончик, он его найдет для нее. Он посмотрел, сколько оставалось бензина.

– Нам скоро не хватит горючего. Остановимся на ближайшей заправке и купим вам «Марс» или «Твикс».

Довольная Максин устроилась поудобнее на сиденье. Ее так радовала возможность впиться зубами в шоколадный батончик. Игра стоила плеч, даже если был риск оставить в батончике свою челюсть.

От шоколада ей всегда становилось лучше. Верный друг, при воспоминании о нем ей становилось невтерпеж.

Максин не знала, были ли эти неудержимые желания, которые она с недавнего времени начала испытывать, результатом болезни Альцгеймера или обыкновенной старости. Она хотела все и немедленно. Быть может, когда стареешь, то понимаешь, что счетчик крутится и нельзя терять время. К чему ждать и рассуждать, когда понятно, что свет не где-нибудь, а в конце туннеля?

Заметив заправку, Алекс включил поворотник. Чем медленнее ехала машина, тем сильнее Максин хотелось шоколада. Она дрожала от нетерпения. Едва машина остановилась, как она выпрыгнула из нее, сделав кульбит, достойный Джеки Чана. Не успел Алекс обернуться, как она уже шла к магазинчику, соседствовавшему с заправочными колонками.

– Ладно, заправимся потом, – сказал сам себе Алекс, запирая машину.

Он хотел догнать Максин, пока она не войдет внутрь. Ему надо было лишь слегка ускорить свой обычный шаг – Джеки Чан был уже на столь молод.

– Не забудьте, у нас должен быть вид «обычных людей».

Он сделал ударение на слове «обычные», и Максин решила, что он сейчас скажет его по слогам, чтобы она поняла.

– Я-то, как всегда, обычная, это ты ведешь себя странно, – парировала она, прежде чем громогласно поздороваться, войдя в магазин.

К счастью, в нем не было никого, кроме продавца, более занятого своим телефоном, чем покупателями. Алекс вздохнул с облегчением. Но на всякий случай огляделся, чтобы удостовериться в отсутствии телевизора, передающего новости про них с Максин. Телевизора не было. Одни камеры наблюдения. Он наклонил голову, надеясь остаться неузнанным. Максин устремилась к полке с шоколадками, и лицо ее отражало бурные сомнения. Она переводила взгляд с одной сладости на другую и никак не могла решить, что выбрать.

Внезапно какой-то тип вынырнул в глубине магазина из-за полки с алкоголем. Алекс, прежде не заметивший его, подпрыгнул. На секунду он предположил, что это может быть полицейский в штатском, явившийся их арестовать. Возможно, они окружены.

Возможно, на выходе их ждал отряд быстрого реагирования из людей, вооруженных до зубов и готовых уложить наповал похитителя старушек. Он уже приготовился услышать механический голос переговорщика из мегафона, предлагающий ему немедленно сдаться. Он знал, чем обычно заканчиваются такие истории. Похитителя заложников убивали. Красная дырочка появлялась у него на груди, когда он имел неосторожность приблизиться к окну. И конец всему.

Максин, пихнув Макса локтем, вернула его из ступора и заговорщицки улыбнулась, кивнув подбородком в сторону посетителя, так напугавшего ее спутника. Если присмотреться, он был похож не на полицейского, а на перебравшего спиртного бедолагу. Однако Алекс все еще сомневался. А вдруг это все же полицейский, способный так прикидываться, или *профайлер*, опасющийся, что Алекс убьет свою жертву при виде штурмовиков.

Тип направился к Максину.

– Эй, а я вас знаю!

Шатаясь, он подошел ближе.

– Я вас узнал. Я вас уже видел.

Алекс потянул Максина за руку. Он хотел бежать. Но старая дама и не думала двигаться с места, приказав ему сохранять спокойствие. Она, казалось, была совершенно не испугана.

– Конечно, видел. Мы Кэри Грант и Грейс Келли.

– Кто? – переспросил пьянчуга, выпустив прямо в нос Алексу винные пары.

– Канье Уэст и Бейонсе.

Физиономия типа приняла озадаченный вид, было заметно, как он пытается шевелить своими затуманенными мозгами.

– Нет, ну я уверен, что где-то уже видел вас... Кажется, по телевизору...

– А вы ходите в булочную?

Вопрос сбил пьяницу с толку.

– Ну, да.

– И мы тоже. Вот там мы наверняка и встречались.

Максин с Алексом попытались было уйти, но тип никак не отставал.

– А вы в какую булочную ходите?

– А вы ходите в ту, что у церкви?

– Нет.

– И мы тоже не туда.

И на сей раз Максин подхватила Алекса под руку и двинулась к полкам в глубине магазина, успев схватить на ходу батончик Балисто и пакетик «Эм-энд-Эмс». Они спрятались за этажеркой с канистрами машинного масла. Пьяница-инквизитор прекратил свой допрос и вышел из магазина, оставив позади себя винное облако.

Алекс с трудом пришел в себя и спросил:

– Это очень странно, правда?

– Очень странно.

– Думаете, это был полицейский?

– Ну, и среди них, конечно, встречаются алкоголики...

– Да нет, я хотел сказать, что это был переодетый полицейский.

– Ах это... Нет, конечно! Обыкновенный тип, налакавшийся так, что завтра и впрямь будет думать, что повстречал Канье Уэста и Бейонсе.

У Алекса отлегло от сердца.

– Откуда вы знаете этих певцов?

– Каких певцов?

– Ну, как – Канье Уэста и Бейонсе.

– А это певцы? Я и не знала. Я слышала, как про них говорили Мишлин Ладро и Симон Пэр, которые умерли недавно. Они обожали читать в журналах «светскую хронику».

– А откуда эта булочная у церкви?

– В любом городе есть булочная у церкви.

Разговор прервал звук хлопнувшей двери. Алекс, прячась, прижал Максин к этажерке, так что канистры с маслом чуть не рухнули.

– Гони деньги! Быстро!

Не выпуская из рук плечо Максин, Алекс рискнул посмотреть, что происходит. Какой-то верзила ввалился в магазин и держал на мушке несчастного кассира. Его пистолет зловеще поблескивал в неоновом свете ламп.

– Живей!

Он ударил прикладом по руке трясущегося от страха продавца, который кое-как пытался достать несколько купюр жалкой выручки.

Свирепый детина, теряя терпение, беспокойно оглядывался по сторонам. Когда он посмотрел в глубь магазина, Алекс машинально

подался назад, толкнув канистру, которая звучно шмякнулась на пол.

Алекс, у которого от ужаса глаза вылезли из орбит, повернулся к Максину.

– Он идет сюда! Что делать? Надо бежать!

Он толкал в спину старую даму, но та не двигалась.

– Не успеем. И куда? Он стоит у двери.

– Здесь нельзя оставаться. Он идет к нам!

– Лучше всего тебе сдать.

– Что? Мне? – Голос Алекса сорвался на визг.

– Так, по крайней мере, схватят одного, а не двоих.

Алекс разом поник. Он был оглушен. Мало того что они попали в вооруженное ограбление, так еще Максина была готова без колебаний пожертвовать им. В голову втемяшилась совершенно нелепая мысль. Депрессия возвращалась. Сколько было шансов на миллион, что он поедет именно на эту заправку, где именно в это время произойдет нападение и где окажутся именно они? Практически ни одного! Он *лузер*, и все тут. Он не может заехать за «Баунти», чтобы не случилось трагедии. Как будто до этого он жил отвлотительно, и теперь вселенная берет за это реванш. Кассиру, конечно, тоже не сильно повезло, удар прикладом достался все-таки ему. Но и бега из-за старушки, и вооруженное ограбление в один день – это уже чересчур! Последней каплей было то, что Максина хочет его кинуть.

– Но почему меня?

– Потому что надо выбрать одного.

– Можно и вас! – парировал Алекс, ткнув в нее пальцем.

– Но масло уронил ты, если помнишь. Нас накрыли из-за тебя.

– Но заехали мы сюда из-за вас!

– Ложь! Это ты выбрал заправку, я предлагала пойти в «Мамонт».

Алекс вновь в изумлении широко открыл глаза. Опять этот доисторический монстр. У Максина явно ехала крыша. И совсем не вовремя. Что ж, тем хуже. Он сдастся грабителю в надежде, что его смерть поможет спасти жизнь бедной старой даме.

– Хорошо, я иду.

– Окей, иди. Я справлюсь, – ответила Максина, отбегая в безопасное место за этажеркой.

Обреченный на жертву Алекс не вполне понимал, с чем и как Максина собирается справляться, но не успел поинтересоваться.

Грабитель стоял рядом с ним боком, направляя пистолет то на него, то на кассира.

– Эй ты! Выходи!

Алекс повиновался. Лучше его не нервировать и постараться выиграть время. Может быть, скоро придет полиция. Может быть, кассир успел нажать тревожную кнопку? Одна только проблема: полиция разыскивает его самого, так что, если она и придет, он все равно рискует оказаться в тюрьме. Верзила грубо схватил его за рукав и подтащил к себе. Он обхватил рукой шею Алекса и прижал ему локтем горло, чтобы придушить, направляя пистолет на кассира.

– Шевелись давай! Долго будешь складывать деньги в мешок?

Чем больше он психовал, тем сильнее давил на горло Алексу, уже начавшему задыхаться. Кассир, у которого на одежде под мышками проступили круги пота, трясущимися руками запихивал жалкие деньги в небольшой мешок.

– Советую не тянуть, а не то я его шлепну. Понятно?

Алекс чувствовал на щеке горячее дыхание грабителя, и это был кошмар. Он сам был не маленького роста, но верзила, должно быть, достигал метров двух. Или это так казалось молодому человеку из-за приставленного к виску пистолета.

Он с трудом смог проглотить слюну, и оттого, что детина сжимал его с жуткой силой, и потому, что находил этот ультиматум несправедливым. Почему нужно убивать его, если этот кассир шевелится как черепаха под действием тазепама?

Услышав щелчок, Алекс понял, что это конец. Перед его глазами вовсе не пролетела вся его жизнь, как обычно говорят. Чепуха. Его последние мысли были о Максим – он надеялся, что ей удалось спастись – и о родителях. Он жалел, что им должно быть стыдно за него, что он умрет подлецом, хотя желал сделать добро. Какую эпитафию напишут на его могиле? «Алекс, наш незабвенный сын и похититель старушек. Чудесный мальчик, который потерял голову. Покойся там, где тебе лучше».

Алекс почувствовал, как грабитель напрягся. К сожалению, он при этом не ослабил хватку, и Алексу совсем уже не хватало воздуха, голова у него кружилась, в глазах был туман.

– Брось оружие, малыш, не то пожалеешь!

Алекс узнал голос Максина! Что она тут делает? Почему не сбежала?

Пребывая в шоке и задыхаясь, он лишь вполглаза смог увидеть сцену, которая разыгрывалась перед ним. Он заметил, однако, что невыносимое давление на шею ослабло. Он снова смог набрать кислорода в легкие. Поначалу ему стало от этого плохо, но затем лучше. Земля под ногами перестала уплывать. Первое, что он заметил, это был взгляд ошарашенного кассира, который замер с пачкой купюр в воздухе. Алекс решился наконец оглянуться.

Преступник стоял, подняв руки вверх. Только отступив на шаг в сторону, Алекс заметил за спиной дюжего мерзавца старую даму с пистолетом в руках.

– Максин? Но... что вы здесь делаете?

– Я же сказала тебе, что справлюсь, – подмигнула она Алексу. – Эй ты, не шевелись!

И она легонько ткнула в спину грабителя дулом своего пистолета.

– Но откуда у вас взялся этот пистолет?

– Тебе нравится? Сувенир из Далласа.

Алекс не переставал удивляться. Максин и пистолет плохо сочетались. Хотя...

– Так вы были вооружены с самого начала поездки?

– Не беспокойся. Я никогда им не пользуюсь.

– Но вы могли бы мне сказать...

– Зачем? Хочешь попробовать?

– Нет, конечно. Я противник огнестрельного оружия.

– Ты совершенно прав. Я тоже против.

Она нажала сильнее дулом пистолета в спину бандита и продолжила:

– «Добрим словом и пистолетом вы можете добиться гораздо большего, чем одним только добрым словом». Это сказала не я. Это слова Аль Капоне.

– Отличный источник.

– Может, хватит трепаться! У меня уже руки болят, – перебил их вор, все еще державший руки вверх. – Чего ты хочешь, старуха?

– А ты заткнись! – в один голос набросились на него беглецы.

Макс повернулась к Алексу.

– Будь добр, принеси мне сумку. Я забыла ее у полки с консервами.

– Зачем?

– Если я скажу тебе, то буду вынуждена тебя прикончить.

Алекс вновь вытаращил глаза, и Максин расхохоталась.

– Видел бы ты себя! Я так мечтала произнести когда-нибудь эту фразу. Как здорово мы развлекаемся!

И она собиралась было захлопать в ладоши, как обычно делала, когда была довольна, но пистолет ей помешал. Да уж, с этим оружием много неудобств.

Кивком головы она повторила свою просьбу Алексу. Тот послушно пошел за огромной сумкой Максин.

– Подержи-ка, – сказала она, протягивая ему пистолет.

Он машинально взял его, но тут же чуть не выронил из рук.

– Я не могу!

– Ты что, кисейная барышня?

Тони Сопрано^[32], он же Максин, обернулся, чтобы порыться в недрах сумки.

– Что я должен делать?

– Держи его на прицеле.

– А-а.

Алекс неловко выставил руки на уровне спины грабителя.

– А если пошевелинется – стреляй.

– Что? – хором переспросили Алекс и грабитель.

– Эту фразу я тоже всегда хотела произнести!

И, ничем на сей раз не скованная в движениях, Максин смогла выразить свою радость и бурно захлопать в ладоши. Потом она опять принялась копаться в своем огромном вещмешке.

Алекс снова почувствовал себя плохо, пот застилал ему глаза. Голова у него опять закружилась, к тому же его затошнило.

– Скажите, мадам, а нельзя ли убрать вашу пушку? Я боюсь ее.

– Не волнуйся, котик, я сейчас.

Алекс не понимал, с кем она говорит – с ним или с вором. Наконец-таки она достала какой-то предмет серого цвета, по виду скорее безобидный. И двинулась к ним. Жестом указала Алексу отодвинуться, затем приложила предмет к спине грабителя и нажала

на красную кнопку. Послышался звук электрического разряда, и верзила, после нескольких конвульсий, грохнулся об пол.

– Я так и знала, что электрическая дубинка однажды пригодится. Бернар де ла Вильярдьер никогда не обманывает.

– А что нам делать теперь? – спросил Алекс, прикасаясь носком ботинка к плечу бесчувственно лежавшего на полу грабителя.

– Я вызвал полицию, – сообщил кассир.

Максин и Алекс обернулись к нему. Она сильно недовольная, а он в жутком испуге. Старая дама была очень огорчена отсутствием выдержки у обоих молодых людей.

– Все приходится делать самой! Если я не возьму инициативу в свои руки, придется ждать до морковкиного заговенья.

Она отправилась в глубь магазина.

– Вы куда?

– Разве непонятно? За веревкой.

– В глубине слева, – по привычке объяснил кассир.

– Благодарю.

Она бросила на Алекса взгляд, в котором ясно читалось: «Ты видишь? От него, по крайней мере, хоть какая-то польза». Уязвленный молодой человек пошел к последней полке.

– Нам надо обратиться отсюда, пока не приехала полиция. Если нас застанут, прощай, наш побег и ваш брюссельский план.

И Алекс живописно изобразил веревку вокруг своей шеи. Хотя Максин никогда не думала о том, чтобы повеситься, она, разумеется, поняла намек.

– Мы не можем уйти как воры.

– Это мы-то воры? Вор – он!

И он махнул рукой в сторону огромного тела, распластавшегося на полу.

– Не переживай. Сделай мне одолжение, достань моток веревки.

Алекс поднялся на цыпочки, достал бобину и передал ее старой даме.

– Самые нужные вещи всегда кладут слишком высоко. Ты не замечал?

– Я веревками не интересуюсь.

– До чего у тебя скучная жизнь!

Они вернулись к кассиру, который сторожил лежащего без сознания грабителя.

Максин в задумчивости склонилась над ним.

– Почему он в балаклаве? Ведь на улице не холодно.

– Чтобы его не опознали, конечно.

– Жаль. Кажется, он красивый.

– Плевать, что красивый! Он хотел нас убить!

– У него, наверное, были свои причины.

– Может, причины убивать резонны?

– Что за манихейство! Нельзя во всем видеть только белое или только черное. И потом, он тебя, кажется, не убил?

– Он меня чуть не задушил.

– У тебя слишком тонкая шея, а у него огромные ручищи. Он, должно быть, не рассчитал.

Алекс закатил глаза.

– Слушайте, Максин, если бы вы не подоспели с вашим пистолетом, меня бы уже, наверное, не было в живых.

Она скромно пожала плечами.

– О, я почти ничего не сделала.

– Вы смеетесь? Да вы его нокаутировали!

Она улыбнулась, и ее напускная скромность мгновенно улетучилась.

– Ты еще многого не видел! Я и без оружия с ним разделалась бы. Я бы его завалила, двинула бы ему, не оставила бы от него мокрого места...

Алекс перебил ее.

– Кажется, я понял, о чем вы.

– Я занималась Крав-Мага.

– Крав-Мага? Техника защиты в контактном бою, которую применяют секретные службы Израиля? Вы ей занимались?

– Именно ей.

– В доме престарелых?

– До того, как пришла Дюрефе, у нас был временно исполняющий обязанности директор. Молодой, с разными новаторскими идеями. Он до этого работал в досуговом центре с детьми. А поскольку стариков принято считать детьми, только в морщинах, бюрократы, управляющие нами сидя в своих башнях из слоновой кости, не нашли

в его начинаниях ничего предосудительного. Он нас хорошенько встряхнул. Но старики не любят, когда нарушают их привычки. И когда он захотел поменять бридж на бадминтон, все начали брюзжать. Хотя параплан все-таки лучше, чем «Инспектор Деррик».^[33] И потом произошел инцидент с нырянием.

– А что же случилось? – поинтересовался кассир, явно заинтригованный этой историей.

– Вы представляете себе, каков объем легких у стариков? Ныряние было не самой лучшей идеей...

Максин хлопнула в ладоши и сказала уже серьезно:

– Хватит болтать. Время идет, а мы не сдвинулись с места. Этот верзила скоро очнется.

Она жестом приказала молодым людям перенести его на стул. Они помогли привязать его к спинке. Когда все было сделано, Максин отступила на шаг назад.

– Неплохая работа!

Вдали послышался вой сирен. Алекс съежился и побледнел.

– Надо уходить.

– Почему? Вы не дождетесь полицейских? Вам надо остаться и рассказать, как все было.

– Нам надо уехать.

– Но мадам, вы одна задержали вооруженного грабителя.

– Не вгоняй меня в краску, – ответила Максин, с притворной скромностью махнув ручкой.

– Не время отвешивать комплименты. Уходим, – отрезал Алекс, беря Максин за руку и таща ее к дверям.

Однако ей удалось высвободиться, и она направилась решительным шагом к прилавку.

– У вас найдется блокнот?

Алекс, уже стоявший у дверей, стремительно вернулся.

– Какой блокнот? У нас нет времени делать список покупок. Пора срочно смываться!

Пот градом катился по его лицу, а сердце в груди стучало так сильно, что Алекс думал, оно вот-вот разорвется. Он хотел пить, в горле пересохло. Его бросило в жар, но от холодного пота, струившегося по спине, он задрожал. Он не знал, были ли это симптомы страха, что его заберут в полицию, или же последствия

нехватки кислорода после «объятий» грабителя. А может быть, это просто была боязнь, что его безумное путешествие с Максин закончится?

Старая дама воспользовалась замешательством своего спутника и взяла блокнот из рук кассира.

– А ручка?

Этой молодежи все нужно говорить! Она, к счастью, умела не выходить из себя и ценить смешные моменты, когда они возникали. Вот, например, ей практически никогда не выпадало случая воспользоваться своей почти новой электрической дубинкой. Хорошо еще, что она потренировалась на арбузах в доме престарелых. И на Мартин Фюс, но это не считается, та лежала в коме уже много лет. Ну и еще, конечно, был случай, когда она случайно шарахнула дубинкой Марти. Хоть он этого и не оценил, но у него как по волшебству опустились и давление, и уровень сахара в крови. Но когда она, по доброте душевной, предложила ему повторить, он категорически отказался.

Кассир наконец очухался и подал ей ручку. Максин отошла в сторонку и прикрыла свободной рукой листок, как школьница, которая не хочет, чтобы у нее списывали. Она нацарапала несколько слов и сложила записку.

Затем подошла к заснувшему грабителю и сунула листок ему в карман. От этого движения он проснулся и в ошалении открыл глаза. Старая дама тихонько наклонилась к нему и прошептала на ухо несколько слов, которые ни Алекс, ни кассир не могли разобрать.

– Все в порядке. Теперь можно уходить.

Видя, что Алекс застыл на месте, она похлопала его.

– Ты спишь, что ли? Нашел время мечтать!

И Максин потащила его к двери. Но прежде чем исчезнуть, она послала кассиру воздушный поцелуй.

Срочная новость:

Как мы только что узнали, на одной из заправочных станций было предотвращено вооруженное ограбление. Некий человек в маске ворвался в магазинчик при заправке и, угрожая оружием, стал требовать дневную выручку.

Его удалось обезвредить благодаря необычному вмешательству пожилой дамы. При поддержке мужественного кассира она бросилась на преступника и заставила его бросить оружие. Судя по всему, был вынужденно применен разряд электрической дубинки.

В распоряжении нашего канала имеется эксклюзивное свидетельство героического работника заправки:

– Я как раз наводил порядок на полке с сэндвичами, когда вошел этот человек.

– Вы смогли увидеть его лицо?

– У него был свирепый взгляд, и, несмотря на балаклаву, я тут же понял, что он намерен идти до конца.

– Вы испугались за свою жизнь?

– Да. Он приказал мне отдать все деньги из кассы. Я ответил, что не могу, это запрещено правилами компании, как и читать личную почту и заходить на Фейсбук в рабочее время. Он ничего не хотел знать и пригрозил оружием.

– Каковы были ваши действия?

– Я уже собирался действовать, я готов был идти на жертвы, если нужно, я намеревался броситься на него и отобрать оружие – я ведь смотрю множество боевиков и видел все фильмы со Стивеном Сигалом, как вдруг появилась эта дама.

– Вы не видели, как она подошла?

– Нет, она возникла внезапно, как Бэтмен.

– Что она делала?

– Она приставила пистолет к спине грабителя и приказа ему бросить оружие.

– Дама была вооружена?

– На самом деле нет. Не совсем. У нее был не настоящий пистолет, а сувенирная зажигалка из Далласа. Она мне ее показала, перед тем как уйти. Короче, после того как я помог ей связать грабителя, она ушла.

Таинственная дама преклонных лет не осталась дожидаться полицию на месте преступления. Девяностолетняя добрая самаритянка предпочитает оставаться неизвестной по не выясненным пока что причинам.

Тем не менее в показаниях преступника содержатся кое-какие сведения, немного проясняющие характер личности этой странной благодетельницы:

– Она написала записку и положила ее мне в карман.

– Что в ней говорится?

– «Возвращайся в школу. Работай. Прекрати делать глупости. Ты способен на лучшее. Твоя жизнь станет в тысячу раз интереснее, если ты будешь думать об окружающих. P.S. И не надевай балаклаву, это дурной тон, к тому же из-за нее нам не видно твое красивое лицо». А потом она шепнула кое-что мне на ухо.

– Что именно?

– Если ты не оставишь опасный путь, я тебя выслежу, разыщу, и ты мне заплатишь за это.

– Что вы собираетесь теперь делать?

– Я извинюсь перед теми, кого обидел, буду выполнять исправительные работы и вернусь в школу. Я до этого не совершал грабежей, я хотел раздобыть денег на айфон... Мадам, если вы сейчас меня слышите, знайте, возвращаться не надо, не трудитесь, я клянусь, что буду вести себя хорошо!

– И ни слова про меня! Как будто меня вообще нет! – возмущался Алекс, стуча кулаком по рулю.

– Тем лучше. Это отведет подозрения. Никто не поймет, что это были мы.

– Но очень обидно. А кассир, говорящий, что он вам помог. Черт знает что! Он до смерти перепугался.

– Не злись. Это плохо влияет на твою карму.

– И что это еще за история с ненастоящим пистолетом?

– Не думаешь же ты, что я ношу с собой настоящее оружие?

– С вами надо быть готовым к чему угодно. В вашей сумке Мэри Поппинс каких только невероятных вещей не найдется.

– Ага, ты считаешь, что у Мэри Поппинс был пистолет?

Алекс задумался и поморщился в ответ.

Максин улыбнулась и стала смотреть в окно. Они решили поехать по скоростной магистрали, чтобы нагнать упущенное время, а особенно – чтобы отъехать подальше от заправки, где, наверное, уже было полно полиции. Ее очень повеселило, что Алекс мог предположить, будто она и вправду вооружена. При ее-то пацифизме – да никогда!

– «Пистолет» – это сувенирная зажигалка, которую мой муж купил мне во время нашей поездки в Даллас. Там это распространено.

– Зажигалки?

– Нет, оружие. Слушай внимательно.

Алекс предпочел замолчать и выпустить пар. Не далее как час назад, он переживал, что его путешествие с Максин закончится, а сейчас ему не терпелось, чтобы оно поскорее завершилось. Он замер в тот самый момент, как его пронзила эта мысль. Нет, он совершенно не хотел приезжать в Брюссель. Конец маршрута неизбежно означал смерть Максин. Он не может этого допустить. Представить, что он ее потеряет, что увидит, как она заходит в своей плиссированной юбке и лавандовом кардигане в клинику, из которой никогда не вернется, было для него невыносимо. И это при том, что еще вчера он и вообразить себе не мог хотя бы треть событий, пережитых сегодня.

Он дал обещание старой даме, и он должен его выполнить. Но, с другой стороны, себе он дал обещание спасти Максин. Как совместить оба? До чего же трудно сделать правильный выбор! До чего же трудно нести ответственность за кого-то, кроме себя самого.

Он в задумчивости почесал затылок. Внезапно его рука замерла на середине этого жеста, делающего нас столь похожими на обезьян. Решение есть! Он взялся отвезти Максин в Брюссель, но не обещал позволить ей покончить с жизнью. Он с удовольствием отвезет ее куда угодно, но не даст ей умереть. Он сумеет ее разубедить, когда они приедут. Они вместе пойдут к специалистам, которые проведут тесты, они запишутся на клинические испытания. Он все перепробует, чтобы ее спасти. Обнадеженный сложившимся в его голове планом действий, он почувствовал себя лучше и теперь был способен продолжать разговор.

– Вы совершенно правы. Лучше никому не знать, что я тоже был на этой заправке. Так никто не заподозрит, что это мы.

– Иначе, они могли бы нас засечь.

Старая дама протянула морщинистую руку к молодому человеку.

– Дай мне твой мобильник.

Алекс вынул из кармана смартфон и дал его Максину.

– А зачем вам...

Но он не успел сказать ничего больше. Старая дама опустила стекло и выкинула телефон в кювет.

– Давно пора было это сделать, – сказала она, закрывая окно и вздыхая с облегчением. – Я закрою, а то прохладно.

– Зачем вы это сделали?

– Хочешь открыть?

– Да нет! Плевать мне на окно. Зачем вы выбросили мой смартфон?

Максин заговорила как ни в чем не бывало.

– Ах это. Ну, чтобы полиция не могла нас отыскать. Ты же знаешь, кучу мошенников ловят из-за их мобильных. Можешь не благодарить.

– А если надо будет позвонить?

– Кому? Твои родители думают, что ты похититель, а ни друзей, ни девушки у тебя нет.

– Спасибо. Кто лучше вас обнадежит!

– Извини. Я не хотела быть невежливой. Если тебе надо будет кому-то позвонить, можешь взять мой телефон.

И она протянула ему старую «Нокию». Алекс скривился.

– С вашей рухлядью нас уж точно не засекут.

Она пропустила его реплику мимо ушей и продолжала ворчать, глядя в небо.

– Я поступила правильно. Доверять им нельзя. Они везде достанут, со своими спутниками и дронами...

Алекс покосился на крышу «Твинго», но тут же спохватился.

– Полная ерунда! Вы слишком много смотрите телевизор, и не одних только «Молодых и дерзких», как я вижу.

– Я смотрела одну серию «Экспертов»^[34] как-то раз с Марти в доме престарелых. На самом деле лучше было бы засунуть твой смартфон внутрь грузовика, едущего в Мексику, а еще лучше – в товарный поезд, отправляющийся в восточную Европу, или в трюм парохода, плывущего в Азию. Ну да ладно, как говорится, обойдемся подручными средствами.

– Ну и как вам «Эксперты»?

– Их показали один-единственный раз. Старики дико перепугались. В доме престарелых начался полный бардак. Половина постояльцев забаррикадировались у себя в комнатах в полной уверенности, что какой-нибудь психопат-убийца ворвется к ним, чтобы выкрасть их вставные челюсти. Вторая половина бросилась по всем углам искать его следы. Что, кстати, позволило вычислить нагло воровавшего уже несколько недель клафуты^[35]. Симон Лепуан, ныне покойный.

Она прервалась, чтобы набрать воздуха, и продолжала:

– Дюрефе запретила нам смотреть сериал. Она всегда так делает, если видит, что нам что-то нравится. Я-то хотела бы посмотреть еще «Мыслить как преступник»^[36]. Но нам теперь разрешают только «Жозефина: ангел-хранитель»^[37], «Деррик»^[38] и «Она написала убийство». Есть, отчего впасть в депрессию. Извини, ничего личного.

– Все в порядке.

– Представь себе, она поставила на телевизоре программу «родительский контроль». Как будто мы дети малые. Кроме Симон Жако, ныне покойной, никто из нас себя детьми не считает, даже те, кто в подгузниках. Это оскорбительно! Субботу лицемерно называют

«днем кино», чтобы произвести хорошее впечатление на посетителей. Но это каждый раз одно и то же: «Касабланка» и «Унесенные ветром». Я понимаю, что у стариков память короткая, но не до такой же степени... Самый свежий и захватывающий фильм, который нам показывали, это «Апокалипсис сегодня».^[39] Я даже не видела последних эпизодов «Звездных войн» – в них слишком много жестокости, по мнению Дюрёфе.

Алекс сочувственно покивал головой. Эта директриса больше походила на тюремного надзирателя, чем на гуманную попечительницу.

– Как вы думаете? Почему она такая злая?

Максин ответила не сразу. Она уже не один раз задавала себе этот вопрос, да и раньше сталкивалась с немалым числом недоброжелательных людей.

– Иногда человек становится злым от одиночества. Он просто не умеет поступать иначе.

– Возможно, но расплачиваемся за это мы.

– Муж от нее ушел, друзей у нее нет.

– Неудивительно, если учесть, как она себя ведет.

– Надо задуматься, почему люди делают так, а не иначе. Это поможет разгадать сложные обстоятельства. Что до Софи Дюрёфе, именно внутреннее неблагополучие заставляет ее вести себя так подло.

– Или она психопат, которому доставляет удовольствие мучить пожилых людей.

– Нет, я проверяла на тест.

Алекс повернулся к ней, перестав смотреть на дорогу.

– Какой тест?

Максин легонько нажала на его щеку, заставляя глядеть на шоссе.

– Не отвлекайся, объясняю. Это проще простого. Ты зеваешь в присутствии предполагаемого психопата. Если он не зевает вслед за тобой, это значит, что он не чувствует никакой эмпатии, и он психопат.

– И что тогда надо делать?

– Убегать.

Молодой человек посмотрел на Максин, пытаясь понять, серьезно ли она говорит, но по обращенной к нему улыбке невозможно было распознать, дурачит она его или рассказывает правду.

Он сосредоточился на дороге. Недостаток эмпатии. Он сам настолько заикнулся на своей депрессии, что перестал замечать других. Может, он тоже психопат. Может, он опасен для Максина. У него зародилось ужасное подозрение. Он с тревогой посмотрел на старую даму.

– Так я и знала. Я не сомневалась, что ты задашь себе этот вопрос. При твоей-то впечатлительности.

И она зевнула так широко, что, казалось, сейчас вывихнет челюсть. Алекс не мог подавить произвольно последовавший зевок.

– Вот видишь, никакой ты не психопат.

– Я никогда так и не думал, – ответил он, облегченно вздохнув.

Он внимательно смотрел вперед. Как Максин удастся столь легко читать его мысли? Он гордился тем, что был человеком скрытным и непрым для понимания. Но с ней у него возникало впечатление, что он прозрачен как стекло.

Он тряхнул головой, чтобы прогнать эти размышления. Заметил телефон Максина, по-прежнему лежащий у нее на коленях. А его-то смартфон, наверное, разлетелся на куски. Грустный финал.

– Знаете, сколько стоит сегодня смартфон?

– Понятия не имею. И сколько?

– Думаю, около 900.

– Старыми или новыми франками?

– Евро, Максин, 900 евро.

– Мне эти новые деньги ничего не говорят.

Алекс на секунду озадачился, поняв, что родители купили ему именно такой дорогой мобильный, хотя он никогда их об этом не просил. Но он все же понял, что иметь некоторые новомодные устройства стало знаком престижа и достатка. Каждый год грандиозные выступления гендиректоров хайтек-предприятий, нарочито бодрых и одетых неформально, в джинсы и кроссовки, собирали тысячи человек в зале и во стократ больше в Интернете.

Он был однажды поражен, услышав разговор двух уже не очень молодых людей. Первый хвастался достоинствами своей новой «игрушки», второй заметил, что она была сделана, как и все прочие, в Китае. Однако довольный покупкой возразил ему: «Да, но есть китайцы и китайцы». Люди на все готовы ради таких гаджетов.

– Вы понимаете, что грабитель чуть не убил нас ради того, чтобы купить себе айфон?

– Бедный. Ему лучше было бы обратиться к отоларингологу.

Алекс опять испугался. Неужели все-таки новый симптом Альцгеймера?

– О чем вы?

– Он мучался от афонии.

– Да при чем тут афония! Айфон, понимаете? Ай-фон. Он хотел очистить кассу, чтобы купить себе телефон.

– И всего-то? Стоило ради этого грабить заправку.

Молодой человек благоразумно решил не спрашивать, ради чего ее стоит грабить. Он надеялся, что Максина поняла – выбрасывать новый мобильный в окошко было не очень хорошо. Она загрязняла окружающую среду и кидала деньги на ветер.

– Вообще говоря, совершенно не обязательно было выкидывать мой телефон. Можно было его выключить и вынуть сим-карту. Этого достаточно, чтобы нас не могли засечь.

– Вот как? Наверное, об этом рассказывалось во второй серии «Экспертов».

Срочная новость

Расследование предотвращенного ограбления заправочной станции продвигается. Полиция изучила данные камер видеонаблюдения. Как сообщает источник, близкий к следствию, на них можно увидеть, как очень преклонных лет дама отважно подходит к злодею, прижимающему к себе еще одну жертву, о которой ранее нам было неизвестно. Затем картинка исчезает из-за электрического разряда, вероятно, произведенного электрической дубинкой, о которой говорил молодой кассир.

Следующие кадры показывают вторую жертву, которая, судя по всему, освободилась и наставляет пистолет на грабителя, кассира и несчастную столетнюю женщину.

Из-за разрядившихся батарей точно неизвестно, чем закончился этот эпизод, но обширные следственные мероприятия позволили установить личность старой дамы. Это якобы та престарелая женщина, о похищении которой стало известно сегодня утром. Таким образом, оба этих дела могут быть связаны между собой. Полиции также удалось опознать мужчину с пистолетом: это молодой наркоман, совершивший похищение.

В настоящее время прорабатывается несколько версий. Остановился ли похититель, чтобы заправиться, и стал ли он жертвой грабителя?

Попыталась ли старая дама таким образом освободиться?

Является ли грабитель сообщником похитителя и приехал ли он на заправку, чтобы с ним встретиться? Кстати, полиция проводит сейчас повторный допрос грабителя, чтобы выяснить, не дал ли он ложные показания. Параллельно начата проработка версии торговли органами.

Одно ясно наверняка: молодой похититель умеет обращаться с оружием и готов его применить, что заставляет опасаться за жизнь старой дамы.

Председатель комитета «Спасем Максин», господин Ламурё, заявил, что он «пришел в ужас от этих кадров» и призвал «всех сограждан быть начеку». Он надеется, что расследование пойдет быстрыми темпами, дабы смочь «схватить ту дрянь, которая удерживает бедную Максин».

Госпожа Дюрефе, директор дома престарелых Босежур, не пожелала высказаться по поводу новых событий, поскольку ее «захлестывают эмоции», но напоминает, что день открытых дверей в ее заведении состоится в скором времени.

Родители похитителя пребывают в шоке от отвратительного поступка их сына и утверждают, что будто бы не знали о том, что у него имеется огнестрельное оружие. В настоящее время в их доме проводится обыск.

Кассир, единственный, кто не подозревается в нападении на заправку, также должен будет заново давать показания органам правопорядка. Прежние, в соответствии с которыми дама якобы одна справилась с налетчиком, должны быть списаны на шоковое состояние продавца, вызванное потрясением от столкновения с двумя опытными преступниками.

Полицейские, однако, считают, что в обоих расследованиях имеются значительные сдвиги, поскольку они смогли приблизительно определить местонахождение похитителя. Поиски машины марки «Твинго» продолжаются, ее номер сообщен всем бригадам дорожной службы и полицейским участкам. Они не сомневаются, что в ближайшее время разыщут ее, и надеются, что преступник не успеет избавиться от тела старой женщины.

Конструктор машины, в своем пресс-коммюнике, сожалеет, что речь идет об устаревшей машине, хотя и обращает внимание на качество автомобиля, способного прослужить так долго. Действительно, если бы похититель выбрал более новую модель, конструктор смог бы определить его местоположение благодаря системе дистанционного контроля. Он призывает всех потенциальных покупателей обратиться именно к такой модели ради их же безопасности.

«Твинго» мчалась на всей скорости. Последние новости, услышанные по радио, вряд ли могли утешить Алекса. Он стремился оторваться на максимальное расстояние от заправки. Ему казалось, что чем дальше он едет, тем дальше отодвигаются проблемы. Он опустил стекло, ветер хлестал его по лицу. Свежий воздух позволял сохранять ясное сознание.

Он пытался подвести итог тому, что произошло за последние несколько часов. И не мог решить, каким он ему кажется – положительным или отрицательным. Он был в бегах вместе с больной старой дамой, в похищении которой его обвиняли. Все, включая родителей, считали его виновным, тогда как он чуть не погиб во время вооруженного ограбления. С другой стороны, он так прекрасно развлекся за эти часы, как еще не развлекался никогда в жизни. Он ни за что бы не признался в этом Максин, но он все реже и реже вспоминал о своей депрессии, а мышцы его лица, не привыкшего улыбаться, болели от множества сегодняшних улыбок.

У него было такое чувство, как будто он пробудился от долгого сна. И, как всегда при пробуждении, поначалу глаза щипало. Время от времени у него получалось на несколько минут поймать настоящий момент, жить здесь и сейчас. Потом, разумеется, вопросы, тревоги и прочие волнения опять всплывали. А что, если Максин откажется лечиться? Что, если по-прежнему захочет отправиться на эвтаназию в Брюссель? Сможет ли он ей действительно помешать? И кто он такой, чтобы лишать ее права на это? Ей потребовалось огромное мужество и невероятная решимость, чтобы уйти из дома престарелых и найти машину, которая отвезет ее на этот зловещий прием в брюссельскую клинику. Что произойдет потом? И захочет ли он после этого жить? Он чувствовал себя лучше, находясь рядом с Максин, но что с ним будет, если им придется разлучиться? Как прийти в норму после этого приключения?

Все эти вопросы мешались у него в голове. И образовывали плотный комок в мозгу. Голова у него разболелась, он потер виски, хоть и знал, что это не снимет боль. Он неотрывно смотрел на белые

полосы, мелькавшие вдоль шоссе. Их регулярное мелькание помогло ему сосредоточиться. Главное сейчас было двигаться вперед и оторваться от полицейских, которые наверняка его разыскивают. Надо ехать, ехать и ехать.

– Ты видел табло? – спросила Максин, указав пальцем в направлении, куда Алекс не удосужился бросить взгляд.

– Мне некогда смотреть.

– Как скажешь.

Тон его спутницы не предвещал ничего хорошего. Было в нем что-то такое, что означало: «Будешь потом кусать локти». Он посмотрел на нее искоса и заметил на ее лице выражение, говорившее, что она кое-что знает, но молчит. Из упрямства он старался изо всех сил не спрашивать, в чем дело. Максин, в свою очередь, из последних сил старалась удержаться от комментариев.

В машине воцарилась напряженная тишина. То ли это были последствия шока от ограбления, то ли усталость за день? Мрачную атмосферу в «Твинго» первой нарушила старая дама. Она взорвалась:

– Зачем ты так несешься?

– Чтобы подальше уехать от заправки.

– По нарушению скорости нас и засекут.

– Здесь такая разрешена.

– Я поняла, ты хочешь поскорее избавиться от меня.

Алекс резко крутанул руль от полученной затрецины.

– Как вы можете так говорить? После всего, что я сделал для вас? Меня разыскивает полиция за похищение, я рискую оказаться в тюрьме, я стал жертвой при вооруженном ограблении, меня чуть не убили... И вы осмеливаетесь заявлять, что я хочу от вас избавиться! Если бы я этого хотел, я давно бы сдал вас в первый попавшийся полицейский участок. Вместо этого я еду вместе с вами, хотя и совершенно не одобряю ваш план. Вы ведете себя несправедливо и недостойно вас.

Максин молчала. Шокированная, она вжалась в сиденье и нахмурила брови. А потом пожала плечами.

– Ты прав. Прости. Я самой себе противна, когда веду себя как вредная старуха.

Молодой человек никак не реагировал, и она продолжила:

– Знаешь, до чего невыносимы эти старики, которые без конца жалуются и ворчат, что они такие старые и что все на свете в этом виноваты. Этим старикам кажется, что если они будут противными, то станут моложе. Не лучшая реклама для глубокой старости.

Алекс слегка улыбнулся, и Максин приободрилась.

– Я не должна была говорить это тебе. Я так не думаю. Должно быть, я устала. Или у меня понизился сахар.

– Понизился сахар? Но вы только что съели шоколадный батончик и пакет «Эм-энд-Эмс».

– Да, но все эти штуки на самом деле не насыщают. Я бы сказала, что наоборот – обостряют аппетит.

– Я не видел никого, кто ел бы столько, сколько вы, и был таким худым.

– У меня хороший метаболизм. Мой врач говорил, что у меня сердце как у спортсмена... Жаль, что он сейчас нас не видит.

– Он больше не работает?

– Он умер. Я уже второго пережила. Врачи не очень выносливы.

– Это ужасно. Как будто все, кого вы знали, умерли.

– С определенного возраста начинаешь жить с воспоминаниями, а не с живыми людьми. С тенью друзей, которые зовут нас к себе.

Телефон Максин зазвенел у нее на коленях. На секунду она перепугалась. Алекс подумал, что она сейчас выкинет и этот за окошко. Наконец она взяла его обеими руками, словно книжку, и поднесла близко к глазам, чтобы увидеть значок, появившийся на экране.

– Это сообщение от Марти! – воскликнула она радостно.

– А! Теперь я понял, почему вы выкинули мой мобильный, а не свой. Чтобы не пропустить звонок или СМС от Марти...

И Алекс губами изобразил поцелуй. Он был сейчас похож на десятилетнего мальчишку во время школьной перемены.

Максин приняла вид оскорбленной королевы и посмотрела на него свысока. Однако скрыть румянец на щеках ей не удалось.

– Не буду унижаться и отвечать на эти глупости.

Алекс рассмеялся.

– Ладно. Что там пишет ваш возлюбленный?

– Он не...

Максин сделала глубокий вздох, чтобы успокоиться. Она не хотела подыгрывать Алексу. И еще ближе поднесла экран к глазам.

«Ку-ку, Максин. Улыбающийся смайлик. Вы живы? Подмигивающий смайлик. Котик. Панда. Смайлик с высунутым языком. Надеюсь, Ваш похититель Вас не замучил? Хи-хи-хи (смешок) Или наоборот? Ха-ха-ха (другой смешок). Дюрефе устроила мне жесткий допрос, но я держался стойко. Нож. Стул. Смайлик с большими глазами. Я даже не дотронулся до нуги из Монтелимара, которой она меня угощала. Она в таком отчаянии от этой антирекламы, что готова была, если бы я попросил, дать мне сигарету в обмен на любую информацию о Вас. Но Вы же знаете, что на меня можно положиться. Большой палец вверх. Я ничего не сказал. Смайлик со ртом, закрытым на молнию. Однако после Ваших злоключений на заправке (сочувствую бедному грабителю, нарвавшемуся на Вас и Вашу дубинку, моя спина её ещё не забыла) полиция Вас активно разыскивает и скоро настигнет. Господин Ламурё подбивает игроков в бридж сразиться всерьёз. Сердечко. Мне кажется, он очень скучает по Вам, и, осмелюсь сказать, не он один... Дайте знать о себе.

Искренне преданный Вам Марти».

– Да он по уши в вас влюблен. Это же ясно.

– Полная чушь! Он просто мой хороший друг. Он женат, а я замужем.

Алекс с удрученным видом сказал:

– Когда кто-то из супругов умирает, то второй уже не связан семейными узами.

– Что ты имеешь в виду?

– Я знаю, что вы невероятно любили вашего мужа, но вы имеете право снова влюбиться. Формально вы не замужем.

Максин вздрогнула. Не замужем. Она никогда не смотрела на себя с этой стороны. Выражение показалось ей странным, неуместным, почти что грубым.

– Я слишком стара, чтобы быть незамужней.

– Любви-и-и все возрасты поко-о-орны, – пропел Алекс, подражая оперным певцам.

Старая дама отмела этот аргумент, отмахнувшись рукой.

– Не забудь, я скоро умру.

– А вот теперь занудствуете вы, а не я.

Оба замолкли. Оба знали, куда заведет их этот разговор, и никто из них этого не хотел. Максин, странным образом, уже не чувствовала себя так же хорошо и спокойно при мысли об эвтаназии. Она неплохо проводила время с Алексом. Когда он был рядом, жизнь уже не казалась такой кошмарно унылой, а ее конец таким неотвратимым. Но она была больна и не желала одряхлеть до того, что не вспомнит, как ее зовут. Она не хотела обсуждать это с Алексом, боясь, что ее решимость пропадет. Она не могла себе этого позволить.

Алекс, со своей стороны, не намеревался углубляться в тему. Ему уже невыносимо было слушать объяснения Максин, почему она идет на это. Он думал ей показать, что есть альтернатива, и, если она носит имя Марти, тем лучше. Он не имел желания ее оскорбить или выразить неуважение к ее мужу, но только надеялся раскрыть ей новые ориентиры, чтобы придать надежду и силы сражаться.

Тишина на него давила. Ему казалось, что он совершил ошибку. Он посмотрел на Максин, и она ему улыбнулась. В который раз у него возникло впечатление, что она читает его мысли. Ее голубые близоручие глаза говорили ему, что она прекрасно поняла его намерение, более того, была ему благодарна.

Экран старенькой «Нокии» все еще горел, подтверждая, что ей пользовались очень мало.

– Нужно ему ответить.

– Кому?

– Марти.

– Да?

– Ну, конечно. Он же ясно просит вас дать о себе знать.

– А что я должна ему сказать?

– Откуда я знаю... Правду. Что с вами все в порядке, что вы путешествуете в компании симпатичного похитителя, пока вас не арестовали.

– Хорошо.

Старая дама принялась старательно нажимать кнопки, неспешно, одну за другой. Было непонятно, делала ли она это так медленно из-за каких-то физических проблем или из-за того, что сильно сосредоточилась. Каждый раз, когда она нажимала на кнопку, раздавался сигнал. Наконец она оторвалась от телефона.

– Ну вот. Готово.

Алекс попытался разглядеть что-то на экране, но он был слишком маленький и находился далеко.

– Что вы написали?

Она поднесла телефон ближе.

«ВХР. НПБ. ПрПр, не двл о сб знать. Бзта. Спб пмгли с Д. У нее явно истер. УОХ. Она бестя. Это не ее дело. Но я зн что Вы меня не пдвд. То, что я длю, необх. Выба у меня нет. Я не паник, я спок. Во всяк сл. не сдаюсь. СМШ. Спб за все. Для меня 4сть, что я бл Вашим др. Мне бдт не хвть наших рзгв. ХД. Максин»

– Что это? Ничего не понимаю. На каком это языке?

Максин с удивлением посмотрела на экран и перечитала сообщение, чтобы убедиться, что не наделала ошибок.

– Все в порядке. Я не ошиблась.

– Максин, это какая-то галиматья.

Она посмотрела на молодого человека с огорчением, словно ей предстояло научить медведя кататься на лыжах.

– Я выражаюсь языком СМС. Я написала: «Все хорошо. Никаких проблем. Прошу прощения, что не давала о себе знать. Была занята. Взрыв хохота. Спасибо, что помогли с Дюрефе. У нее, наверное, была истерика. Умираю от смеха. Она бесится. Это не ее дело. Но я знала, что вы меня не подведете. То, что я делаю, необходимо. Выбора у меня нет. Я не паникую, я спокойна, во всяком случае не сдаюсь. Смешок. Спасибо за все. Для меня честь, что я была Вашим другом. Мне будет не хватать наших разговоров. Хорошего дня. Максин». Видишь, это нетрудно понять.

– И было бы еще проще, если бы вы это нормально написали.

Максин покачала головой.

– Хоть ты и молодой, но, как говорится, мышей не ловишь.

Алекс весело посмотрел на нее.

– Да глядя на вас, я нервно курю в коридоре.

Алекс едва успел затормозить. До сих пор свободное шоссе вдруг закрыли силуэты машин. И масса красных огоньков попеременно с предупредительными оранжевыми сигналами. Жуткая пробка на несколько десятков километров преграждала им дорогу. И во время отпуска заторы вещь неприятная, а если ты в бегах! Алекс впал в панику. Если так будет продолжаться, у него подскочит давление и в больницу надо будет класть его.

- Вот черт! – взорвался он.
- Однако, это было предсказуемо.
- Вы знали, что будет пробка?
- Было указано на табло.
- И вы мне ничего не сказали!

Молодой человек побагровел от гнева. То, что они оказались в пробке, хотя могли ее объехать, вывело его из себя. Максин же, казалось, была готова спокойно в ней стоять.

- Я попыталась, но ты же не захотел меня слушать.
- Вы должны были настоять!
- Ты должен был меня послушать!

Рассерженный Алекс с беспокойством вглядывался в вереницу машин.

– А что если это полиция перекрыла дорогу? Может, тут целый полк вооруженных до зубов полицейских сверяет лица шоферов с нашими фотороботами?

- Думаешь, у них есть наши фотороботы?

Максин захлопала в ладоши. Судя по всему, эта перспектива ее необычайно радовала. Поскольку Алекс ничего не ответил, она продолжила:

– Надеюсь, мы сможем их увидеть? С меня портрет уже писали. Но я не уверена, что тот, который написал Пикассо на вилле *Калифорния*, можно назвать настоящим портретом...

Она помолчала, о чем-то задумавшись, а потом сказала:

– И правда жаль, что нам пришлось выбросить твой телефон. Я уверена, что мы смогли бы найти наши фотороботы в Интернете.

Алекс, охваченный тревогой, уже воображал, как отряды быстрого реагирования готовятся к штурму. Быть может, они уже направили на него свои автоматы. Он со страхом взглянул себе на грудь и вздохнул с облегчением: красной точки не было. Его еще не засекли, но это вопрос времени. Возможно, дрон как раз летал над «Твинго», определяя их местоположение, чтобы произвести как можно более точный взрыв. Нет, этого они не сделают. В машине сидела Максин. Она считалась жертвой похитителя. Они не могли ее взорвать. Но случаются ведь и сопутствующие потери. Он уже представлял себе пресс-конференцию, на которой префект полиции заявит, что у них не было иного выхода, как пойти на штурм.

Почувствовав чью-то руку на своем плече, он подпрыгнул. Максин смотрела ему прямо в глаза. Она была спокойна. Но, как ни странно, ее спокойствие только усилило панику Алекса.

– Не волнуйся. Если ситуация усугубится, я справлюсь...

Доверительный тон старой дамы его ничуть не успокоил.

– Когда вы мне это сказали в прошлый раз, я чуть не задохнулся в объятиях качка, а вы угрожали ему зажигалкой, вырубил его и привязали к стулу.

– Я и говорю, что ты можешь на меня положиться.

– И что вы предлагаете?

– Во-первых, я не думаю, что это полиция перекрыла дорогу. Люди уезжают на выходные, сегодня суббота...

– Нет, пятница.

– Ну все равно. На автостраде всегда пробки, полиция это или не полиция. И потом, если возникнет какая-то проблема, у меня всегда есть запасной выход.

– Какой же?

– Ребекка.

И она начала гримасничать и издавать странные звуки. Алекс, уже слишком хорошо знавший, на что она была способна, предпочел ее остановить, пока она не начала пускать слюни.

– На сей раз это не поможет.

– Боюсь, ты недооцениваешь мои актерские таланты.

И, словно желая ему доказать, что он ошибается, она искривила губы и согнулась, хрипло вскрикивая. Что твой Квазимодо в плиссированной юбке.

– Гии! Арх!

Впечатленному ее преобразованием Алексу сначала стало противно, а потом страшно. Он совершенно не желал, чтобы их заметили. Пока что они ничем не выделялись среди множества машин, и он надеялся, что так будет и дальше.

Он не раздумывая приложил пальцы к губам Максина, чтобы она замолчала. Она в удивлении широко открыла глаза. Смущаясь этого неожиданного физического контакта, Алекс отдернул руку.

– Простите.

– Ничего страшного, мой мальчик. Давненько меня никто не целовал.

– Я вас не целовал!

– Ты поласкал мне губы, – сказала она игриво.

Молодой человек стал красным, как помидор, и вжался в сиденье.

Максин разразилась смехом, заполнившим всю машину.

– Ты не находишь, что я тебя завожу?

Наполовину обидевшись, наполовину успокоившись, Алекс тоже стал смеяться, пока Максина не заявила:

– Вообще-то, ты не в моем вкусе.

Они уже добрый час стояли в пробке, заглушив мотор. Алекс не сдвинулся ни на сантиметр. Максин, как всегда, старалась использовать ситуацию с пользой. Она придумывала, во что поиграть. Угадывание департаментов по номерным знакам не очень удалось – их знала только она. Такое впечатление, что молодежь уже ничему не учат в школе. Затем она предложила конкурс «Угадай, кто это?». Но Алекс понятия не имел о большинстве тех, кого она предлагала ему узнать: Фернан Рейно, Ги Люкс, Мистенгет и даже Рене Коти...^[40] Потом они попытались назвать всех птиц и животных в алфавитном порядке – на А, на Б. На В... Молодой человек сломался на букве З.

Ей не хотелось себе в этом признаваться, но она воспринимала эту задержку в дороге как своего рода благословение. В клинику Брюсселя она должна явиться не завтра, так что у нее было время воспользоваться небольшой передышкой. По радионовостям они узнали, что пробка случилась из-за забастовки таксистов. Значит, никакой полицейской проверки. Хотя Алекс все еще сомневался. Говорил, что полиция, возможно, запретила СМИ сообщать что-либо о своих действиях. Абсолютная паранойя!

Однако, хотя у него и проявлялись кое-какие признаки тревожности, Максин наблюдала явное улучшение в его поведении. Он был не таким интровертом, не так сильно концентрировался на себе. Чаще улыбался. Уже не смотрел на вас, словно говоря: «Отойди, не то укушу». Его новый костюм, конечно, этому способствовал, но он менялся внутри, и она знала, что не без ее содействия. Она была очень счастлива, оттого что ей удалось сделать что-то хорошее, прежде чем покинуть этот мир. Миссия ее еще не доведена до конца, но дело движется в нужном направлении. Ей не удалось ни ее первая супружеская жизнь с Леонаром, ни ее материнское счастье с Леони, но с Алексом ее ждет успех. Это так важно – закончить свою жизнь на позитиве.

Она была глубоко убеждена, что все люди существуют на земле для какой-то цели, хотя свою она так и не нашла. Сначала она стала жертвой несчастливых обстоятельств, затем ей повезло пережить

прекрасные моменты. Однако у нее не было ощущения, что она хозяйка своей судьбы. Она скорее плыла по течению некоей реки, которую не могла остановить. Вот почему она так гордилась собой, когда приняла решение положить конец своему существованию, обнаружив у себя первые признаки Альцгеймера. Наконец-то она владела ситуацией. Однако жизнь уготовила ей последний сюрприз, послав ей Алекса. И какой сюрприз!

Она жалела, что познакомилась с ним так поздно. Как бы ей хотелось подольше насладиться его присутствием. Но она знала, что счастье заключается в способности радоваться тому, что имеешь, а потому смаковала этот бонус во времени, предоставленный рассерженными водителями такси.

Алекс нервничал. Он посмотрелся достаточно фильмов, чтобы усвоить – когда ты в бегах, останавливаться нельзя. Он уже не мог играть в игры Максина, но подчинялся, боясь, как бы она не предложила сделать еще одно упражнение на доверие или спеть караоке.

Вдруг он услышал бурчание у себя в животе.

– Я хочу есть!

От удивления он произнес это очень громко. Чувство голода его поразило. Он уже испытал его раньше, в пабе с Максина, но решил тогда, что это случайно. Ведь уже несколько месяцев сама мысль о еде вызывала у него отвращение, а тут он опять захотел есть.

– Надо было поесть «Эм-энд-Эмс».

– Запросто, если бы вы мне оставили.

– Пакетик был крошечный. И потом, я их заслужила, ведь это я вырубил дубинкой грабителя и освободила вас с кассиром.

– Нет дубинки, нет шоколада. Так?

Она кивнула головой.

– Есть хочу! Есть хочу! Есть хочу!

Он топал ногой, как ребенок.

– Ты же видишь, мы в пробке. Значит, должен отключиться от твоей проблемы.

Алекс, надувшись, сложил руки на груди в знак недовольства.

– Все зависит от твоей головы. Ты должен сказать своему мозгу, что ты не голодный.

– Особенно здорово это слышать от того, кто почти на ходу выскочил из машины ради шоколадного батончика.

– Я не «выскочила на ходу», – возразила она, рисуя в воздухе кавычки. – Я стремительно вышла, поскольку у меня рефлексы и суставы работают, как у молодой, лет шестидесяти, не больше.

– Почти как Жерар Филип в «Фанфан Тюльпан», только без шпаги.

Максин загадочно улыбнулась.

– А ты знаешь, что я была знакома с Жераром Филипом?

– А вы знаете, что он умер?

– Конечно.

– Ах да, я забыл, что тот, кто был с вами знаком, почти наверняка умер.

Она на несколько секунд задумалась.

– Не совсем все. Но он точно умер.

– Так вы были с ним знакомы?

– И даже очень хорошо.

Алекс улыбнулся краешком рта.

– Очередная жертва ваших чар?

Старая дама приняла самый обиженный вид, какой только нашелся среди ее актерских амплуа.

– За кого ты меня принимаешь? Это оскорбительно! Я не какая-нибудь вертихвостка! Я верная жена, порядочная и честная женщина.

Ей не хватало лишь мантии, чтобы выглядеть еще эффектнее.

– Мои ценности незыблемы. Я всегда вела себя достойно.

– Бла-бла-бла... – перебил ее Алекс. – Так у вас был с ним роман или нет?

– Совсем несерьезный.

– Так я и знал! Вы обольстительница, Максин. Я хочу знать подробности!

– Да ничего такого. Пациентом моего мужа был один знаменитый режиссер, который страдал обсессивно-компульсивным расстройством. В благодарность за то, что Шарль помог ему избавиться от него, он пригласил нас на прием после премьеры своего последнего фильма, в котором снимался Жерар Филип. В какой-то момент шампанское ударило мне в голову, и я вышла в сад подышать. Пройдя несколько шагов, я столкнулась нос к носу с Филипом. На нас

струился лишь свет полной луны. Вдали слышались звуки музыки и голоса. Какая-то особая атмосфера царила вокруг. Как будто мы были одни на свете в этом пустом саду. Он ничего не сказал мне, подошел и поцеловал меня. А потом ушел.

– Так ничего и не сказал?

– Ни слова.

– Он был пьян?

– Ты думаешь, меня можно поцеловать, только будучи пьяным?

Ну, спасибо!

– Простите, я не это хотел сказать.

В «Твинго» вновь наступила тишина. Каждый думал о своем. Внезапно Алекс повернулся к Максин.

– А ваш муж? Он знал об этом?

– Я все ему рассказала. Мне было стыдно, что я позволила это.

– И как он реагировал?

– Сначала хотел набить ему морду, но потом передумал...

– Он решил, что Жерар Филип напился.

– Прекрати! Это унижительно, в конце концов! Жерар Филип был в совершенно нормальном виде. Просто я была неотразима, вот и все. Мой муж знал об этом. Когда его гнев утих, он сказал, что понимает его и что, наверное, сделал бы то же самое, если бы столкнулся в этом саду с Лорен Бэколл^[41].

– И что вы сделали?

– А как ты думаешь? Я удостоверилась, что она не была приглашена.

От громкого бурчания Максин подскочила. Она с удивлением посмотрела на Алекса, который делал вид, что ничего не слышал. Под пристальным взглядом старой дамы он наконец сдался.

– Я же сказал, что хочу есть.

– Как говорила моя бабушка, это хорошая болезнь.

Молодой человек замолчал, подсчитывая, в каком году могла родиться бабушка Максин. Не иначе как знавала Людовика XVI.

Максин наклонилась за своим вещмешком, лежавшим у нее в ногах.

– У меня идея.

– Боюсь представить, какая...

Настала ее очередь прикинуться глухой. Она достала телефон, выложила его на переднюю панель и продолжила копаться в сумке. Вытащила рулончик скотча, соломинки, прищепку для белья, маникюрные ножницы, тюбик клея и яблоко, но, видимо, не обнаружила то, что искала. Вдруг она радостно воскликнула:

– Нашла!

Она извлекла визитницу из красной кожи времен ее бабушки, то бишь Людовика XVI. Она некоторое время перебирала карточки, пока не остановилась на нужной.

– Что вы делаете? Куда вы собираетесь звонить?

Она не отвечала, и Алекс вновь заподозрил тут симптом Альцгеймера. Он слышал о том, как такие старые больные сжигают свой дом, забыв выключить газ, или уходят среди ночи и теряются. Возможно, Максин была даже в худшем состоянии. Возможно, она уже не отвечала за свои действия. А может, она все еще звонила умершему мужу. Но нет, номер был у нее в телефоне, зачем ей искать его визитку? Алекс сокрушенно покачал головой. Больным людям лучше вопросов не задавать.

Вдруг его осенило. Все очень просто. У Максин нет никакого приступа психопатии, она собирается сдать полицию. Она знала, что их арестуют, прежде чем они доберутся до Брюсселя, и не хотела, чтобы он отправлялся из-за нее в тюрьму. Она жертвовала собой ради

него. Предпочитала отказаться от своего плана эвтаназии, нежели и дальше оставлять его с пустым желудком. Меняла обет на обед.

Он не мог припомнить, чтобы кто-то совершал такой поступок ради него, даже родители. Самой большой их жертвой был оставленный ему последний кусок торта. Они очень редко меняли свой распорядок дня, чтобы пойти на его школьный спектакль, никогда не смотрели вместе с ним любимого «Алладина», никогда не пропускали важных собраний на работе, если он заболел. Поступок Максина, ради него отказавшейся умереть, был невероятным. Алекс готов был расплакаться. Когда он увидел, как губы старой дамы задвигались, он с трудом уловил смысл слетавших с них слов.

– Это «Пицца Рапид»? Я бы хотела одну «Королевскую» и одну «Четыре времени года».

Заметив ошарашенное лицо Алекса, она убрала телефон ото рта и спросила:

– Ты не любишь «Королевскую»? Хочешь лучше «Три сыра»?

Никакой реакции от молодого человека снова не последовало. Он открыл рот, но не издав ни единого звука, закрыл его.

– Хорошо, давайте одну «Регину» и одну «Гавайскую». Спасибо.

Максин взглянула на своего спутника. Он все еще сидел, замерев. Она прижала трубку к щеке, чтобы ее не было слышно на другом конце провода.

– В чем дело? Тебе не нравятся ананасы? С тобой и правда нелегко. Тем хуже для тебя. Съешь тесто и томатный соус.

Она снова поднесла трубку к уху.

– У вас есть доставка?.. Отлично. Мы стоим на А31, немного не доезжая съезда номер 12... Не беспокойтесь, вы меня узнаете. Через сколько вы будете?.. До скорого.

Она повесила трубку и, удовлетворенная, повернулась к Алексу.

– Вскоре ты сможешь наесться, а я не должна буду слушать эти кошмарные звуки, которые издает твой желудок.

Молодой человек очнулся наконец от своего летаргического забытья. Он не верил своим ушам.

– Максина, вы, наверное, не очень хорошо понимаете, в каком мы положении. Мы в бегах, и я почти уверен, что одно из главных правил успешного бегства – не заказывать пиццу.

Она пожала плечами:

– Я все предусмотрела. Я заплачу наличными.

– Нельзя заказывать пиццу, стоя в пробке или, что еще хуже, когда тебя ищет полиция. Никто так не делает.

– Я не читала справочник идеального беглеца перед тем, как отправиться в дорогу. Я только хотела оказать тебе услугу. Как говорится, хочешь насмешить Бога, сделай доброе дело.

– И вы что, действительно думаете, что они доставят нам пиццу на скоростную магистраль?

– Сюда или куда-то еще – какая разница?

– Большая. Когда заказывают доставку, дают адрес, а здесь...

Он обвел рукой машины, стоявшие вокруг них, и договорил:

– Здесь мы в одной из тысячи машин, которые нас окружают.

– Не переживай. Я знаю верный способ, чтобы нам доставили нашу вожделенную пиццу.

– Можно узнать, какой?

– Увидишь.

Таинственный вид Максин не предвещал ничего хорошего. Алекс знал, что она не расколется, коли так решила. Она была упряма, как ослица. Он повернулся к ней в ту секунду, когда эта мысль пришла ему в голову. Максин отлично его понимала, но чтобы читать вот так его мысли... На всякий случай, не мешало вести себя осторожно, поэтому он решил перевести разговор на другую тему.

– А вы, в доме престарелых, часто заказывали пиццу?

– Мы иногда так делали с Марти. Нам удалось подкупить одного из наших охранников и сделать ключ от черного хода. С тех пор нам привозили пиццу, и никто про это не знал. Любимая пицца Марти – «Регина», так что это мой небольшой реверанс в его честь.

Алекс взглянул на визитницу Максин. Она была набита до отказа.

– Кажется, у вас много карточек.

– Это моя коллекция визиток. Я беру их отовсюду, где бываю. Полезные адреса всегда пригодятся. Если нужно, могу посоветовать тебе хорошего остеопата, софролога, консультанта по кредитам, спортивного тренера...

Она перебирала по очереди визитки.

– Можно было бы заказать доставку суши, гамбургеров, блюд тайской, даже тибетской кухни...

– И вамгодились все эти визитки?

– Не все, но мне приятно знать, что они у меня под рукой, и если будет что-то нужно, у меня всегда есть хорошие адреса и контакты. Я, кстати, прихватила одну на заправке.

И она протянула ему небольшую карточку в зеленых тонах, где вроде как был изображен вигвам.

– Что это?

– Отель-юрта.

– Что?

– Отель, где можно остановиться в настоящей монгольской юрте. Выглядит очень комфортабельно.

– В юрте? Засуньте ее подальше в вашу визитницу, сомневаюсь, что она вам часто будет нужна.

Максин не ответила. Она слишком сосредоточенно бросала взгляды в зеркало заднего вида, чтобы не пропустить курьера с пиццей. Она вертела головой туда-сюда, и под музыку это, наверное, казалось бы каким-то танцем. Алекс удержался и не стал включать радио, чтобы не нарваться на срочные новости, сообщающие об их близком аресте. Она продолжала ритмично двигать головой, и Алекс четко услышал про себя вступление к *Under Pressure*^[42] в исполнении Квин и Дэвида Боуи. Максин, бессознательно, абсолютно точно попадала в ритм. Алекс рассмеялся. Старая дама вопросительно посмотрела на него:

– Что с тобой?

Он собирался объяснить, как вдруг она громко захлопала в ладоши:

– Вон он! Вон он!

– Кто? Полицейский? – с тревогой спросил похититель, оглядываясь по сторонам.

– Да нет! Курьер с пиццей. Я вижу его мопед. Скорей! Скорей!

Максин, с неожиданным проворством, нырнула на дно своего мешка, извлекла оттуда соковыжималку для цитрусовых, рожок для обуви, тюбик с кремом для рук и швырнула их на заднее сиденье. Затем выхватила из недр сумки оранжевый предмет округлой формы, перевернула его и нажала кнопку. Предмет взвыл и начал излучать по всему салону «Твинго» волны оранжевого света.

Все произошло так стремительно, что Алекс не успел отреагировать. В мгновение ока Максин открыла дверцу и прилепила

мигалку к крыше машины. Она махала руками и громко кричала в сторону курьера, который, хотя и был удивлен, но обрадовался, что нашел адресата доставки.

– Прекратите немедленно! Нас сейчас засекут.

– Я этого и хочу! У меня тоже разыгрался аппетит.

– Нас засечет полиция.

– Да нет же. Не будь таким трусливым. Скажи себе, что это мигалка для пиццы, а не для полиции.

– Да откуда ж вы ее взяли?

– Из Интернета. Мне подарил ее на день рождения Марти. Он знал, что я давно хочу такую.

– Господи боже, зачем она вам?

Старая дама стукнула по руке Алекса, который хотел снять мигалку, и поискала глазами доставщика. Тот ехал зигзагами между машин и продвигался не очень быстро. Максин вздохнула.

– Ты знаешь, в чем разница между VIP и RIP? [\[43\]](#)

– ...

– В одной букве. Всего из-за одной буквы ты из знаменитости превращаешься в покойника. Такова жизнь, она непредсказуема. В одну секунду от героя киноленты твоей жизни остается лишь крошечный некролог бок о бок с некрологом Леона Кутюрье, усердного коллекционера пивных пробок. И это отвратительно.

– И как же мигалка помогает вам оставаться VIP?

– Я люблю красиво обставлять свое появление.

Машины начали потихоньку двигаться, а водители гудеть тише, поняв, наконец, что адские трубы не помогут. «Твинго» с разыскиваемыми полицией пассажирами двигалась очень медленно, но они уже не чувствовали себя совершенно беспомощными. Надежда на то, что они смогут выбраться из этой западни, рассеивала тревогу Алекса.

Набив желудки, беглецы чувствовали себя бодрее. Они решили съехать со скоростной трассы с ее пробками. Они повернут на ближайший съезд, чтобы выбраться на обычное шоссе. Солнце начинало садиться, и мягкий розово-оранжевый свет приятно освещал все вокруг.

Вдруг красная точка на щитке приборов привлекла внимание Алекса. Зажегся красный индикатор.

– Нет! Только не это!

Он воздел руки к небу, взывая к некому могущественному божеству, которое, видимо, его царственно проигнорировало. Максин тоже посмотрела вверх, но не увидела там ничего, кроме рук Алекса с обгрызенными ногтями.

– Ты никогда не думал сделать маникюр?

Алекс поглядел на нее в полном недоумении.

– И не смотри на меня так. Современный мужчина заботится о своем внешнем виде.

Алекс взорвался:

– К черту ваш маникюр! У нас другие проблемы. Посмотрите на этот красный индикатор. Вы знаете, что он означает?

Максин наклонилась и внимательно изучила значок на панели. Потом откинулась на сиденье скорее довольная самой собой.

– Представь себе, да. Это означает, что у нас скоро кончится бензин.

Она была очень горда, что ответила правильно, но учитель не отставал:

– А если у нас скоро закончится бензин, это означает, что...

Она сосредоточилась. Ей хотелось найти правильный ответ. Она нахмурила брови.

– Это означает, что мы встанем! – сказала она, улыбаясь.

Алекс молчал, давая Максину время подумать как следует. Ситуация была серьезная. Правило номер два при побеге: иметь полный бак в машине. Это было связано с правилом номер три: никогда не останавливаться. Нельзя забывать и правило номер один: не заказывать пиццу на трассе, стоя в пробке.

На лице Максина наконец появилась озабоченность, кажется, она начинала осознавать всю серьезность положения.

– А ты забыл заправиться?

Озабоченность переросла в подозрение, и она заявила:

– Когда ты берешь попутчика, надо по крайней мере заправлять машину. Это безответственно с твоей стороны...

– Я заправился. Но мы проехали уже немало. Надо было дозаправиться.

– Вот поэтому-то я и решила остановиться на заправке.

– Полное вранье! Вы хотели съесть шоколадный батончик.

– А ты должен бы воспользоваться остановкой, чтобы наполнить бак. Это твоя обязанность, ты же водитель.

– Я бы так и сделал, если бы вы не выскочили из машины, как Ямакаси-диабетик^[44]. А потом это ограбление, полиция. Мы так срочно уехали, что я не успел.

Старая дама насупилась и тяжело вздохнула.

– Ладно, прощаю тебя.

Алекс прикусил губу, чтобы не наругать в ответ. Конечно, кто-то из них двоих должен быть ответственным взрослым.

Он снова посмотрел на индикатор. Ему показалось, что он становится все краснее и краснее, что он уже почти раскален. Красная точка приводила молодого человека в отчаяние, доказывая неизбежный провал предпринятых ими усилий. Их поймают, потому что у него закончился бензин. Господи, какой он идиот. Макс с тоской посмотрел на свой костюм. В нем он чувствовал себя смешным, не достойным его носить. Он не способен даже заправиться. Он почувствовал, как к нему возвращается старое знакомое чувство, которое давит на грудь и выстукивает молоточками в его мозгу привычные обесценивающие клише. Он ничтожество. Он бестолочь.

Максин заметила, что ее спутник помрачнел. Депрессия не исчезла навсегда. Муж объяснял ей, что она могла вернуться в любой момент, спровоцированная чем угодно. В этих случаях следовало обнаружить какой-то новый выход, показать отчаявшемуся, что возможны иные решения. Алекс был на пути к выздоровлению, и она не позволит ему снова погрузиться в болезнь. Она хотела, чтобы он оказался сильным.

– Мы повернем на ближайшем съезде. И найдем какую-нибудь заправку.

– Думаете?

– Ну разумеется. Нечего и переживать.

Она была совершенно не уверена в этом. Они могли заглохнуть еще на трассе, и тогда им конец. Но она не хотела волновать мальчика и улыбнулась во весь рот, пытаясь заодно в который раз обмануть свой собственный мозг.

Алекс же, казалось, немного воодушевился, увидев табло, указывающее ближайший съезд. Машина по-прежнему двигалась медленно, быстро съедая остатки бензина. Макс чувствовал, как струйки холодного пота стекают по его шее. Он отер лоб тыльной стороной ладони. Все его внимание сосредоточилось на дороге, по которой они продвигались черепашьям шагом. Он включил поворотник за несколько километров до съезда. Так ему казалось, что они едут быстрее. От непрерывного сигнала поворотника у Максин разболелась голова, и она хотела было попросить его выключить, но удержалась. Любое средство годилось, чтобы обмануть мозг.

Алекс как-то странно придвинулся к рулю и раскачивался вперед и назад, словно это могло подтолкнуть машину. Он пристально вглядывался в табло, которые сообщали, что съезд все ближе, но по-прежнему еще далеко от них. Красный индикатор стал багровым, если только это не мерещилось Алексу.

Максин было больно глотать. У нее в горле пересохло. Она впивалась ногтями в ладони, чтобы не впасть в истерику под давлением мыслей о неминуемой остановке. Заглохнуть в обычной ситуации – вещь нормальная, она даже слыхала про одну молодую женщину, у которой поломка машины изменила всю жизнь. Но их-то ситуация была совсем не обычная. Для них заглохнуть означало

остановить их побег, прекратить двигаться дальше, распрощаться с ее планом.

Она толком не знала, от чего так горько у нее на душе – то ли потому, что ее намерения канули в воду, то ли из-за расставания с Алексом. Она успела привязаться к мальчику. Сильно привязаться. Он был последним на ее пути. Ее последним другом, последним человеком, который сохранит воспоминание о ней.

– Знаешь, Алекс, я тебя очень люблю.

Измученный, он оторвал взгляд от дороги. Это признание его смутило. Он не знал, что ответить. Он хотел бы признаться, что она стала так много значить для него, что она сделала для него так много хорошего и что ему будет ужасно не хватать ее. Он хотел бы крикнуть, чтобы она не делала этого. Хотел бы заплакать оттого, что она неизлечима больна. Крепко обнять ее. Взять ее морщинистые ручки в свои.

– М-м-м... Я тоже вас очень люблю, Максин.

Это было все, что он смог произнести. Он злился на себя, что не умеет выразить свои чувства. Он вырос в семье, которая не поощряла эмоции. Внешнее благополучие демонстрирует лишь показные чувства, и витрины с ненастоящими переживаниями закрываются после ухода посетителей.

Все это он желал бы сказать Максину. Мозг его кипел, щеки горели. Он боролся с самим собой, с тем, кем он был, и тем, кем хотел стать. Да, он скажет ей это, раскроет перед ней свои чувства, как пакет с подарком. Она сумеет их оценить.

Алекс закрыл глаза, чтобы подготовиться, но потом снова открыл, вспомнив, что он за рулем.

Он повернулся к старой даме, готовый сказать ей то, что никогда никому не говорил.

– Съезд! Поворачивай! Ты что, спишь? Скорей, а то проедем!

Наконец-то они свернули со скоростной трассы. Алекс чуть не прозевал съезд, но Максин в последний момент резко крутанула руль, и они успели вывернуть на боковую полосу. Она сначала ворчала, но затем постепенно успокоилась.

Измеритель уровня бензина, рядом с ярко красным индикатором, находился на удручающем нуле и мигал, сообщая о своих страданиях. Беглецы, хотя и радовались, оставив позади автомагистраль с ее пробками, тем не менее тревожились, что оказались в сельской местности, где не видно ни заправки, ни автомастерской. Они ехали по тихой деревне, которую населяло – судя по объявлению на въезде – восемьдесят пять жителей.

Максин и Алекс смотрели по сторонам в надежде увидеть чудесным образом возникшую бензоколонку.

– Какая милая деревенька, – констатировала Максин.

– Неплохая, если хочешь отдохнуть в одиночестве. Соседи, по крайней мере, тут не должны докучать.

– Странно, но ее название мне почему-то знакомо.

– Вы здесь уже бывали?

– Да нет, я бы запомнила. У меня память как у лося.

– У слона. Память, как у слона.

– Я тебя уверяю, что у лося отличная память.

Алекс пожал печами, он уже понял, что бороться с Максин за чистоту языка бесполезно. Все еще погруженная в свои мысли, она продолжала:

– Возможно, я знаю это место, потому что тут есть что-то особенное или живет кто-то из знаменитостей.

– Во всяком случае, вряд ли оно знаменито своими заправками, я пока не вижу ни одной.

Они все время ехали по главной деревенской дороге. По обеим сторонам стояли прелестные каменные домики, по их фасадам каскадами спускались глицинии. Если бы беглецы не были так заиклены на проблеме с горючим, то наверняка оценили бы

очарование старинных построек. Но сейчас они однозначно предпочли бы увидеть спасительную бензоколонку.

Главная дорога наконец сменилась узким проездом, по которому они не без колебаний решили все же поехать, поскольку иных вариантов просто не было.

Мотор начал кашлять, и Алекс молился, чтобы это было лишь недовольством, которое «Твинго» выражала против ухабистой дороги. Но после нескольких рывков она окончательно встала.

Алекс яростно крутил ключ зажигания.

– Ну, давай, пожалуйста! Давай...

Максин тихонько положила руку ему на плечо.

– Все, все. Я думаю, если бы она была в состоянии завестись, то уже сделала бы это. Больше она не может...

– Может, я уверен...

– Надо признать: она с нами рассталась.

– Только не моя «Твинго»! Только не теперь! Только не посреди глухой деревни!

Уже темнело, отчего мысли Алекса еще больше мрачнели. Они чертовски опаздывали. Они рассчитывали ехать всю ночь, но из-за пустого бака это было невозможно. Все их планы накрылись.

Старая дама сидела молча, пережидая «бурю». Надо было дать мальчику выпустить пары гнева и злобы.

– Я знаю, что тебе сейчас надо.

– Вот уж нет! Никаких упражнений на доверие и никаких караоке, спасибо!

Она похлопала его по плечу.

– Тебе надо дать выход эмоциям.

– Я не буду петь!

– Я знаю. Я тебя об этом и не прошу.

Она положила ладонь ему на горло.

– Видишь, у тебя тут все зажато. Это физическая реакция на твое внутреннее неблагополучие. Ты зажат и физически, и ментально. Надо от этого освободиться.

– Я не буду петь.

– У тебя слишком сильный стресс. Слишком сильное напряжение.

– Я не буду петь.

– Тебе надо раскрыть грудную клетку. Дать воздуху свободно циркулировать. Надо, чтобы ты чувствовал, как он входит в легкие и выходит из них. Это ведь жизнь проникает в тебя.

– Вы мне напоминаете проповедников, выступающих по американскому телевидению.

– Надо, чтобы ты покричал.

– Что?

– Да, ты должен покричать, чтобы освободиться от этого напряжения.

– Да вы совсем больны.

Она лукаво улыбнулась:

– Я этого никогда не скрывала.

Видя, что она смогла отвлечь Алекса, Максина сказала:

– Это научно доказано. В одном немецком исследовании, опубликованном в декабрьском номере журнала *Health Psychologies*^[45] за 2012 год объясняется, что выплескивать свои эмоции гораздо благотворнее, чем сдерживать свое раздражение. Когда человек время от времени приходит в гнев, это увеличивает продолжительность его жизни и сокращает опасность физических и умственных нарушений. Те же, кто, как ты, держит в себе отрицательные эмоции, в большей степени подвержены сердечно-сосудистым заболеваниям, раковым опухолям, нарушениям деятельности почек и гипертонии.

Алекс продолжал упираться:

– Я рад за них. Но предпочитаю держать свои чувства при себе. Я, наверное, какое-то сугубо домашнее существо.

– Есть домашние растения и животные, но домашних людей не бывает. Ты думаешь, что владеешь своими эмоциями, тебе приятно считать себя хозяином чего-то. Но на самом деле ты боишься расслабиться. Это такая эмоциональная трусость. Ты отказываешься рисковать. Ты опасаясь, что эмоции захлестнут тебя с головой, как волна, которая разрушит твой самоконтроль. Желая поглубже спрятать свои эмоции, ты себя только крепче зажимаешь.

Алекс больше не решался смотреть старой даме в глаза. Откуда она так хорошо все про него знала? Это его интриговало и раздражало одновременно.

– Мы с мужем, – продолжила Максина, – где бы мы ни жили, всегда находили возможность пойти погулять куда-то на природу.

неловкость лишь усугублялась.

– Закройте глаза.

– Зачем?

– Затем. Я не могу это сделать, когда вы на меня смотрите.

– Но я же прошу тебя крикнуть, а не пописать у меня на глазах.

– Это одно и то же.

– Не совсем. Я тебя, конечно, люблю, но предпочитаю первый вариант.

– Закройте глаза, или я не стану этого делать.

– До чего же ты трусишь иногда! Ладно уж.

Старая дама демонстративно повернулась к нему спиной и сложила руки на груди, тяжело вздохнув при этом. Но тут она заметила отражение молодого человека в боковом зеркале. Ничего не сказав, она стала смотреть за его приготовлениями.

Можно было подумать, что он настраивается стартовать в триатлонной гонке. Он глубоко вдыхал и выдыхал, широко раскрывал рот и растягивал губы. Максин стало смешно, но она удержалась от смеха, ни в коем случае нельзя было, чтобы Алекс заметил, что она за ним наблюдает. Видя его, она поняла, каких усилий стоило ему выполнить ее просьбу. Для нее речь шла лишь о том, чтобы прокричаться, для него дело было в другом... Ему надо было встать над своей природной робостью, над своим воспитанием, условностями, надо было выйти из зоны комфорта...

– А-а-а.

Никакой реакции.

– Ну вот, я крикнул. Можете поворачиваться.

– И это ты называешь крикнул? Я думала, какой-то котенок пищит в кустах. Давай посильнее.

– Не хочу.

– Плевать, хочешь ты или нет. Ты это сделаешь, и точка.

Максин снова заговорила не допускающим возражений тоном учительницы, которая не даст спуска упирающемуся ученику.

– У меня не получается.

– Подумай о том, что тебя выводит из себя. О девушке, которой на тебя наплевать, о своей депрессии, о врачах, о родителях, о полиции, которая тебя ищет, о тюрьме, о болезни, о смерти...

– АААААААААААААААААА!

Максин подпрыгнула и ударилась головой об угол двери. Ее внимание привлекло то, чего она до сих пор не замечала.

– АAA!

Она снова подскочила, уклоняясь на сей раз от удара головой. Она постаралась разобрать, что написано на дорожном знаке, но с ее слабым зрением это было нелегко.

–

AA!

Она была близка к цели. Надо сосредоточиться. Буквы, написанные на деревянной табличке, были кое-где стерты, но она начала разбирать слово. От такого напряжения ей стало больно глазам. Ей и без того было тяжело, а с этим горлопаном, оравшим у нее под боком...

– АAAAAA...

– Ты прекратишь орать? Невозможно сосредоточиться. Иногда диву даешься, что у тебя в голове!

Алекс, остановленный в своем порыве, когда его усилия уже начинали благотворно сказываться, решительно ничего не понимал.

– Но...

Старая дама взяла обеими своими морщинистыми руками голову Алекса и подтащила ее почти что до бокового стекла пассажира.

– Смотри! Мы спасены.

– Ничего подобного, – ответил Алекс, массируя себе шейные позвонки.

– Я же говорила, что название этой деревни мне откуда-то знакомо.

– Быть этого не может.

Максин уже хлопала от возбуждения в свои маленькие ладошки.

– Мы будем ночевать в юрте.

– Я так и знала, что эта визитка мне пригодится. И я была права, настояв на том, чтобы мы заехали на заправку. Иначе она никогда бы не попала ко мне в руки. Все-таки я очень часто бываю права. И ты должен ко мне прислушиваться.

– О да, я просто в восторге, что на меня напал грабитель.

– Если бы мы не попали на заправку, мы бы не смогли остановиться в юрте и провести эту ночь в тепле.

– Ну, супер!

– Опять занудствуешь! Тебе дают возможность пережить уникальный опыт, а ты этого не ценишь!

– Я в полном восторге, но в глубине души, – иронично парировал Алекс.

– С тобой либо пан, либо пропал. То ты вопишь как резаный, то замыкаешься в себе. Наслаждайся жизнью! Смотри, как вокруг красиво.

– Ой, и правда! Я сейчас пушусь в пляс от радости.

И он изобразил несколько па, прыгая с одной ноги на другую.

– У тебя неплохо выходит. Не думаешь пойти в танцоры? – спросила Максин, нажимая на кнопку вызова персонала.

Алекс не успел выяснить, серьезно ли она говорит: видя, что к ним вышел администратор, она лишь похлопала молодого человека по плечу после очередного его пируэта.

Они стояли у ресепшена в гостинице-юрте. Это был ничем не примечательный дом, до которого надо было пройти несколько метров по тропинке. Он стоял на краю поля и был окружен четырьмя белыми постройками цилиндрической формы с конической крышей. Красивые деревянные двери с геометрическим рисунком красного цвета добавляли экзотики. Лишь пара коров и овец напоминали, что это Европа, а иначе можно было подумать, что находишься посреди монгольской степи. Все, вплоть до небольшого фонтанчика, струящего прозрачную воду в искусственный водоем, было предусмотрено для того, чтобы окунуться в атмосферу полного умиротворения.

Алекс подумал, что это было ровно то место, где бы хотели остановиться его родители, не для того, чтобы пережить уникальный опыт, а чтобы потом рассказывать об этом всем знакомым. Станным образом эта мысль его ободрила. Ему не терпелось сделать то, чего бы они не сделали никогда. Он тут же разозлился на себя, потому что это было очень по-детски, но все же...

Вообще Максин даже не пришлось слишком долго убеждать его отправиться в отель. Стемнело, и другого выхода у них не было. Может быть, получится вызвать автомеханика, чтобы он их выручил, а еще лучше, если у администратора хранится про запас канистра с бензином, которым он с ними поделится. Поэтому смирившись в душе и понимая, что больше ничего не придумать, он потащился по указанной дорожке к отелю с юртами.

Поначалу он даже успокоился, видя, что дом совершенно обыкновенный. Он решил, что Максин что-то померещилось или что они пришли не туда. Но затем его надежда на нормальный отель испарилась, едва он прошел чуть дальше и заметил поле, на котором показались крыши юрт.

С формальностями было покончено очень быстро. Максин взяла все на себя. Она справлялась, по ее выражению. Они заранее подготовились, когда шли к отелю. Старая дама в бегах сначала хотела выдать их за господина и госпожу Смит, но Алекс убедил ее, что иностранные фамилии выглядят подозрительно. Тогда она снова предложила Бейонсе и Джей Зи, но Алекс отверг и этот вариант. Затем ее осенило, и переубедить ее было совершенно невозможно. Их записали как Максин Бонни и Алекс Клайд.^[46]

Атмосфера полного дзена царила не только во внешнем оформлении отеля, ибо администратор не выразил никакого удивления и даже не потребовал у них документы. А, может быть, это из-за того, что Максин предложила заплатить сразу же наличными за «почетную юрту», якобы точную копию юрты Чимэдийна Сайханбилэга, премьер-министра Монголии?

«Ушедшая в самоволку» Максин явно пришла в восторг от этого неожиданного привала и бурно выражала свое восхищение администратору, который был счастлив найти внимательных слушателей. Он посвятил их в подробную историю производства и использования юрт, сопроводив рассказ фотографиями из своего

последнего путешествия по монгольским степям. После этого неспешного экскурса, который показался Алексу бесконечным, администратор решился наконец показать ту самую юрту, где им предстояло ночевать.

Алекс поначалу разволновался, что ему придется делить номер со старой дамой, но она объяснила, что такого рода жилища весьма просторные и им вполне хватит места для двоих. В любом случае других свободных юрт не было. Однако для большей уверенности Алекс настоял, чтобы там было две отдельных кровати.

– Очень жаль, это нарушит дух апартаментов «Чимэдийн Сайханбилэг». Обычно мы ставим там кровать king size, – сокрушался администратор.

Но Алекс не поддался на уговоры, и внутри юрты их в самом деле ждали две кровати.

– Я так возбуждена, что мне не сидится на кресле! – восклицала Максин.

У Алекса перехватило дыхание. Помещение было действительно немаленьким. Широкие деревянные брусья, укреплявшие изнутри крышу, соединялись вокруг отверстия в центре потолка. Интерьер был изысканным и уютным. Те же красные тона, что и на дверях, присутствовали на спинках кроватей, сундуках и низеньком столике. Всей этой обстановки, хотя и по-спартански лаконичной, вполне хватало, а кроме того, от нее веяло безмятежностью, которой Алекс на удивление тут же проникся.

Максин явочным порядком выбрала правую кровать, положив на нее свою огромную сумку. Алекс стоял позади у порога. Ему было не по себе от этого неожиданного соседства. Ему не нравилось, когда кто-то нарушал неприкосновенность его сна. Он чувствовал себя уязвимым, когда спал. Он не мог контролировать себя во сне. А вдруг ему приснится кошмар и он проснется от своего крика? Из-за него у старой дамы случится припадок.

Кошмарные сны снились ему часто. Почти каждую ночь. Он этого немного стыдился. Только дети имеют право видеть страшные сны так часто. Но ему-то снились вовсе не монстры под кроватью. Он вновь и вновь видел все свои неудачи. Он постоянно прокручивал в голове свои мрачные мысли, так что они в конце концов материализовались в ночные видения.

Однако в присутствии Максина, пусть непривычным и смущающим, было что-то обнадеживающее. Как будто она могла прогнать злые силы. Может быть, ему наконец удастся выспаться?

Алекс не знал своих бабушек и дедушек. Родители отца умерли до его рождения, а родители матери не подавали признаков жизни после размолвки столетней давности. Он никогда не ездил на лето к «бабуле и дедуле». У него не было ни дедушки, который научил бы его копать в саду, ни бабушки, которая научила бы его печь пироги. Хорошо, наверное, их иметь. С ними должно быть спокойно.

Максин, с ее харизмой, чудачеством, ребячливостью, доброжелательностью и оптимизмом, наверняка позволит ему провести ночь как следует, он в этом уверен.

Алекс с нежностью смотрел, как она достает из своей огромной сумки какие-то вещи. Она это заметила.

– Что такое? У тебя какой-то странный взгляд. Только не говори, что ты принял диазепам!

Алекс опустил глаза.

– Да ничего такого.

Максин понимающе улыбнулась.

– Тебе нравится здесь, да?

– Точно.

На сей раз ей не удалось прочесть его мысли. Он испытывал от этого смешанное чувство гордости и разочарования. Но может быть, она только сделала вид, чтобы его не смущать. Молодой человек вздохнул. Старая дама, несомненно, оставалась для него загадкой.

Максин продолжала обустраиваться. Достала небольшую косметичку и будильник с заостренными стрелками, который поставила на необтесанный пень, служивший тумбочкой.

– Ты смотрел фильм, где мужчина и женщина в гостинице вешают простыню посередине номера, чтобы отделиться друг от друга?

– Что-то припоминаю. Кажется, да, но не знаю, как он называется.

Он нахмурился и продолжал:

– Терпеть не могу искать названия фильмов. Тратишь на это часы.

– Я тоже. Но это название вертится у меня в зубах.

– Вы уверены, что не помните ни одного слова?

– Лучше не придумаешь, как спрашивать название фильма у больного Альцгеймером.

Алекс сгорбился, а глаза стали грустными.

– Простите, я забыл.

– И хорошо. Это значит, что ты не считаешь меня больной, и мне приятно. А все потому, что я отлично выгляжу и у меня нежный цвет лица. Да и стройная фигура имеет значение.

Он улыбнулся, видя, как Максин достает пудреницу, чтобы навести красоту. Она умело провела пару раз по лицу пуховкой, заговорщицки улыбнулась зеркальцу и, захлопнув пудреницу, добавила:

– Я удивлена, что ты знаешь этот фильм. Ты чертовски хорошо подкован в кинематографии.

– Большой плюс при депрессии, что у тебя куча времени, чтобы смотреть телевизор.

– Сделаем так же?

Алекс огляделся.

– Но здесь нет телевизора.

– Я не про телевизор, я предлагаю тебе сделать так же с простыней, как в фильме?

– И так нормально, Максин, думаю, я смогу сдержать свой пыл.

– Говори за себя! А я ничего не обещаю, – ответил она, подмигнув.

Алекс застыл, наполовину испуганный, наполовину развеселенный.

– Да я шучу! – воскликнула старая дама, расхохотавшись.

Алекс облегченно вздохнул, и Максин продолжала:

– Итак, молодой человек и молодая женщина в одном номере... Что подумает администратор?

– Что это бабушка и внук.

– О, как это грубо. Ты знаешь, кто такие штрейкбрехеры? Так вот, ты – штрейкбрехер.

И она бросила на него один из ее фирменных грозных взглядов, а затем продолжила разбирать вещи. На пне-тумбочке уже не осталось места для ее бесчисленных вещиц. Максин огорченно вздохнула и стала смотреть, куда бы сложить все, что держала в руках. Оглядев юрту, она уставилась на один из сундуков, покрытых геометрическим узором. Затем направилась к самому маленькому из них и опустила на колени, почти скрипя суставами.

Алекс, наблюдавший за ее действиями, увидел, как в тот момент, когда она открывала сундук, на ее лице появилось странное выражение. В первый момент он не мог определить, что оно значит. Она вытаращила глаза и открыла рот от изумления и радости. И тогда он понял. Он видел такое же выражение лица у соседского мальчишки, когда подарил ему свою старую коллекцию машинок. На лице Максин отражался искренний детский восторг от подарка, тот восторг, из-за которого сделавший его взрослый чувствует себя супергероем.

Алекс задумался, что же такое может лежать в сундуке. Пачки денег? При их везении вполне вероятно, что предыдущий постоялец юрты был рассеянным мафиози, забывшим добычу после своей махинации. Он вернется за ней, но будет поздно – Максин уже спустит деньги в казино. Из мести они будут ее пытаться. Алекс уже видел себя привязанным к стулу, а психа мафиози – тисками выдирающим ему зубы.

Максин вынула большой отрез красной ткани. Да, в сундуке наверняка лежали деньги. Из-за открытой крышки Алекс не мог толком разглядеть его содержимое. Затем в руках старой дамы оказалось нечто вроде золотой цепи. Еще лучше. Мафиози, видимо, был еще и сутенером.

Пальцы Максин нежно погладили иссиня-черный мех, перебрали нитку белого и голубого жемчуга. Зачем этому мафиози жемчуг? Может, он был в моде среди воров? Грабитель на заправке был одет обыкновенно, если не считать балаклаву. Быть может, главари банд организованной преступности носят золотые цепи, жемчуга и меховые шубы? Ведь надевают же их рэперы.

Алекс наконец решил встать и пройти пару метров, которые его отделяли от трофеев в руках Максин. Она была на седьмом небе от счастья, с наслаждением ощупывала ткань, не обращая на Алекса ни малейшего внимания, и светила улыбкой. Неужели она не понимает, что им грозят крупные неприятности?

– Надо все убрать на место и сделать вид, что мы ничего не видели. Это единственный шанс.

Старая дама, кажется, только сейчас вспомнила о его присутствии и удивленно подняла брови.

– Иди посмотри, это же великолепно!

Алекс закрыл глаза.

– Нет-нет! Чем меньше я увижу, тем больше у меня вероятности выкрутиться.

– О чем ты говоришь? У тебя совсем с головой плохо? И впрямь непонятно, кто из нас тяжелее болен...

Она взяла молодого человека за плечи и подтолкнула к сундуку. А так как он упрямо не хотел открывать глаза, то споткнулся и со всей силой рухнул на красную ткань, которую Максин достала первой. Теперь слишком поздно. Он уже впутался в историю. Можно позволить себе посмотреть, пока его не ликвидировал мафиози.

Ткань была мягкой и на удивление теплой. Он встал и смог увидеть ее целиком.

– Но... да это же костюмы!

– Да! – в восторге крикнула Максин, хлопая в ладоши. – Мы сможем переодеться и почувствовать себя настоящими монголами!

Только этого не хватало. В теперешнем их положении хуже нельзя было придумать. Быть посмешищем, конечно, вещь не смертельная, но и хорошего в ней мало.

Алекс сидел по-турецки на ковре с узором из розочек, облаченный в *deel*, хлопковую тунику со стоячим воротником и ассиметричным вырезом. Она была коричневого цвета, который оттенял пластрон из оранжевого атласа. Атласный же пояс обхватывал его талию. На голове у него красовался *janjin* – шапка из черного меха, заостренную верхушку которой украшал красный помпон. Расширяющиеся книзу рукава, отороченные по краям тем же черным мехом, что и шапка, как казалось Алексу, делали его похожим на летучую мышь.

Ослепительная Максин гордо восседала в зеленом женском *deel*. Вышитый на нем золотистой шелковой нитью узор символизировал долголетие. Золотисто-красный воротник жилета подчеркивал нежную кожу ее лица и голубизну глаз. Голову покрывала *toortsog*, круглая шапочка, а лицо обрамляли тонкие подвески, усыпанные жемчугом.

Алекс недоумевал, почему Максин выглядит как величественная монгольская принцесса, а он похож на помятого Пауэр Рейнджера.^[47]

– Здесь написано, что *janjin* символизирует процветание и счастье. Как тебе повезло!

– О, да, мне чертовски везет! – ответил Алекс, оттягивая воротник своего *deel*, который натирал ему шею.

– На нас летние вещи, – уточнила Максин. – А иначе они были бы подбиты шкурой козы или рыси.

Алекс прикинулся расстроенным.

– О, как жаль!

– Но только не козе и рыси.

Видя, что ее шутка не удалась, она продолжала:

– Я против использования кожи и меха животных. Но полагаю, что бедные монголы это делают не ради удовольствия, им это просто необходимо. Не то что этим скелетоподобным манекенщицам и вашим-ниста, которые считают, что станут красивыми, если будут носить на себе трупы животных вместо пальто.

– Ваши? Чьи они, эти ваши?

Максин насмешливо спросила:

– Ты не знаешь такого слова? Ваши-ниста – это люди, которые бездумно следуют любой моде. Если бы они увидели кого-то из звезд в детском комбинезоне и на шпильках, то немедленно бы их напялили, думая, что одеты по последней моде. Ваши-ниста скупают тонны одежды, которую никогда не наденут, горы сумок, которые закинут в шкаф и неудобные туфли, которые им малы...

– Так это фашионисты!!![\[48\]](#)

– А я что говорю!

Она махнула рукой, словно прогоняя назойливую муху, и снова принялась читать пояснительную записку, обнаруженную внутри сундука:

– Каждый из узоров и цветов монгольской одежды что-либо символизирует. Они означают силу, процветание, простоту или счастье.

– Счастье?

Алекс не понимал, как можно быть счастливым, одеваясь в пижаму с рукавами-крыльями летучей мыши и обитая в юрте.

– Разумеется, это цель всех народов, и это то, что нас всех объединяет. Мы стремимся к одному и тому же. Проблема в том, что некоторые строят свое счастье в ущерб другим.

– Все-таки легче стать счастливым на вилле в Беверли-Хиллз, чем в юрте, затерянной в монгольской глубинке.

– Откуда ты знаешь? Ты не жил ни там, ни там.

– Мне это и не нужно, и так совершенно ясно.

– У меня вот не было виллы в Беверли-Хиллз, но я была очень счастлива. Если ты хочешь быть по-настоящему счастливым, надо научиться жить настоящим. Это нелегко. Надо поставить запрет своему рассудку думать вперед. Видишь, я сейчас думаю только о нас, о том, с каким удовольствием я сижу сейчас с тобой в этой великолепной юрте, в монгольских костюмах. Я стараюсь не думать о завтрашнем дне.

Она прикрыла ненадолго глаза, а потом продолжила:

– Я могу лишь слегка повлиять на то, что происходит, и я делаю то, что могу. Но нити судьбы не в моих руках. Я принимаю мою известную беспомощность и действую только на те вещи, которые

могу изменить. Я не знаю, арестуют ли нас завтра или мы сможем добраться до Брюсселя. Я сделаю для этого все, но сейчас единственное, что я могу – это наслаждаться прекрасным мгновением с тобой. Ты не хочешь поступить так же? Не хочешь оказать мне это одолжение?

Алекс ответил не сразу. Максин не забеспокоилась, она уже привыкла к нему и знала, как он устроен. Он сразу задавал себе кучу вопросов и со всех сторон рассматривал ситуацию. Наконец он поднял голову и сказал с улыбкой:

– Вообще-то, я бы все же предпочел виллу в Беверли-Хиллз.

Старая дама отвесила ему подзатыльник.

В дверь постучали. Это был администратор с подносом, на котором стояли две дымящиеся тарелки и две пиалы. Видя горячий интерес Максин к монгольской культуре, он пожелал приобщить гостей к фирменным блюдам национальной кухни. Начни Алекс отказываться, ссылаясь на то, что они съели пиццу по дороге, он не стал бы ничего слушать. Максин, это брюхо на ножках, тут же согласилась, предвкушая возможность узнать новые вкусы.

Едва закрылась дверь за их кулинарным благодетелем, Алекс с Максин пересели в центр юрты на ковер с длинным ворсом, чтобы отведать *khuushuur* и *airag*. Точнее говоря, дегустировала одна Максин, а Алекс в сомнениях смотрел на пиалу и все еще не притрагивался к *khuushuur*. Старая дама собиралась уже положить вторую ложку в рот, когда заметила это.

– Чего ты ждешь? Ешь! Очень вкусно.

И для пущей убедительности она проглотила полную ложку чего-то похожего на равиоли.

– Можете сказать, что внутри?

Она нехотя отложила ложку.

– *Khuushuur* это равиоли, начиненные бараниной, говядиной, мясом яка или козленка и приготовленные во фритюре.

– Мясом яка?

– Это такая большая корова.

– Мне известно, что такое як. Но, кажется, я никогда его не пробовал и не имею ни малейшего желания это делать.

– До чего же ты бываешь иногда узколобым! Сразу видно, ты не знаешь, что такое война. Люди дрались за шкурку от яблок. А уже если

бы им дали мясо яка, уверяю тебя, его бы мгновенно и безропотно проглотили.

Алекс не решился спросить, какая именно война – гражданская в США или франко-прусская?

Максин продолжала:

– На самом деле ты привередничаешь, потому что боишься всего нового. Ты каинофоб.^[49]

Алексу не нравилось, когда его обзывают узколобым и каинофобом, что бы это ни значило. В то же время – хотя ему и противно было это признать, Максина была в который раз не так уж и неправа. Его нежелание есть крылось скорее в его боязни нового, нежели в отвращении как таковом. Почему от так боялся всего неизвестного? Что с ним случится, если он попробует яка? Ему не понравится? Начнется аллергия? И что такого? Не умрет же он.

Алекс посмотрел прямо в глаза Максина и запихнул в рот огромный ravioli. Заставил себя разжевать его. Жевал и жевал, пока не нашел, что у него вполне приемлемый и даже приятный вкус.

– Вообще говоря, як не так уж и плох.

– Ты правда думаешь, что съел мясо яка?

От насмешливого взгляда старой дамы Алекс застыл. Очередной подвох? Чье мясо было на самом деле в ravioli? Крысы? Собаки?

Он едва проглотил кусок, с подозрением глядя на оставшийся ravioli, и, собрав все свое мужество, спросил:

– Из чего эта начинка?

– Ты много яков здесь видел?

Алекс вдруг вспомнил щит у въезда в деревню, сообщавший о ферме по разведению собак. Еще не поздно вернуть съеденное обратно.

Увидев, что Алекс позеленел, Максина поспешно сказала:

– Здесь нет яков, зато много коров. В твоём *khuushuur* обыкновенная говядина. Не страшнее знакомой тебе лазаньи.

– Зачем же вы внушили мне, что это як?

– Чтобы ты преодолел свой страх новизны. Ты ведь съел ravioli, думая, что там як! Молодец!

Алекс и злился, что его провели, и изумлялся. К этой чехарде эмоций примешивалась и гордость за себя.

Он посмотрел на оставшийся ravioli, улыбнулся и положил его в рот. Расхрабрившись, взял и пиалу с белой мутной жидкостью. Он уже поднес ее к губам, как вдруг остановился в нерешительности:

– А это что?

– *Airag*.

– Что это такое?

– Сперма яка.

Алекс сморщился и чуть не бросил пиалу на пол. Максина расхохоталась и отпила глоток.

– Ну я же смеюсь над тобой! Это кумыс, из кобылье молоко. Попробуй, это восхитительно!

Обиженный, но успокоившийся Алекс закрыл глаза и глотнул из пиалы.

– Не так уж и плохо.

– Видишь, я была права. Можешь мне довериться.

– Довериться, когда вы меня обманули?

– Ты ужепил кобылье молоко?

– М-м-м... нет.

– Если бы я сразу сказала, что это кобылье молоко, ты бы отказался его выпить. Но когда я внушила тебе, что это сперма яка, а потом сообщила, что это кобылье молоко, ты успокоился и даже не нашел ничего страшного в том, чтобы его выпить.

Максина была необычайно горда собой. Она чуть не добавила – что и требовалось доказать, но он бы решил, что она слишком хвастается. Она умела скромно радоваться своим победам.

Она протянула пиалу с кумысом Алексу:

– За твое здоровье!

Ночь прошла отлично. Алекс спал крепким и здоровым сном, который ни один кошмар не мог нарушить. День, проведенный с Максин, так его утомил, что ему не потребовалось никаких снотворных, чтобы уснуть. Он лежал с закрытыми глазами, наслаждаясь сладкой истомой в полудреме.

Они замечательно провели вечер. Максин обнаружила небольшой музыкальный центр с единственным диском. Монгольская музыка сначала удивила Алекса. Но когда он не стал сопротивляться удовольствию от знакомства с новым, то почувствовал всю ее красоту. Как правило, сопровождаемая пением, эта музыка воспроизводила звуки природы. Максин осторожно прикрыла руками его веки. В темноте уютной юрты низкие, с хрипотцой голоса певцов переносили его в далекие степи, среди которых он видел себя скачущим верхом на лошади. Он ощущал, как ветер дует ему в лицо, вдыхал запах трав, слышал нежное журчание реки, чувствовал, как он насыщается силой гор.

Затем пение гармонично дополнилось игрой разнообразных инструментов. Звуки лютни, вьелы, гобоя, варгана и поперечной флейты наполнили юрту, погружая ее постояльцев в транс. Они танцевали, полностью расслабившись. Алекс больше не был закомплексованным молодым человеком, а Максин – старой больной женщиной. Они были монгольской королевой и монгольским принцем, летящими по степям на гордых скакунах.

Никогда еще и ни с кем Алекс не переживал настоящий момент так остро. У него было впечатление, что Максин стала ему близка до такой степени, до которой он никогда и с ни с кем больше не дойдет. Всего за один вечер они все упустили и все вновь обрели.

У него не было никакого желания открывать глаза. Так бы он и остался навсегда в этой юрте под одеялом из шерсти яка, вместе с Максин. Здесь их не искала полиция. Не было ни депрессии, ни болезни Альцгеймера. Он привыкнет к *khuushuur* и к *airag*, так и быть. Он охотно откажется от шоколадных мюсли в пользу кумыса, если это обеспечит им свободу.

Он размышлял над плюсами и минусами такой жизни, но вдруг почувствовал, как что-то холодное и гладкое коснулось его лица. Он нехотя открыл глаза и очутился нос к носу с Максин. Склонившись над ним, она прикладывала к его ноздрям зеркальце. Алекс оттолкнул ее.

– Что вы делаете?

– Я только проверяла, не умер ли ты. Я тебе вчера объясняла, как это делается.

– А с чего бы мне умереть?

– С психами никогда ни в чем нельзя быть уверенным. Надо все время за ними следить. А вдруг ты ночью покончил с собой.

– Но у меня нет желания умирать.

– Рада слышать это от тебя, – торжествующе произнесла Максин. – Я пошла за завтраком.

Алекс сначала оторопел, а затем тряхнул головой и рассмеялся. У него не было желания умирать. У него не было желания умирать! Раньше ему было наплевать на смерть, наплевать, будет он жить или умрет, потому что он прозябал в своем мучительном оцепенении. Но теперь ему совершенно не хотелось умирать. Более того – ему хотелось жить. Максин сделала так, что он это осознал. Она хорошо постаралась. Он почувствовал, что на душе у него стало легче, а плечи расправились, словно с них упал тяжелый груз. Его как будто снова до отказа наполнили воздухом. Он распрямился и глубоко вдохнул.

Но чуть не задохнулся на выдохе. Да, он хотел жить, но хотел, чтобы Максин тоже жила. Он ни на секунду не мог представить, что отпустит ее в Брюссель, а сам продолжит жить-поживать как ни в чем ни бывало. Это невозможно. Он не оставит ее одну. Она однозначно стала ему важнее, чем его прежняя жизнь. У него не было никакой весомой причины к ней возвращаться. А каждая минута с Максин была подарком.

Старая дама толкнула ногой неплотно закрытую дверь. Она несла красивый поднос с геометрическими узорами. Алекс с облегчением обнаружил на нем пирожки и что-то вроде чая.

– *Boortsog* от заведения поданы, – официальным тоном объявила Максин.

– *Khuushuur* сегодня не будет?

– Вкусными вещами не следует злоупотреблять.

Она поставила поднос в центре юрты и села по-турецки. Кости ее при этом хрустнули. Она протянула молодому человеку что-то похожее на масло.

– Держи, это *öröm*, им надо намазать *boortsog*.

– У вас монгольский – второй родной теперь?

Максин весело рассмеялась.

– Это называется распахнуться навстречу другой культуре. Если хочешь узнать какую-то страну, лучше всего начать с национальной кухни. Ты никогда не замечал, до какой степени местные жители рады, когда ты произносишь, пусть и неправильно, несколько слов на их родном языке? Это знак уважения к ним, свидетельство твоего желания познакомиться поближе с ними и с их страной.

Алекс поерзал, явно смущенный.

– Ты никогда не был в другой стране?

– Поездка со школой в Испанию считается?

– Разумеется. Ты, наверное, там массу всего увидел?

– Не совсем. Мы варились в своей каше, нас больше интересовало, кто с кем сядет в автобусе, а не что мы увидим вокруг.

– Ты был тогда маленький и глупый.

– А теперь какой? Старый и умный?

– Не такой маленький и не такой глупый.

Она похлопала по ковру, приглашая его сесть рядом.

– А теперь, коли я уже села – поверь, мне, с моими далеко не молодыми суставами, это было не так легко – за стол!

Алекс уже собирался устроиться на полу, как она ему сказала:

– Дай мне, пожалуйста, мою сумку.

Он пошел за огромной сумкой Максина. Несмотря на все многочисленное содержимое, она оказалась на удивление легкой. Максина покопалась в ней и вытащила большую косметичку с лекарствами, которую Алекс уже видел накануне.

Из косметички она извлекла дюжину таблеток и с невероятной скоростью привычно проглотила их.

– Для собравшейся умирать вы неплохо заботитесь о себе.

– Но я, кажется, еще жива. И продолжу сражаться до конца.

– Рад от вас это слышать, – улыбнулся довольный Алекс.

Максин, изумившись только что произнесенным словам, предпочла промолчать и скрыть свое смущение, отхлебнув чаю.

Да, продолжать сражаться... Ей казалось, она сражалась всю свою жизнь, так что одной битвой больше, одной меньше... Нет, она устала. У нее не было больше ни желания биться, ни энергии. Она проводила чудесные минуты с Алексом, но знала, что это не более чем пауза.

Максин, конечно, желала бы провести с ним гораздо больше времени. Ах, если бы они встретились пораньше! Она знала, что ее состояние очень скоро ухудшится. И не хотела, чтобы он увидел ее изменившейся.

Но пока что он видел в ней абсолютно нормального человека, в отличие от обитателей дома престарелых. Там все, казалось, приняли старость как неизбежную и неизлечимую болезнь. Ее проблема заключалась в том, что она была другая. Впрочем, она всегда была не такой, как все, и видела все по-своему. То, что понравилось в ней обоим мужчинам ее жизни, Леонару и Шарлю, отдаляло ее от окружающих, от обыкновенных людей, как говорил Алекс. Она никогда не была обыкновенной и, разумеется, не станет такой и сейчас. Она умрет, сохранив достоинство, поскольку она так решила. Она будет жалеть только о двух вещах, только две мысли не дадут ей мирно уйти из жизни: она так и не увидела свою дочь и должна оставить Алекса. Две потери на одного человека – это многовато.

Хорошо, она продолжит бороться, чтобы оставаться самой собой, чтобы не отступать от своих убеждений.

Она не хотела, чтобы Алекс понял, о чем она думает, ситуация и без того была тяжелая. Они провели потрясающий день вчера, она надеялась, что и сегодняшний окажется не хуже. Может быть, их арестуют. А может быть, они доберутся до места. Она ничего об этом не знала и не роптала. И должна была ухитриться сделать так, чтобы и Алекс поступал таким же образом.

– Помнишь, вчера мы говорили о том, что надо запретить своему рассудку думать вперед.

– Да.

– Так вот, сейчас мы так и будем поступать. Будем принимать только те решения, которые касаются настоящего. И всячески избегать строить планы на будущее, пугаться его или думать о нем.

– Я что-то не очень понимаю, как это сделать. Кажется, это непросто.

– Для того, кто, как ты, задает слишком много вопросов, это будет тяжело, но я уверена, что у тебя получится. Первый вопрос первого упражнения: ты хочешь еще один *boortsog*?

После душераздирающей сцены прощания Максин с администратором, достойной расставания Розы и Джека из «Титаника», они уехали из отеля-юрты. Любезный администратор даже предупредительно снабдил их канистрой бензина, чтобы они смогли добраться до ближайшей заправки в сорока с лишним километрах отсюда.

Итак, они снова пустились в путь. У Алекса, довольного тем, что он очутился в привычной обстановке внутри «Твинго», было легко на душе. Они быстро отмахали сорок километров, и ни один полицейский патруль не задержал по пути.

Они приехали на заправку, которая, хоть и находилась на муниципальной трассе, была совершенно пустой. Единственный служащий, судя по всему, давненько не видел клиентов, поскольку бросился к ним, предлагая помочь. Алекс ни разу не встречал никого, кто бы взялся заправлять его машину, и был весьма удивлен. Максин, припомнив времена, когда заботилась больше не об экономии, а о качестве обслуживания, пришла в восторг от того, что обходительность еще не окончательно канула в вечность.

Заправщик, однако, не сводил глаз исключительно с Алекса, выглядевшего весьма импозантно в своем костюме из «Прада». Что до старой дамы, то она не без сожаления облачилась в прежнюю одежду, добавив к ней найденный в юрте *toortsog*, который она выкупила у администратора. Таким образом, ее плиссированную юбку, лавандовый кардиган и нитку жемчуга на шее дополняла круглая национальная монгольская шапочка. У Алекса не хватило духу попросить Максин снять ее. Она так гордилась ей. И молодой человек подумал, что если их остановят полицейские, то он на худой конец силой снимет ее с Максин.

Заправщик пожирал глазами Алекса, отчего тот стеснялся все больше и больше. Он прошептал Максин, развернувшись спиной к молодому человеку:

– Он очень странно смотрит на нас. Я уверен, что он нас узнал. Должно быть, он вызвал полицию и тянет время, наполняя бак со

скоростью черепахи. Надо уходить.

– Неужели ты бросишь твою «Твинго»?

Алекс в сомнениях оглянулся. Стукач по-прежнему заливал бензин. Сколько еще ему понадобится времени? Алекс наклонился к Максину, полный решимости:

– Тем хуже для «Твинго»! У вас с собой электрическая дубинка?

Максин усмехнулась.

– Он не на нас смотрит, а на тебя.

– На меня? Почему?

– Потому что ты красивый.

Увидев, как смутился Алекс, она пояснила:

– Знаешь, что говорил мне мой муж? «Если на тебя засматриваются, то потому, что ты красивая. Не будь же эгоисткой, дай людям насладиться».

Молодой человек услышал грусть в ее интонации.

– Вы все еще красивая.

Она улыбнулась ему.

– Будь ты лет на десять старше, я бы позволила тебе поухаживать за мной. Но пока, наоборот – на тебя запал этот юноша.

Алекс с оскорбленным видом запахнул полы пиджака.

– А что, уже нельзя заправиться так, чтобы тебя не грабили и не домогались? Разве я хочу слишком многого?

Тут Максин расхохоталась.

– Послушай, обычная жизнь – это для обычных людей. Мы с тобой от нее умрем со скуки. И потом, этот юноша не то чтобы тебя действительно домогался.

Заправщик поставил насос на место. Услышав щелчок, Алекс оглянулся, прошел мимо служащего, не удостоив его взглядом, и сел за руль. Он ждал, что Максин пойдет расплатиться, но она села в машину и спокойно стала ждать. Он не желал поддаваться и некоторое время упорно молчал. Но напряжение пересилило.

– Вы хотите, чтобы меня обвинили еще и в воровстве? Хотите, чтобы я газанул и с визгом колес умчался, не заплатив? Вы забыли, что у нас «Твинго», а не «Мазератти»?

– Я рада, что тебя посетили эти мысли, но хочу, чтобы ты пошел заплатить.

– Почему я? Пойдите вы.

– Нет.

– Почему нет?

– Потому что ты отвратительно обошелся с этим юношей и должен исправить свою ошибку.

– Я обошелся с ним совершенно нормально.

– Ты даже не посмотрел на него. Как будто ты владелец замка, недовольный своей обслугой. Ты возомнил себя хозяином *аббатства Даунтон*, что ли?

– А я думал, вам в доме престарелых разрешают смотреть только «Касабланку» и «Молодые и дерзкие».

– Ну, если ты на диете, это не значит, что нельзя посмотреть на пирожные в меню. Марти подписан на тележурнал, и мы вместе читаем обзоры фильмов и сериалов, которые нам запрещает смотреть Дюрефе. У нас свои способы бороться с оболваниванием, которое нам нагло навязывают. Дюрефе – это *Big Brother* [\[50\]](#) нашего дома престарелых. Она, как у Оруэлла, навязывает всем стандартное сознание и запрещает всякое проявление человеческого, которое не укладывается в эту норму. Ты либо полностью подчиняешься, либо умираешь. Третьего не дано.

– Какое длинное объяснение, достойное «Аббатства Даунтон».

Максин хлопнула его по плечу. Алекс задался вопросом, сколько раз уже она его ударила. Не сможет ли он заявить в полиции, что жертва похищения – он, а не она?

Старая дама протянула ему бумажник.

– Не дури и иди расплатись.

Он нехотя повиновался, бормоча что-то себе под нос. И не обернулся, услышав, как Максин крикнула ему вдогонку:

– Прекрати ворчать, как капитан Хэддок! [\[51\]](#)

Алекс медленным шагом направился к магазинчику, где его терпеливо ждал заправщик. В окно было видно, как тот ему улыбался. Алекс невольно обернулся. Максин тоже ему радужно улыбалась и даже слегка помахала рукой. Он уже собирался помахать в ответ, но заметил, что знаки любезности старой дамы адресованы не ему, а скорее юноше, платившему ей тем же.

Алекс почувствовал себя по-идиотски и, как ни трудно ему было это признать, испытал укол ревности. Отчего почувствовал себя еще более по-идиотски. Он бросил взгляд на Максин в последней надежде,

что на сей раз ее улыбка будет предназначена ему, но та лишь указала жестом, чтобы он шел дальше. Ни улыбки, ни привета.

Он поправил пиджак и застегнул на одну пуговицу жилет. Он должен взять себя в руки. Ведь он уже сумел пережить презрительный взгляд продавщицы «Прада», обвинения в похищении, выступление в караоке, налет грабителя, ночной маскарад в юрте и, кажется, даже депрессию, значит, способен и пойти расплатиться за бензин.

Алекс вошел в магазинчик и вздрогнул от звяканья колокольчика на двери. Он сделал вид, что рассматривает помещение, покрутил пару шоколадных батончиков, в задумчивости прошелся вдоль прилавка, тянул время, краем глаза следя за заправщиком, который терпеливо сидел за кассой и дожидался оплаты. Выражение его лица было чрезвычайно любезным.

Бедняга будет разочарован. Он, наверное, и вправду запал на него, может быть, даже влюбился с первого взгляда и не выдержит удара. Надо действовать аккуратно, чтобы не разбить ему сердце, и в то же время расставить точки над и, чтобы не оставлять напрасной надежды. Через пять минут он подумал, что его поведение может показаться подозрительным и наконец решился заговорить с юношей.

- Я предпочитаю быть с вами откровенным. Я такой хлеб не ем.
- Мы не продаем хлеба.
- Я сплю с другой стороны кровати.
- И кроватей не продаем.
- Я придерживаюсь светлой стороны Силы. [\[52\]](#)
- М-м-м... Я рад за вас.

Алекс чувствовал себя все более и более неловко. Он никоим образом не хотел оскорбить самолюбие юноши, но тот не слишком облегчал ему сложную задачу. Алекс не мог себе позволить долго задерживаться здесь, он был в бегах. Надо было действовать как в случае с повязкой на ране – сдернуть ее одним рывком.

– Я не гей!

Он произнес это гораздо резче, чем хотел.

– У каждого свои недостатки, – спокойно отреагировал заправщик.

Алекс жутко разозлился на себя за эту фразу. Служащий на кассе примет его за обывателя и ретрограда. Ему необходимо было оправдаться.

– Простите меня. Я думаю, что каждый волен поступать, как ему нравится. Каждый имеет право любить того, кого захочет. Да здравствует свобода для мужчин! Да здравствует свобода для женщин! Да здравствует свободная Франция!

Он, наверное, слегка переборщил. Заправщик смотрел на него странно. Казалось, он не знает, куда лучше звонить – в полицию или в сумасшедший дом.

Алекс почувствовал, что нужно говорить помягче. Юноша был обижен, и по его вине. Вот еще один человек, которого он разочаровал.

– Я безусловно разбил вам сердце, и поверьте, мне очень жаль, я сам прекрасно знаю, что значит жить с разбитым сердцем, я только что вышел из депрессии, вызванной несчастной любовью...

– Сорок пять евро шестьдесят центов.

– Я вижу, как вы страдаете, но даже за деньги не смогу. К слову сказать, сорок пять евро шестьдесят центов не так уж много, это почти оскорбительно...

– Вы должны мне за бензин сорок пять евро шестьдесят центов.

Алекс посмотрел на него с сожалением.

– Это все, что вы можете, конечно...

Заправщик впал в отчаянье. Ему наконец-то повезло, хоть какой-то клиент ехал по этой богом забытой дороге, и надо же было, чтобы попался больной на голову. Юноша ничего не понял из галиматьи про «любите друг друга», которую тот нес. Наверняка один из тех хиппи, что останавливаются в юртах неподалеку.

Надо было сохранять спокойствие. Он слышал по радио про гнусное ограбление заправки, та еще была передряга. Там, к счастью, кассиру помогли клиенты, но он-то был один. Уж не милой бабушке, сидящей в машине, его защищать.

Он заговорил ласковым голосом, чтобы не напугать стоящего перед ним чокнутого клиента:

– Послушайте, вы заплатите мне сорок пять евро шестьдесят центов и мы разойдемся. Согласны?

Алекс понимал, что заправщик держит лицо, но в глубине души был задет. Быть может, у него еще теплилась надежда? Нельзя было уехать, не рассеяв ее.

– Говорю вам, я не гей!

– Я понял. Не стоит так нервничать. Я тоже не гей и не делаю из этого проблему.

Алекс посмотрел на него в ошарашенности.

– Вы не гей?

– Нет.

– И не гомосексуал?

– Нет.

Алекс закурил губу и, прищурив глаза, испытующе посмотрел на него сверху вниз.

– Нисколько?

– Нет.

Он не верил своим ушам. Максим наплела ему бог весть что. Он попал впросак. Если только заправщик не врет, чтобы не ударить в грязь лицом. Все же он подозрительно себя вел, когда заправлял машину.

– Тогда почему же вы не сводили с меня глаз?

– Я не смотрел на вас.

– Смотрели! Да как пристально!

– Но вы стояли прямо передо мной. Куда еще мне было смотреть?

– На пейзаж вокруг. Это было бы идеально и избавило от двусмысленных ситуаций.

– На пейзаж мне смотреть уже надоело – я здесь только его и вижу. И потом...

– Что?

– Мне не хотелось особо рассматривать эту бедную старую даму в шапочке, у нее явно плохо с головой...

Алекс вернулся в машину взбешенный. Он не собирался ничего объяснять Максину и погрузился в тягостное молчание.

Старая дама ума не могла приложить, что повергло его в такое состояние. Уж никак не то, что он должен был заплатить за бензин. Что могло произойти? Ему всего-то надо было подойти к кассе, вынуть деньги и отдать нужную сумму, проявив любезность. Разве это так уж трудно...

Конечно, она попыталась рассмотреть, что он там делает, когда его слишком долго не было, но она ничего не могла толком разобрать издали. В ее возрасте нужны были очки для дали, для близи, чтобы видеть по сторонам, сзади, спереди...

Они мотали километры, неумолимо приближаясь к Брюсселю. Скоро наступит конец их путешествию. И просто конец. Максина тряхнула головой. Она не желала думать об этом. Не теперь. Подумает позже. У них с Алексом еще оставалось время побыть вместе, и она этого не упустит. Надо его разговорить.

– Я смотрю, что-то тебя грызет. Скажи что. Надо это пресечь.

Алекс не отрывал глаз от дороги.

– Ничего подобного, все нормально.

– Нет, не все нормально. Что случилось на заправке? Только не говори, что опять было ограбление, а я осталась в стороне!

– Нет, все было окей. Мне даже не понадобилась электрическая дубинка.

– Заправщик был не любезен с тобой?

– Не сказать.

– Он с тобой заигрывал?

– А вот и нет!

После таких слов Максина не знала, что и думать. Сначала Алекс смущался оттого, что юноша смотрел на него слишком настойчиво, а теперь расстроился, что тот с ним не заигрывал. Господи, иногда эту молодежь ну никак не поймешь!

В ее времена говорили либо «да», либо «нет», и все было ясно, четко и понятно. И не устраивали целую проблему из-за одного

несчастливого взгляда. Ухаживали, ходили в кино, на танцы, держались за ручку и женились. Это было гораздо проще. Но ей надо идти в ногу со временем. Мальчик явно был потрясен. И она должна была заставить его объясниться.

– Ты расстроен?

– Совсем нет.

– Я совершенно ничего не понимаю. Ты хотел, чтобы он тебя кадрил или нет?

– Да нет, конечно!

– Тогда чего ты злишься?

– Потому что вы мне внушили, что он гей, а это неправда.

– Мне показалось, что он вполне эгегей.

– Да не эгегей, а гей. Гомосексуалист! Я выглядел полным дураком. Прочел ему целую лекцию про уважение прав людей, в конце, кажется, даже сказал: «Да здравствует свободная Франция!»

– Да, ты немного перегнул скалку...

– А потом...

Алекс замолчал. Он не хотел признаваться Максину, почему он на самом деле так разозлился, но раз уж он начал, трудно было остановиться. Он ее уже хорошо знал, она, не хуже питбуля, впивалась мертвой хваткой в добычу и не отпускала ее до конца.

– А потом он сказал, что находит вас... м-м-м... странной.

– Странной? Меня? Ну, это вообще!

Она гордо поправила на голове *toortsog* и продолжила, покраснев от возмущения:

– Оригинальной, куда ни шло. Свободной, изобретательной, эксцентричной, в крайнем случае. Но только не странной. От странного слышу!

Она схватилась за руль:

– Поворачивай обратно! Сейчас мы объясним этому придурку, что мы о нем думаем. Моя дубинка при мне.

Алексу удалось все же удержать руль.

– Мы не можем возвращаться. Напоминаю, мы в бегах.

Старая дама сложила руки на груди и надулась. Алекс воспользовался ее молчанием, чтобы спросить:

– Вы никогда не думали, что ваше поведение может показаться необычным?

– Необычным – возможно, но не странным. Странное поведение бывает у сумасшедших. А я не сумасшедшая. Во всяком случае пока. Не совсем еще.

В последних словах Максим Алекс уловил грусть и страх потерять контроль над своим рассудком. Это было единственное ее слабое место.

Она продолжала, не глядя на него:

– Я всегда была необычной. Такой родилась. Привычка диктует свои законы.

– Вы ведете себя не как женщина вашего возраста.

– В том-то и дело. Я веду себя соответственно тому, на сколько лет себя ощущаю. В душе я молодая, потому и поступаю не как старуха. Кое-кому это может не понравиться. Видимо, раз я старше, чем людей средней продолжительности жизни, то должна носить фартук в цветочек и коллекционировать меховые тапки. Печь пироги, смотреть телек и вести разговоры исключительно про грядки. Нет уж! Так ведут себя старики, но только не я!

Она замолчала, глядя в окно на мелькавший северный пейзаж. Уже показались вдоль дороги дома из красного кирпича, а на горизонте – угольные отвалы, похожие на черные горы.

Максим наконец прервала молчание:

– Мне иногда кажется, что у меня *locked-in syndrome*^[53]. Меня заключили в тело гораздо более старое, чем я. Но, возможно, после смерти я реинкарнируюсь.

Даже если бы Алекс начисто не верил в подобные вещи, он не стал бы лишать этого слабого утешения старую даму на краю могилы.

– А в кого бы вы хотели переродиться?

– В комара.

– Чтобы смочь летать? – спросил он удивленно.

– Чтобы покусать того идиота, который назвал меня сумасшедшей!

Молодой человек взглянул на нее с нежностью.

– Вы самая молодая из всех, кого я знаю. Рядом с вами даже молодые кажутся старыми. У них нет ни вашей энергии, ни вашего ума, ни вашего остроумия. Вы однозначно моложе меня.

Она повернулась к нему и погладила его по плечу, ласково, как мама.

– А ты самый славный из всех молодых людей.

– А вы со многими из них знакомы?

Она задумалась на секунду.

– Нет. Но ты – мой самый любимый. А это дорогого стоит.

Их взгляды привлекло закрепленное на столбе панно, расписанное флюоресцентными красками.

Алекс был совершенно уверен в реакции Максина. Он только считал про себя – раз, два, три, четыре, пять...

– Ярмарка! – завопила она, как девчонка. – Поехали туда? Ну, пожалуйста, поехали туда...

Молодой человек улыбнулся.

– Хорошо. Но только ненадолго.

– Ура!

И она в восторге затопала ножками по полу «Твинго».

Алекс припарковал машину в сторонке. Он не жаждал, чтобы полицейский или какой-нибудь слишком усердный гражданин сообщил о них в полицию.

Они двигались среди аттракционов. Неоновые вспышки рекламы и указателей окрашивали волосы Максина в красные, зеленые, желтые и синие тона. Здесь царила жизнерадостная какофония, в которой мешались смех, крики, старые французские песенки с каруселей и «современная музыка» – как говорила Максин, недовольно качая головой – с аттракционов для любителей острых ощущений.

В воздухе витал аппетитный аромат сладкой ваты. Максин, как заправская гончая, принялась и взяла след, прямоком устремившись к киоску, источавшему вкусный запах. В разноцветной палатке напротив продавались чуррос^[54] и разнообразные вафли. Максин переводила взгляд с одного на другое.

– Вы хотите сладкую вату?

– Разве кровельщика спрашивают, любит ли он черепицу? Естественно, хочу.

Она не отводила глаз от чуррос, которые продавщица ловко упаковывала в бумажный рожок.

– Вы хотите чуррос?

– Разве дровосека спрашивают, любит ли он дрова?

Алекс не понял, к чему она это сказала, но раз так, то так.

– Мы берем вату или чуррос?

– И то, и другое. Съедем пополам.

Они брели по аллеям ярмарки и останавливались перед некоторыми аттракционами, чтобы поглядеть на катающихся на них людей. Дети смеялись, сопровождаемые умиленными улыбками родителей, подростки и взрослые заходились в крике на экстремальных аттракционах.

Прямо перед ними возникло что-то вроде подъемного крана с двумя гондолами, раскачивающимися на высоте пятидесяти метров. Стоящее перед кассой панно горделиво обещало мощность в пятьдесят герц. От одного только вида летающих лодок у Алекса подступила

тошнота к горлу. Максин указала пальцем на табличку у входа на аттракцион и, изо всех сил стараясь перекрычать отчаянные вопли несчастных, которые решились на этот эксперимент, сообщила:

– «От 7 до 77 лет». Как жалко! Я бы с удовольствием тут покаталась. Это дискриминация. Как ты думаешь, я могу сойти за семидесятисемилетнюю девчущку?

Алекс понимал, что, если Максин соберется пойти на этот аттракцион, он должен будет ее сопровождать, а у него не было ни малейшего желания это делать. Старая дама рисковала получить сердечный приступ, точнее говоря, получить приступ рисковал скорее всего он. Прежде чем ответить, Алекс тщательно и долго жевал свой чурро.

– Я ничуть не сомневаюсь, что вы легко сойдете за элегантную семидесятилетнюю даму, но посмотрите, какая там очередь!

Она проглотила щепотку сладкой ваты.

– Ты прав. Может быть, чуть погодя...

Единственный раз Алекс пожелал, чтобы болезнь Альцгеймера дала себя знать и Максин про это забыла.

Они пошли дальше и уселись на лавочку напротив бамперных машинок. Внутри автодрома куча народу веселилась, врезаясь друг в друга.

– Вот это спортивное вождение! – пришла в восторг Максин.

– И что тут интересного? Все либо толкают кого-то, либо сами получают удары.

– Вот именно! На автодроме как в жизни. Чтобы ехать дальше, ты должен увернуться. Ты можешь катиться в безопасности, оставаясь с краю, но это так скучно. Чтобы тебе было весело, чтобы ты жил по-настоящему, нужно рисковать. Ты должен выйти на середину трассы, должен быть готов, когда понадобится, наносить и принимать удары. Жизнь, как и сеанс бамперных машинок, быстро заканчивается. Ты не должен их упустить.

Она потянула его за рукав.

– Ну, давай! Пошли.

Алекс показал на последний чурро в пакетике.

– Не могу. Я еще не доел.

Она запихнула чурро ему в рот.

– Теперь все.

И, не дав ему время возразить, она решительным шагом пошла в кассу. Вернувшись с билетами, она протянула один ему как раз в тот момент, когда музыка сигнализировала начало нового сеанса.

– А нельзя нам сесть в одну машину? – спросил внезапно обеспокоенный Алекс.

– В жизни каждый сам за себя!

Видя замешательство молодого человека, она добавила:

– Не переживай, я тебя прикрою.

Максин выбрала машинку розового цвета с блестками, Алекс сел в серую, украшенную чешуйчатым орнаментом.

Раздался электронный сигнал, означавший, что можно начинать. Максин не надо было уговаривать – она сорвалась с места как стрела. Она наезжала на всех, кто имел несчастье попасться ей на пути, и встречала каждое столкновение взрывом хохота. Алекс, чья машина стояла с краю, все еще не дотрагивался до педали. Он услышал, как Максин крикнула: «Ну, ты поедешь наконец? Моя бабушка тебя бы обогнала, хоть и ездил в телеге». И она философски заключила: «Кому на месте не сидится, тот горба не наживет».

Алекс с ужасом увидел, как она врезалась в машинку, где сидела дама лет шестидесяти вместе с внуком. Максин с достоинством сказала: «Простите, мадам» и снова подкатила к Алексу.

– Старикам не следует заниматься такими вещами, это им уже не по возрасту!

Она умчалась так же стремительно, как принеслась, расталкивая все машины, которые мешали ей проехать.

Она чувствовала себя легкой. Свободной. Молодой. Ей нравилось ощущать скорость. Нравилось чувствовать, как ветер играет в волосах. Нравилось сжимать пальцами руль. Проскальзывать между двумя машинами, словно угорь между скалами. Нестись навстречу другой машинке и чувствовать, как по ней пробегает волна от удара. Конечно, у нее болели колени, она нечетко видела сбоку, но ее ощущение жизни было таким острым, что она готова была закричать. Налетая на другие машинки, она выплескивала свою злость и свое желание жить. Жить насыщеннее. Дольше. Только бы ей удалось насладиться чем-нибудь еще! В то время как она громко смеялась, глаза ее наполнялись слезами. Ее распирало. От радости, от страха, от злости, от грусти, от смеха. Она гналась за теми, кто неосмотрительно толкал ее, чтобы

затем получить в бок. Она крутилась на месте, чтобы у нее закружилась голова. Она знала, что это не повторится больше никогда.

Алекс не покидал свой безопасный уголок. Видя, как свободно и своевольно ведет себя Максин, он испытывал стыд. Если старая дама могла это сделать, то и у него должно получиться. Но Максин не была обыкновенной старой дамой.

Он зажмурился и нажал на педаль.

В него тут же врезалась чья-то машинка. От удара он открыл глаза. Двое подростков лет семнадцати улыбнулись ему и уехали, звонко смеясь. Так вот, оказывается, что такое жизнь: получаешь удар и едешь дальше? На всякий случай он потер шейные позвонки и, удостоверившись, что может двигать пальцами ног, снова нажал на педаль. Машина понеслась на всей скорости. Он ехал зигзагами, уворачиваясь от других машинок. Он как раз хотел проскочить между двумя пустыми, как вдруг увидел, что на него несется какой-то ненормальный. Он оглянулся – деваться было некуда. Он был зажат между бортиком и двумя припаркованными машинками. Так вот что такое жизнь: получать удары, когда ты наиболее уязвим? Ему ничего не оставалось, как только приготовиться к толчку. Он закрыл глаза, как приговоренный к смерти перед казнью. Затем услышал шум, но удивительным образом не почувствовал удара. Открыв глаза, он обнаружил, что Максин подлетела сбоку и со всего маху атаковала нападавшего.

– Я же говорила, что прикрою тебя.

После автодрома они едва держались на ногах. Издали можно было подумать, что они напились, но на самом деле они были опьянены тем, что только что пережили.

Алекс поддерживал Максин, а она шла с ним под руку скорее из удовольствия, чем по необходимости. Казалось, они были высечены из одного куска мрамора, неотделимые и неразлучные. Они радовались мешанине звуков, густым басам, от которых сильнее билось сердце, запахам сладостей, бегающим детям и гоняющимся за ними родителям.

Алексу казалось, что внутри него словно сняли предохранитель. Он воспринимал все легче, но всем своим существом. Ощущал все острее, как будто его органы чувств наконец-то пробудились. Он жадно впитывал в себя запахи, цвета, звуки, вкусы. Ему захотелось запечатлеть это мгновение.

– Можете одолжить мне ваш телефон?

– Ты хочешь кому-то позвонить?

– Нет, хочу сделать селфи.

– Не знаю, есть ли такое в моем телефоне. Он ведь староват.

Она остановилась и поставила сумку на скамейку, чтобы запустить в нее руки. Поиски продолжались немало секунд. Увидев, как появляются баночка крема от морщин, фарфоровая кошечка и кружка с надписью «I love Paris», Алекс собирался было остановить ее поиски. Но Максин не сдавалась и наконец изъяла из чрева сумки свою старую «Нокию».

Взяв ее в руки, Алекс нажал несколько откликнувшихся громким бипом кнопок, чтобы найти функцию «фотография». Раньше фото делали в видеоинтерфейсе VGA, не гонялись за миллионами пикселей, а просто увековечивали какой-то момент в жизни. Как раз то, что нужно, именно это и хотел сделать Алекс.

Он обнял Максин за плечи, встал к ней щекой к щеке и навел на них камеру.

– Готовы?

– К чему?

– Сделать наше селфи.

Она отодвинулась.

– А это не больно?

– Да нет. Это просто фото нас двоих.

– Ты хочешь попросить кого-то нас сфотографировать?

– Этого не нужно. Я должен только отвести подальше руку и нажать на кнопку.

И он указал пальцем на двух девочек лет двенадцати, которые как раз фотографировали себя, вытянув губы трубочкой и вытаращив глаза.

– Вот, видите, что значит делать селфи.

– Ты хочешь, чтобы я состроила такую же рожу на твоём фото?

– Нет, – засмеялся в ответ Алекс. – Это не обязательно. Они делают так, чтобы казаться покрасивее и похудее.

– Сумасшедший дом!

– Это как сувенир. Мне хочется сохранить воспоминание о сегодняшнем дне, о нас.

– Ладно. Сколько раз можно сняться? Четыре?

– Это не как в фотокабинке. Можно снимать сколько угодно. Готовы?

Она достала из огромной сумки расческу и поправила причёску, хотя её укладка осталась неизменной даже после бешеных гонок на бамперных машинках.

– Фотографии черно-белые или цветные?

– Цветные, конечно.

Она провела по губам перламутровой помадой и пощипала щеки, чтобы придать им румянец. Затем последний раз взглянула в зеркальце серебряной пудреницы, оценивая свой вид.

– Ну вот, я готова. Селфуй меня!

Алекс с нежностью посмотрел на неё.

– Вы очень красивая!

Она снова похлопала его по плечу.

– Прекрати. Ты заставляешь меня краснеть... И я буду на фотографии как помидор!

Алекс положил руку на плечо Максина и наклонился, чтобы быть с ней одного роста. Отвел подальше руку. Раздался щелчок.

– Готово, – удовлетворенно сказал молодой человек.

– Не получилось. Я не видела вспышки.

– Она не нужна. Сейчас светло.

– Как скажешь. Сам убедишься, когда отдашь проявлять пленку.

Алекс рассмеялся.

– Пленку? Я уже сто лет не слышал этого слова. Где она, по-вашему, может находиться в этом телефоне?

– С новыми технологиями все такое маленькое.

– Так вот, Максин, отличная новость – чтобы увидеть фотографии, больше не надо проявлять пленку.

Он нажал на кнопку в телефоне и показал старой даме экран, где появились их улыбающиеся лица.

– Потрясающе! Сделаем еще?

Они сделали целую серию снимков. Максин теперь чувствовала себя совершенно свободно перед миниатюрной камерой. Они снялись улыбающимися, строящими рожицы, с вытянутыми трубочкой губами, с закрытыми глазами, с высунутым языком. На одном из фото Максин подставила рожки Алексу, на другом он целовал ее в щечку...

Когда их артистический энтузиазм поутих, Алекс вернул телефон Максин, которая так аккуратно убрала его в сумку, как будто это было сказочное сокровище. «Нокия» вдруг стала в ее глазах бесценным инструментом, «изготовителем» воспоминаний.

А потом Алексу не удалось увильнуть от поездки на колесе обозрения. У него кружилась голова, и он отчаянно вцепился в тоненькую цепочку, которая чисто символически закрывала их кабинку. Он не решался взглянуть вниз, замерев на деревянном сиденье, как будто кол проглотил. Что до Максин, то она удобно расположилась в кабинке и наслаждалась открывающимся видом.

– Расслабься! Чего ты боишься?

Алекс был неспособен даже говорить и ткнул пальцем в зияющую пустоту, над которой они повисли.

– Упасть?

Алекс кивнул.

– Исключено. Тут все прочное.

И в подтверждение она раскачала немного кабинку.

– Прекратите, – пролепетал Алекс, став бледным как полотно. – Вы знаете, сколько аварий случилось на колесах обозрения?

– Нет. А ты?

– Я тоже не знаю, но уверен, что очень много.

Максин протянула обе руки Алексу.

– Дай твои руки.

– Не могу. Я держусь за цепь.

– Ты правда думаешь, что если будет авария, то эта тоненькая цепочка тебя спасет?

Молодой человек посмотрел на цепочку, потом на руки Максина. По правде говоря, последние казались более надежными и даже, кажется, не такими древними. Он боязливо разжал одну руку, потом вторую и ухватился за руки Максина.

– Очень хорошо. Ты прекрасно справился.

Он не понимал, то ли она смеется над ним, то ли по-настоящему хвалит.

Но у него не хватило духу долго размышлять на эту тему: он ведь мог погибнуть при аварии на колесе обозрения, а потому склонился ко второму варианту, более утешительному.

– Теперь закрой глаза.

Ни за что! Закрывать глаза – это значит потерять контроль над ситуацией. Но, с другой стороны, если придется смотреть, как ты летишь навстречу смерти в оторвавшейся кабинке, то лучше, наверное, послушаться Максина. Алекс закрыл один глаз и немного подождал, чтобы убедиться, что аварии пока нет. Немного успокоившись, он закрыл и второй.

– Прекрасно. А теперь дыши.

Алекс вдруг заметил, что он на самом деле старается не дышать.

– Сосредоточься на дыхании.

Он глубоко вздохнул и почувствовал, как воздух наполняет его легкие. Потом выдохнул до конца. Сделав это упражнение несколько раз, он понял, что его плечи немного раскрепостились.

Все это время старая дама тихонько говорила ему что-то ободряющее. Кабинка продолжала подниматься над горным пейзажем. Максина ощутила, как руки молодого человека разжимаются. Он был готов к следующему шагу.

– Отлично. Можешь открывать глаза.

Алекс очнулся от своих медитаций, думая, что они проехали полный круг. Однако он с изумлением увидел, что они находятся на

самой высокой точке колеса. Он с новой силой вцепился в руки Максина, но промолчал.

– Посмотри, как красиво.

Алекс решился посмотреть по сторонам. Вдалеке черные горы пустых пород, возвышавшиеся над полями, соседствовали с дозорными башнями в городках с прямыми улицами из краснокирпичных домиков. Небо было ясное, на солнце контрастные краски сияли еще ярче, свежий ветерок обдувал лицо. Это было великолепно. Алекс не мог этого не признать. Сам того не замечая, он отпустил руки Максина. И непринужденно откинулся на спинку сиденья. Закончив рассматривать окрестности, он повернулся к старой даме. Он хотел ее поблагодарить. И уже открыл было рот, когда она спросила:

– Ну, тебе это наконец-то нравится?

– Да.

– Не сделать ли нам селфи?

Они уже собирались уходить с ярмарки, чтобы ехать дальше, когда на повороте одной из аллей Максин заметила нечто и остановилась как вкопанная. Ноги у нее словно вросли в землю, и сдвинуть ее с места было практически невозможно.

– Пошли, это обязательно надо сделать, – сказала она, потянув его за рукав.

Теперь уже Алекс застыл на месте.

– Даже не уговаривайте. Об этом не может быть и речи.

Он сопротивлялся как мог, упираясь всеми четырьмя. Указав на прикрепленную к фургону табличку «Мадам Плутон, ясновидящая», он заявил:

– Я к шарлатанам не пойду! Плутон, оказывается, теперь и не планета!

– Ты не веришь в пророчества?

– Ясное дело, нет. Это ловушка для дураков.

– Ты рассуждаешь приземленно, хотя только что пережил неземной опыт.

– Не думаю, что поездку на колесе обозрения можно квалифицировать как «неземной опыт», – возразил Алекс, рисуя в воздухе кавычки.

– Ты не думаешь, что существует что-то, что важнее и сильнее тебя?

– Думаю. Есть много вещей, которые сильнее и важнее меня. И беда в том, что я отдаю себе в этом отчет.

– Значит, ты признаешь, что есть вещи, которые нас превосходят?

– Вы имеете в виду Бога?

Алекс проговорил это шепотом и посмотрел на небо, как будто одно упоминание Бога было способно поразить его громом.

Максин пожала плечами:

– Бог, Шива, Аллах, Будда, ветер, космос, природа и много чего еще. Повсюду имеется что-то неуловимое. Случай, благодаря которому мы с тобой встретились. Любезность, доброта, смех, все это откуда-то берется.

– Это идет от нас. От человека.

– Да. Значит, есть что-то неосознанное, что нас соединяет друг с другом. Некая связь, некие ценности, некое чувство, которые выше нас и благодаря которым вещи такие, какие они есть.

– Да, вполне это допускаю.

– Очень хорошо. Стало быть, ты можешь допустить и то, что существуют люди, способные почувствовать неуловимое.

Алекс скептически посмотрел на фургон.

– То есть предвидеть будущее?

– Почему бы и нет?

– Мадам Плутон? В самом деле? Просветленный ум, контактирующий с высшими силами?

– Ты реагируешь как невежда, полный предрассудков. Избитые фразы мешают тебе правильно мыслить. Думай сам, а не так, как тебя научили другие. Если она занимается предсказаниями в фургоне, то это не означает автоматически, что внутри будут ткани со звездами, хрустальные шары, лапки кроликов, кошачьи черепа и прочие амулеты.

Услышав про кошачьи черепа, Алекс вздрогнул. И не решился перебить Максин, которая продолжала говорить:

– И мадам Плутон совсем не обязательно цыганка с платком на голове.

Алекс злился на себя за то, что он не может мыслить широко. Кто он такой, в конце концов, чтобы судить людей по внешнему виду? Вот так ведь и поступила *она*. *Она* даже не посмотрела в его сторону, *она* даже не попыталась с ним познакомиться, что и повергло его в депрессию.

Его реакция на фургон гадалки была глупой, потому что внешность часто бывает обманчивой. Он сам, в его нынешнем костюме, был совсем другим, нежели в монгольской одежде. А что уж говорить о Максин? Со стороны она походила на старушку – божий одуванчик. Никому и никогда не пришло бы в голову, что она способна в одиночку обезоружить грабителя. Видя ее в плиссированной юбке и лавандовом кардигане, никто бы не подумал, что она больна и едет в свое последнее большое путешествие.

Судить по внешности не просто глупо, это пустое дело.

Гордый своим очередным открытием, Алекс взглянул на фургон мадам Плутон. Напрасно он пытался посмотреть на него другими глазами, ему стоило труда воспринимать его всерьез. Особенно когда он прочел надпись: «Читает ваше прошлое, настоящее и будущее».

– Кому нужно знать свое прошлое? Черт знает что!

– Тем, кто страдает амнезией. Я знаю многих из дома престарелых, кто был бы счастлив, если бы им рассказали об их прежней жизни. Надо, кстати, спросить мадам Плутон, выезжает ли она на дом. Эмильен Лаплас, покойный, все время переживал, что он не помнит, куда дел свою вставную челюсть. Мадам Платон ему бы очень помогла. И Марго Канделье тоже, та все время забывала, куда положила ключи.

Алекс счел этот довод не вполне серьезным, но все же убедительным.

– Ну а настоящее? Мы в нем находимся, и рассказывать нам о нем незачем.

– Иногда нужно отстраниться. Если тебе рассказывают историю про тебя самого и ты слушаешь ее так, как будто говорят о ком-то другом, ты разберешься в ней гораздо лучше.

Алекс был озадачен. Он признавал, что в определенном смысле Максин права... И это, как обычно, его раздражало.

Максин снова дернула его за рукав, но он не послушался.

– Зачем вам знать будущее, если вы хотите с ним покончить?

Едва он произнес эти слова, как они показались ему слишком резкими. Однако старая дама, казалось, на них не обиделась.

– Глупый! Меня интересует не мое будущее, а твое.

– Мое?

– Мне хочется знать, что станет с тобой, когда меня уже не будет. Как ты выпутаешься из этой истории. Встретишь ли ты хорошую девушку, создашь ли семью, найдешь ли работу. Хочется знать, что ты оживешь и расцветешь. Мне мало быть самой уверенной в этом, я хочу, чтобы это подтвердили.

– И вы думаете, что мадам Плутон способна вам столько всего рассказать?

– Безусловно.

Алекс почувствовал, что Максин, как ни удивительно, это было необходимо. Она, видимо, действительно за него волновалась. Он тоже

за нее беспокоился, но никогда бы не подумал, что она может переживать за него. Алекса это растрогало. Родители приучили его воспринимать себя как источник проблем – из-за оценок, ссор с приятелями, нежелания ходить на тренировки по футболу. Он всегда старался не выделяться, держаться в тени, боялся причинить неудобства. И то, что Максин, переживавшая сейчас свою собственную трагедию, беспокоилась о его будущем, потрясло его до глубины души.

Что ему стоило войти в этот фургон ради ее спокойствия? Он надеялся, что прорицательница окажется неплохим психологом, чтобы должным образом удовлетворить любопытство Максина.

– Хорошо, я с удовольствием пойду с вами к мадам Плутон. Если что, мы всегда можем спросить у нее, правильно мы едем в Брюссель.

– Она ясновидящая, а не навигатор.

– Навигатор все же будет полезнее.

Максин хлопнула его по спине, и он наконец двинулся к фургону.

Не судить по внешности. Не быть зашоренным. Алекс повторял эти фразы как мантру, разглядывая логово мадам Плутон.

Он бы рад был сказать, что приятно удивлен. Рад был бы сказать, что вошел в фургон предсказательницы последнего поколения, весь из хромированной стали, с дизайном от Филиппа Старка^[55]. Рад был бы усесться в прозрачное пластиковое кресло лицом к лицу с ясновидящей 2.0^[56], одетой в скромное черное платье и с безупречными ногтями, покрытыми ярко-красным лаком.

Мадам Плутон действительно была одета в черное платье, а на ногтях был ярко-красный лак. Но на этом сходство заканчивалось. Никаких кресел от Старка, лишь пластмассовые садовые стулья грязно-белого цвета. Правда, заботясь об удобстве клиентов, ясновидящая положила на них фиолетовые подушки. Трогательный знак внимания.

Все стены фургона были завешаны набивными тканями с изображениями солнца, луны и прочих светил.

Провидица сидела спиной к чему-то вроде алтаря, в котором стояло множество свечей, подсвечивающих ее лицо оранжевыми тонами.

Хотя Максин с Алексом постучали в дверь, она при их появлении не подняла головы. Казалось, она даже не замечает их присутствия. Возможно, она пребывала в состоянии медитации или общалась с силами вселенной.

От ее низкого голоса молодой человек вздрогнул.

– Я вас ждала.

Максин, явно впечатленная происходящим, обернулась к Алексу. Она слегка толкнула его локтем, словно хотела сказать: «Что я тебе говорила!» И в изумлении спросила:

– Вы знали, что мы придем?

– Разумеется.

– Откуда вы могли это знать?

– Я же не глухая – вы постучали в дверь.

Она жестом пригласила их сесть на садовые стулья, которые скрипнули под тяжестью их тел. От нее исходила даже некоторая доброжелательность, чему способствовали и ее округлые формы. Однако в ее глазах, до того черных, что не видно было зрачка, таилась невероятная глубина, которая одновременно и пугала, и притягивала. Единственное окно в фургоне было закрыто бархатной занавеской гранатового цвета. Танцующее пламя свечей отражалось в ее глазах цвета воронова крыла.

Угловой столик, покрытый цветастой скатертью, украшала ваза с увядшими цветами. Возможно, они были засушены, но в сознании Алекса чудились скорее умершими. Это показалось ему дурным знаком. Вся здешняя атмосфера его слегка пугала. Ему было не по себе среди такого нарочитого мистицизма. Он смотрел по сторонам, изучая все уголки фургона, прежде всего чтобы не встретиться взглядом с ясновидящей. Шарлатанка или нет, но она умела себя подать.

Алекс почувствовал, как кто-то коснулся его ноги. Содрогнувшись, он посмотрел вниз. Ничего. Наверное, ему померещилось. В детстве он боялся темноты и воображал, что ужасные чудовища спрятались у него в комнате. Родители поднимали его на смех. Чудовищ не бывает, и нечего распускать нюни.

Он снова почувствовал чье-то прикосновение, на сей раз у другой ноги. Это уже не фантазии. Алекс быстро наклонился, чтобы защититься от назойливого чудовища. Кот. Черный. Просверлил желтыми глазами Алекса, последний раз потерял о его ногу и удалился, подняв хвост трубой.

– Черный кот – это немного избито, – произнес Алекс, сам того не желая.

Провидица недоуменно посмотрела на него.

– Я нашла его однажды около моего фургона и подобрала. Вы знаете, что черных котов бросают чаще, чем других? У некоторых людей предрассудки сильнее, чем здравый смысл.

– А разве источник ваших доходов не предрассудки?

– Нет, людей побуждает прийти ко мне надежда.

Догадываясь, что имеет дело со скептиком, она обратилась к Максину:

– Чем я могу вам помочь?

– Что вы можете сказать про наше будущее?

Алекса поразило слово «наше». Оно подразумевало, что у них с Максин будущее общее. Благотворная теплая волна прокатилась по всему его телу. Он победил. Она решила жить дальше. Иначе она бы так не сказала.

Старая дама, видимо, не только отказалась от своего зловещего плана, но и собиралась общаться с ним, когда их эпопея завершится. Он посмотрел на нее, блаженно улыбаясь.

Словно читая его мысли, Максин воспользовалась тем, что мадам Плутон сосредоточилась, закрыв глаза и выделявая руками пассы, достойные новейших достижений современной хореографии.

Старая дама прикрыла рот рукой и прошептала Алексу:

– Я ей устроила ловушку. Посмотрим, попадетсЯ она в нее или нет.

И на ее лице появилось хитрое выражение, как у ребенка, решившего пошалить.

У Алекса опустились плечи. Максин не хотела жить. Ему не удалось отговорить ее от ужасного плана. Она сказала «наше будущее» только затем, чтобы выяснить, насколько компетентна в своем ремесле мадам Плутон. Но он-то оказался некомпетентным, не способным вернуть вкус к жизни кому бы то ни было.

– Вокруг вас бродит смерть.

Еще одна, не способствующая оптимизму.

Максин обернулась к нему, вздохнув с облегчением, и снова прошептала:

– А она кое в чем смыслит!

– У вас бурный период в жизни. В ближайшее полнолуние вам это будет более ясно, – возвестила она пророческим тоном.

– А когда наступит ближайшее полнолуние? – живо поинтересовалась Максин.

– Я ясновидящая, а не астроном.

Она снова закрыла глаза и нахмурила брови, прежде чем продолжить.

– Дорога, ведущая к счастью, терниста и загадочна, но таит много чудес. Прошое, настоящее и будущее неразделимы. Время – это нить, по которой мы движемся, как эквилибристы.

Алекс презрительно скривил губы, что не помешало ведунье произнести до конца свою тираду.

– Вы вот-вот обнаружите сокровище. Осторожно! Часто настоящее сокровище совсем не то, которое вы искали.

Она посмотрела прямо в глаза Максин.

– Я вижу белое. Много белого. Вижу, как вы лежите на белой постели.

Старая дама оглянулась на Алекса.

– Она говорит о клинике.

Мадам Плутон продолжала пророчествовать своим низким голосом:

– Какой-то человек, не совсем вам неизвестный, но с которым вы не знакомы...

– Это пустые слова, – не выдержал Алекс.

– Не перебивайте меня!

Ясновидящая не удостоила его взглядом, устремив глаза на пластмассовый столик. Но сказала это резким и не допускающим возражений тоном. Получивший сполна, Алекс осекся. Максин добавила, дав ему подзатыльник. Ну, если они возьмутся за него вдвоем, ему конец. Лучше помалкивать, сжав зубы и дожидаясь, когда это наконец закончится.

Мадам Плутон неожиданно взглянула на потолок. Подчиняясь ее внезапному и впечатляющему порыву, оба посетителя тоже подняли головы вверх и уставились в серый невзрачный потолок. Вдруг она снова опустила взгляд на свой столик. Алекс и Максин снова повторили ее движение. Алекс задумался о том, что она может там увидеть. На столике не было ничего, кроме нескольких безделушек. Возможно, она приклеила к нему шпаргалки, универсальные дежурные фразы, которые она цитировала всем клиентам подряд.

Он слегка наклонился вперед, чтобы проследить за ее действиями. Она бросила на него испепеляющий взгляд, и молодой человек откинулся назад в садовом кресле. Она что, прочитала его мысли? Не может быть. Он почувствовал себя полным идиотом. Конечно, такой старой даме, как Максин, необходимо, чтобы ее успокоили перед лицом близкой смерти, это Алекс волне понимал, но сам-то он не поверит в подобную чушь.

– Мне нужен мой цыпленок, чтобы разобраться.

Эти слова удивили даже Максин.

Ведунья встала и ушла за занавеску вглубь фургона. Теперь они были одни. Алекс воспользовался ее отсутствием.

– Пошли отсюда.

– Не уйдем же мы посреди сеанса.

– Вы называете это сеансом? Я бы сказал, что это сеанс фильма ужасов. Я уже жду, что она сейчас вынесет мумию своей матери.

– Это напоминает мне один фильм...

– «Психо» Альфреда Хичкока.

– Да-да. Очень хороший фильм. Но мадам Плутон ничего общего с Норманом Бейтсом^[57] не имеет. К тому же она женщина.

– Ну и что с того?

– По статистике, женщин-преступниц меньше, чем преступников-мужчин.

– О, теперь я спокоен!.. С нашим везением мы точно попали на единственную психопатку из фургона во всей округе.

Старая дама положила руку ему на колено.

– Да успокойся ты! Все в порядке. Мы вот-вот узнаем твое будущее. Я понимаю, что тебе может быть не по себе в присутствии такой талантливой ясновидящей, как мадам Плутон. Это и пугает, и возбуждает любопытство!

Она захлопала в ладошки и добавила:

– И мы не можем уйти прямо сейчас.

– Почему?

– Сейчас она приведет своего цыпленка.

Мадам Плутон театральным жестом откинула занавеску. Она явно привыкла быть в центре внимания, и Алекс даже подумал в первый момент, не надо ли ей поаплодировать.

Под мышкой она несла рыжего цыпленка. Представитель царства пернатых, казалось, совершенно не был обеспокоен и мирно взирал на посетителей.

– Благодаря ему я смогу рассказать о вас побольше.

Максин с Алексом молча рассматривали птицу. Мадам Плутон тем временем достала из ящика стола огромный кухонный нож и стала им размахивать над цыпленком, бормоча какую-то тарабарщину. Тот вытаращил круглые глазки.

– Не смейте его мучить!

Алекс вскочил, сам того не замечая.

– Оставьте цыпленка в покое!

Ясновидящая, кажется, была раздосадована, но повиновалась. Алекс тут же выхватил нож у нее из рук. Вид у нее был довольно безобидный, но Алекс все же ей не доверял. Цыпленок, по-видимому, успокоился.

– Я не позволю вам прирезать бедное беззащитное животное ради черт знает какого ритуала вуду.

Алекс еще никогда ни с кем не вступал в перепалку. Конечно, он, как и все вокруг, имел свое мнение. Свои ценности. Свои убеждения. Но если он становился свидетелем какой-нибудь неприятной сцены, то не вмешивался. Он, как почти все, делал вид, что не замечает. Возможно, он чувствовал себя смешным, слабым, не имевшим права соваться в чужие дела. Возможно, трусил. Во всяком случае, он никогда не обращался к человеку, слишком громко разговаривавшему в поезде, с просьбой замолчать, когда его толкали, то извинялся сам, и не возникал, если ему неправильно давали в магазине сдачу. Родители приучили его сидеть тихо и не высовываться.

Однако сегодня он вмешался. Встал, чтобы бороться с несправедливостью. Он было спохватился, что подумают о нем родители, но улыбнулся, вспомнив, что это уже не имеет значения. Он

жил не для них, не для других людей. Он жил теперь для себя. И этим он был обязан исключительно Максин. Первый раз в жизни он был горд собой и не чувствовал себя виноватым. Одно только его огорчало: его перерождение произошло в фургоне с этой ведуньей, убийцей невинных цыплят.

– Он абсолютно сумасшедший, – констатировала ясновидящая, обращаясь к Максин.

Максин лишь пожала плечами.

– Скорее – лицо заинтересованное.

И она повернулась к Алексу.

– Я и не знала, что ты так близко к сердцу принимаешь заботу о животных. Это очень хорошо. Люди, которые не любят животных, не могут любить людей. Напомни мне рассказать тебе, как я однажды проникла ночью в одну лабораторию, чтобы освободить бедных зверюшек, служивших подопытными кроликами.

Максин переключила внимание на мадам Плутон.

– Вы меня разочаровали. Я держала вас за ответственную ясновидящую. Разве в моральном кодексе медиумов нет пункта, запрещающего причинять мучения животным?

– У медиумов нет морального кодекса.

Максин была озадачена таким ответом.

Ведунья поняла, что она влипла. Едва они вошли, как она почувствовала, что с ними будет непросто. Парень неисправимый скептик, а старушка, хоть и более вменяемая, но с большими странностями.

Мадам Плутон постаралась пронзить их взглядом. Не тут-то было. Они словно стали непроницаемыми. Устав от попыток повлиять на них, она откинулась на спинку стула.

– Я и не собиралась резать Реми.

– Реми?

Мадам Плутон указала пальцем на цыпленка, который, уже давно пытаясь выскользнуть, рванулся к краю стола.

– Это мой волшебный помощник. Я гадаю на перьях. Читаю по ним будущее.

На Максин это, видимо, произвело впечатление.

Воспрянув духом, ведунья пояснила:

– Редко кто этим владеет. Хотите посмотреть, как это делается?

– Очень! Почту за честь.

И Максин толкнула локтем Алекса:

– Как нам повезло! Не каждый день встретишь гадающую на перьях.

Мадам Плутон ловким движением ухватила цыпленка, готового соскочить со стола. Она осторожно, но твердо потянула за одно перо и вытащила его. Птица покорилась судьбе и лишь слегка пискнула. Однако затем ведунья снова схватила нож, и Алекс засомневался, не была ли вся эта история с гаданием на перьях выдумана, чтобы все же прикончить беднягу. Но мадам Плутон отпустила наконец цыпленка и принялась крошить на мелкие кусочки перо. Она так рьяно предавалась своему искусству, что у нее над верхней губой проступили капельки пота.

– Я вижу две дороги.

Алекс не мог удержаться, чтобы не прошептать Максину:

– Я же говорил, что навигатор полезнее.

Ни ведунья, ни старая дама не обратили на его слова никакого внимания.

– Я вижу две дороги. Ту, которая вам предназначена, и ту, по которой вы идете. Противиться истинному порядку вещей всегда чревато...

– Ваша точка зрения слишком банальна для медиума, – оборвала ее Максина.

– Вы на перепутье. И решение, которое вы должны принять, будет иметь очень важные последствия. Вы проделали длинный путь, но еще не завершили его.

Ведунья повернулась к Алексу и пристально посмотрела на него своими черными глазами без зрачков.

– Вы тоже.

– Я?

Он тут же разозлился на себя за то, что был так наивен.

– Вы раскрываетесь, как цветок, пробивающийся сквозь асфальт, преодолевая трудности. Вы знаете, чем хотите заниматься в жизни?

– Не вполне. Нет.

Никаких определенных планов у него не было. Он учился там, куда его отправили учиться. На юриста. Выучивал наизусть все, что требовалось, особо не вникая. Юриспруденция была хороша тем, что

это наука ясная, четкая и точная. Ты либо имеешь право, либо не имеешь. Но тут было и свое неудобство. Отсутствовала свобода, возможность мыслить иначе. Проще говоря, юриспруденция не оставляла места фантазии. Раньше подобная перспектива не представляла для него проблемы, но теперь он смотрел на вещи иначе.

– Вы куколка на пути превращения из кокона в бабочку.

– Вы сейчас рекомендуете мне стать энтомологом?

– А вы неотесанный молодой человек.

– Мне кажется, я не был невежлив.

– Нет. Я хочу сказать, что вы как будто еще не отесанный камень, необработанный бриллиант. Пока еще ничего непонятно с вами, но затем, как после огранки алмаза, ваша подлинная индивидуальность засверкает при свете дня.

– Моя подлинная индивидуальность? Я не думал, что у меня раздвоение личности. Вы хотите сказать, что я страдаю шизофренией?

Хотя Алекс и хорохорился, в глубине души он понимал, что она права. Он бы и представить себе не мог, что будет способен пережить то, что пережил, и испытать то, что испытал, не встретить он Максина. Она как будто вытащила его из сплошного тумана.

Что произойдет дальше? Что его ждет? Каким окажется его будущее? Он не хотел это показывать, но от слов ясновидящей ему было приятно. Он невольно улыбнулся. Это послужило знаком благодарности для ясновидящей, которая обратилась к Максину.

– Я вижу, мадам, что вас окружает масса людей.

– Умерших?

– Нет, живых!

На лице Максина появилось разочарование.

– Вы не так одиноки, как думаете. Есть люди, которые вас ждут и будут счастливы вас увидеть. Вы окажетесь в очень теплой атмосфере.

– В раю?

Ясновидящая оперлась руками о столик.

– Почему вам везде мерещатся мертвые? Вы больны!

– Совершенно верно.

– Послушайте, кажется, вам нужна не я...

– Вы думаете, надо пойти к другому ясновидящему? Может быть, к тому, кто...

- Что будет после гадания на перьях? Гаданье на кошачьей шерсти? – насмешливо встрял Алекс.
- Вам нужно проконсультироваться со специалистом.
- Да, конечно. Но с каким?
- С психиатром. Вы оба явно не в себе.

– Вот это от ворот поворот! Выставили из фургона! Ну и ну! И впрямь никогда не поздно набираться опыта.

Алекс старался выглядеть спокойным, но он прекрасно видел, что Максин нехорошо. Ее щеки, обычно румяные, побелели. Лицо стало смертельно-бледным. Вокруг глаз легли тени, и она, казалось, сгорбилась под тяжестью своих лет. Она шла гораздо медленнее и тяжело опиралась на руку молодого человека.

Они ушли с ярмарки и двигались к тому месту, где Алекс поставил машину.

Путь на ярмарку они преодолели за несколько минут, но молодой человек предчувствовал, что обратная дорога будет длиться гораздо дольше.

Старая дама остановилась у бетонной скамьи. Дизайнер, вероятно, хотел соорудить нечто современное и в строгом стиле, но вышло совсем не выразительно и мало симпатично. Максин, всегда столь восприимчивая к окружающей красоте, никогда бы не села на такую ужасающую лавку. Она бы предпочла опуститься на траву, чтобы чувствовать что-то живое под ногами. В обычном состоянии она бы прошла мимо.

Сердце у Алекса заколотилось. Что-то было не так. Максин стояла молча. Она, такая говорливая, словно онемела. Она не жаловалась, но Алекс почувствовал, что она еще сильнее оперлась на его руку.

– Давайте немного посидим, – первым предложил он.

Они присели на скамью. Жесткая спинка была ужасно неудобной.

– Вы хорошо себя чувствуете, Максин?

– Все в порядке, дорогой.

– Вы уверены? Вы что-то очень бледная.

– Я просто немного устала.

– Вы? Устали? Не верю!

Алекс старался ее рассмешить, но она в ответ лишь грустно улыбнулась. Он не хотел видеть ее в таком состоянии. Казалось, она сдалась. Не могла же она вот так уйти. Этого не может быть! Он должен был успокоиться. Она устала, вот и все. Это естественная

реакция на их многочисленные приключения. До сих пор она держалась стойко, но имела полное право утомиться.

– Не волнуйся.

Она взяла его за руку своей ледяной, несмотря на теплый день, рукой.

Максин почувствовала себя плохо внезапно. Ей, конечно, не надо было ни гоняться на бамперных машинках, ни есть столько сладкой ваты. Ее почти столетние сосуды не очень ладили с избыточным сахаром и слишком сильным волнением.

Это была ее всегдашняя проблема. Она не знала меры. «Береги себя», говорил ей муж. А зачем? Если нам на земле отпущено так мало времени, а нужно успеть так много. Беречь себя означало жить понемногу, жить мало. Она всегда желала всего и сразу. Делать вещи наполовину – это жить наполовину.

Она не хотела, чтобы Алекс видел, как ей плохо. Не хотела говорить про стучавшие у нее в висках молоточки. Не хотела его волновать.

Она была ему так признательна за проведенные вместе два дня. Она уже давно так не веселилась. Это были два прекрасных дня *ante mortem*^[58], о которых можно было лишь мечтать.

Мысли мешались в ее голове. Неужели она сейчас умрет? Она вздрогнула, представив это, и Алекс сильнее прижал ее к себе. Но она тут же утешилась, думая, что сможет наконец встретиться с Леонаром и Шарлем.

Хотя Максин и не была верующей, она верила в жизнь. Она не могла смириться с мыслью, что после смерти нет ничего. Это слишком удручало, к тому же это было абсурдно. Не могла же смерть служить только для того, чтобы избежать перенаселения Земли. В ней должна быть своя скрытая логика, веская причина, по которой те, кто пересекал последнюю черту, оттуда не возвращались. Там им было до того хорошо, что они оставались навсегда.

Рождаться со сроком годности на упаковке и оказаться в конце концов на помойке – это было слишком прозаично для Максин. Потому она и решила уверовать, что после того, как свет для нее померкнет, ее что-то ждет, и надеялась, что те, кого она любила, встретят ее.

В любом случае, других перспектив, как умереть, у нее не было. Она должна остаться самой собой. Не допустить больную душу в свое больное тело. В конце концов, именно этого она и добивалась. Лучше уйти, покатавшись на колесе обозрения, чем в бездушной клинике Брюсселя. Рядом с Алексом, а не с сочувствующими по долгу службы врачами.

Присутствие Алекса придавало мужества, но ей было так грустно его оставлять. Она чувствовала себя виноватой, что бросает его. Она была ответственна за него. Он был ранимым, но в то же время и сильным. Она-то это знала, но понял ли это наконец он сам?

Визит к ясновидящей не оправдал ее надежд. Она говорила непонятно. Максин не обладала даром читать между строк, ей нужна была ясность и четкость. Ведунья вела речь о каком-то сокровище. Может, Алекс обретет внутренний покой и счастье? Может, он дойдет до примирения с самим собой?

Она бесконечно жалела, что провела с ним так мало времени, но не сомневалась, что ему все удастся.

Она хотела ему сказать, что он должен верить в себя, что умирает она, а не он. Что он не должен останавливаться из-за того, что ее больше нет. Она хотела ему сказать, что, так или иначе, она всегда будет с ним. Она бы хотела еще столько всего ему сказать. Сказать ему спасибо. Они так славно повеселились. У них было такое великолепное приключение. Для нее приключения закончились, но ему предстоит открыть для себя еще столько прекрасного. Она оставляла ему в наследство воспоминания. Не бог весть какие, но для него это будет как ларец с драгоценностями. Когда понадобится, он будет открывать в своей голове коробочку с воспоминаниями и выбирать какое-нибудь подходящее к случаю, и ему будет от этого хорошо.

Она должна найти в себе силы сказать ему все это. Максин прижималась к плечу Алекса, но все же с большим трудом выпрямилась. Она подняла голову и встретила его грустный взгляд. Он ничего не сказал. Он все понял.

Она покачнулась и упала замертво.

Белое. Вокруг нее все белое. Как в тумане. Тело было тяжелым. Если она в раю, то разве не должна быть легкой, как перышко? Голова болела. Она не ориентировалась во времени. Она вспоминала Леонара в военной форме. Собственные девичьи руки на животе, который все рос и рос. Вспоминала, какая боль была и в теле, и в душе, когда у нее отобрали дочь. Вспоминала своего мужа, необыкновенного человека, который вытащил ее из пропасти, куда она провалилась. Их путешествия. Их планы. Их уютные вечера друг с другом. Вспоминала Алекса, этого милого мальчика, сильно рисковавшего, чтобы ее проводить. Глорию Гейнор. Бернара де ла Вильярдьера и какого-то цыпленка...

Некая женщина вдруг оказалась в поле ее зрения. Может, это ангел? Она была красивая и молодая, лет семидесяти. Глаза у нее были красными и опухли от слез. Почему? Что ей было нужно от Максина?

Все у нее перед глазами расплывалось. Веки отяжелели, и она предпочла их прикрыть.

Но что-то не давало ей покоя. Она знала, что должна куда-то поехать. Но куда? У нее была назначена встреча. Но с кем? Она переживала и боялась. Чего? Если бы она знала, что ее пугает. Загробный мир ее притягивал, так легко было поддаться этому искушению. Дать свече погаснуть. В любом случае, воска почти уже не было, и фитиль сгорел. Хватило бы и легчайшего дуновения ветра... И тем не менее она сопротивлялась, сама не зная почему.

Ее подтачивала какая-то болезнь. В этой трезвой мысли было что-то утешительное. Она осознавала, что должна умереть, так зачем бороться?

В ее сознании всплыла картинка. Муж в инвалидном кресле смотрит пустым взглядом в никуда. Самый сильный человек из всех, кого она знала, в таком жалком состоянии. Он уже был не тем мужчиной, которым она восхищалась, но она по-прежнему его любила. Любить тень человека – это все равно любить его. Картинка исчезла, и она знала, даже не касаясь щек, что по ее лицу текут слезы.

Она вспомнила свой переезд в дом престарелых. Это было ощущение апокалипсиса. Конца света. Конца света для нее. Поначалу она решила умереть и отказывалась есть. Теперь и она смотрела в никуда через окно комнаты. А потом встретила Марти, товарища по проделкам, благодаря которому к ней потихоньку вернулось желание жить.

История Марти была до слез банальна. Он был, что называется, любящим отцом. Занимался воспитанием сына, играл с ним в футбол, помогал делать уроки. Потом взял кредит, чтобы оплатить его учебу, выступил поручителем при покупке его первой квартиры. А потом – тишина. Такова жизнь. Она идет дальше и разлучает тех, кто любят, но не берегут друг друга. Работа, семья, дети. Время от времени дедуле приводят внуков. Это позволяет хоть как-то дышать. Но внуки растут, им надоедает слушать дедушкины анекдоты. А бабушка падает в душе, и его отправляют в дом престарелых.

Максин с Марти вели себя как школьники, разыгрывали других стариков и Дюрефе. Их проделки были безобидными, но служили тем глотком воздуха, который не позволял им задохнуться. Двое приятелей, двое сокамерников, двое революционеров, два не стареющих духом, но немощных телом человека.

Улыбнувшись при мысли о Марти, она ощутила на губах соленый вкус слез. Ей хотелось их вытереть, но у нее не получалось. Тело больше не слушалось. Ее мозг был центром управления полетом без командира корабля. Есть ли кто-то из пилотов в самолете?

Поздно. Слишком поздно. Для чего? Ощущение тревоги сковало ей грудь и не давало дышать. Она смутно почувствовала, как ей накладывают на лицо кислородную маску. Дышать стало легче, но камень по-прежнему давил на грудь. Неприятные мурашки бегали по всему телу. Голова готова была разлететься на куски.

Настало время погасить свет.

Ее ждала полная темнота.

У Алекса чуть не выпрыгнуло сердце. Точнее, оно упало. Как будто пролетело через все его тело, чтобы разбиться о землю. Он знал выражение «душа ушла в пятки», но неужели там могло оказаться и сердце?

Он чувствовал в душе пустоту. Но пустоту, странным образом наполненную чем-то. Голова его тоже была словно набита ватой. Однако, объективно говоря, он все сделал правильно. Вызвал «Скорую» по старому мобильнику Максин. Смог объяснить, где они находятся. Когда они приехали в больницу, сказал врачу, что старая дама страдает Альцгеймером...

При всем том у него было ощущение, что он не доглядел. Хорошо знакомое ему ощущение, что он потерпел неудачу, хотя упрекнуть себя было не в чем. Неудача даже в успехе. Кроме того, он был зол на себя. Он, конечно, не должен был разрешать Максин кататься на машинках и, что еще хуже, на колесе, и тем более есть эту дрянь. Больной Альцгеймером наверняка должен соблюдать особый режим, и ему надо было разузнать какой.

Визит к ясновидящей тоже оказался нехстати. Максин вышла от нее неприятно пораженной.

Максин была на грани между жизнью и смертью. И ответственность за это лежала на нем. Ему вообще не надо было ввязываться в эту историю. Когда он увидел ее у дверей дома престарелых, она показалась ему такой беззащитной. А когда она призналась ему в своих планах по поводу эвтаназии, он должен был остановиться, повернуть назад и вернуть ее в дом престарелых. Но он решил, что сможет ее разубедить. Какой же дурак! Как можно было подумать, что ему удастся хоть как-то повлиять на такую женщину, как Максин?! Ей было суждено умереть в брюссельской клинике, а из-за него она потеряла сознание и упала на бетонную скамью при выходе с ярмарки. Она была бы в большей безопасности в какой-нибудь больнице, но можно ли быть где-нибудь в безопасности, когда умираешь? Так, по крайней мере, она уснула у него на руках.

Алекс не знал, что думать. Был ли он прав, продолжая эту безумную затею, или виноват, проявив слабость? Он был бы рад считать, что выполнил последние желания умирающей женщины, но действительно ли это было так? Возможно, следовало проявить твердость. Отказаться везти ее. Насильно водворить в дом престарелых, как раз к началу «Вопросов для чемпионов». А потом сесть одному в «Твинго» и забыть про нее.

Никогда. Никогда он не сможет ее забыть. Отношения, которые завязались между ним и Максин, были самым важным событием, которое он пережил в своей жизни. Они перебили даже его депрессию. Они вернули ему желание жить.

Конечно, жизнь ему подарила мать, но именно благодаря Максин у него появились силы идти дальше. Она показала ему, что существует люди, которые могут его любить и уважать. Она подарила ему свое полное доверие. Внушила мысль, что в будущем все будет не так плохо.

Но разве его будущее мыслимо без Максин? Теперь он чувствовал себя более сильным, и однако знал, что без нее, без ее поддержки его оптимизма хватит ненадолго.

Ему несказанно повезло встретиться с такой необыкновенной женщиной, как она, и он не был готов ее тут же лишиться. Что теперь делать? Молиться какому-нибудь богу о ее чудесном выздоровлении? Что же он должен сделать? Ему была невыносима своя беспомощность, она жгла его, от нее хотелось завывать. Сознание, что судьба близкого ему человека от него не зависит, было пыткой. Молча смириться с этим становилось все труднее. Как он может поставить крест на их дружбе?

Его рука машинально опустилась в карман и вынула оттуда «Нокию». Он с облегчением подумал, что старая дама была как ее телефон – прочной и надежной независимо от моды и времени. Пальцы Алекса, словно по собственному желанию, нажимали на кнопки, пока не нашлось то, что он подсознательно искал. Селфи, сделанные на прогулке по ярмарке. В глазах Максин тогда было столько энергии! Разве можно представить, что она лежит на больничной койке с закрытыми глазами?

Множество морщин на ее лице отмечали разнообразные периоды ее жизни, они походили на тропинки, приведшие ее к нему. Они вовсе

не были стигматами или рубцами, оставленными трудностями, которые ей пришлось пережить. Это были ее трофеи. Максин пришлось столкнуться с тяжелой жизнью, и она вышла победителем. Ему так хотелось, чтобы она одержала победу и в этой схватке.

Алекс был удивлен, увидев на фото, как он расцвел рядом с ней. Этот молодой человек, улыбавшийся до ушей и строивший забавные рожи, был ему незнаком. Зеркало никогда не дарило ему подобного отражения, это Максин сделала его красивым. Ведь она видела в нем лучшие его стороны, и постепенно они проявились и в его внешности. Она материализовала то, что прежде было лишь вероятным.

Он почувствовал себя эгоистом. Кто он такой, чтобы требовать от нее снова бороться? Она всю жизнь сражалась, но сейчас потерпела поражение. Если ей суждено угаснуть сегодня, пусть это случится. Если ее тело больше не может ее защищать, пусть сдастся. Если мозг изнемогает, пусть прекращает работать. Занавес опускается. Конец спектакля.

Она говорила ему, что мы сделаны из звездной пыли. Жизнь зародилась после взрыва светил, остатки которых наполнили Землю. Превратится ли Максин в звезду? В звезду, которая, умерев, вернется на Землю, чтобы дать начало новой жизни? Нет, она не умрет совсем, она возродится. Частица ее прилетит обратно на нашу планету. И она станет бессмертной. Как бы ему хотелось в это верить!

Когда врач спросил его, какие лекарства принимает Максин, он не знал, что ответить. Тогда доктор предложил ему посмотреть, что у нее в сумке. Алекс поначалу не решался. Некрасиво копаться в чужих вещах, особенно если их хозяева лежат в больнице.

И потом, рыться в сумке Максин – это поступать так, как будто она уже умерла. Как будто он, Алекс, падальщик или кладбищенский вор. Он знал, что сумка единственное, что у нее оставалось, и что в ней она хранила все самое для себя драгоценное. Но он вынужден был преодолеть свою щепетильность, поскольку требовалось узнать, чем она лечилась.

Алекс осторожно запустил руку в огромный вещмешок. Нашупал пистолет-зажигалку, *toortsog*, мигалку. С каждой вещью было связано какое-то воспоминание, это и трогало его, и причиняло боль. Это и называется меланхолия – теплое воспоминание, от которого становится грустно на душе. Поединок между счастьем от того, что

тебе выпало прекрасное мгновение, и грустью из-за того, что оно прошло. Больше всего было понимать, что они уже никогда больше не смогут пережить вместе подобный опыт. Эта непреложная истина ужасала. Как выяснялось, неуверенность была не всегда плоха.

Он продолжал исследовать сумку, как вдруг его рука нащупала бумажник. Он достал его с таким трепетом, как будто это была священная реликвия. Ему казалось, что он вторгается в святая святых больной. Интересно, испытывал ли то же самое Говард Картер^[59], когда первым проник в гробницу Тутанхамона?

Алекс нехотя отогнул клапан бумажника, чтобы посмотреть, нет ли внутри каких-то медицинских инструкций. Зная Максин, он был почти готов увидеть там какие-нибудь указания следующего содержания: «Если вы найдете этот бумажник, позвоните мне. Если вы найдете этот бумажник на мне после моего приступа, прикончите меня». Но никаких записок там не было, одни визитки – ресторанов, такси, слесарей, спортзалов, банкиров, трубочистов... Она говорила правду, утверждая, что их коллекционирует. Две были особенные. Клиника в Брюсселе и дом престарелых. Должен ли он туда позвонить? Должен ли сообщить в полицию?

Алекс наврал врачу, что он внук Максин. Иначе ему бы не разрешили остаться с ней. Нужно ли ему предупредить в брюссельской клинике, что Максин не сможет оплатить свой визит? Надо ли звонить в дом престарелых, чтобы сказать, где Максин? Должен ли он позвонить Марти и рассказать, в каком она состоянии?

Она никогда не попадала в подобную ситуацию. Что делать, он не знал, а единственный человек, который мог бы ему помочь, лежал в больничной палате.

Он тысячу раз предпочел бы, чтобы вместо нее оказался он. Если бы мог поменяться местами с Максин, то не задумываясь сделал бы это. Он не ценил свою жизнь, тяготился ею, тогда как она всегда находила в ней вкус и дорожила каждым мгновением. Так что он спокойно бы ее отдал, чтобы спасти Максин. К сожалению, мир устроен не так просто. И не справедливо.

Его пальцы коснулись твердого потрепанного края старой черно-белой фотографии. Он увидел молодого светловолосого человека в военной форме с винтовкой Лебея на плече. Его поза и костюм выглядели внушительно, хотя в глазах и сквозила ирония. Он выглядел

счастливым, но понимающим, что все скоро закончится. Алекс заглянул на обратную сторону снимка и прочитал сделанную красивым подчерком с нажимом на стволе букв и завитками надпись, которая въелась в бумагу: «Леонар. 1940. До встречи на небесах».

Алекс невольно попал под обаяние молодого солдата. Он задумался, какой была бы у них с Максин жизнь, если бы он вернулся с фронта. Был бы он хорошим мужем? Была бы она с ним счастлива? Стал бы он хорошим отцом? Жили бы они с дочкой в милом деревенском домике?

Его трагическая смерть сломала судьбы его жены и дочери. Он был первой фишкой в цепи домино, повалившей остальные.

Вторая фотография была аккуратно сложена. Она выцвела, и стала светло-оранжевая. На ней можно было видеть мужчину лет примерно сорока, в костюме из коричневого твида. Ироничная улыбка оживляла его лицо. Увидев его, Алекс тут же понял, чем он очаровал Максин. Он выглядел как надежный и безмятежный человек, который либо владел истиной, не ведомой остальным, либо догадался, что истину обнаружить нельзя. Алекс почувствовал невероятную признательность этому человеку, сумевшему поддержать Максин в ее горе.

Внезапно ему стало не по себе. Он не имел никакого права так копаться в прошлом старой дамы. Он не был ее родственником, и ничто не могло оправдать его бесцеремонного вмешательства. Он совал нос не в свои дела, не в свою жизнь.

Он хотел аккуратно положить фотографии на место, но внутри что-то мешало. Он нажал на них посильнее. Никак. Прошрое, выскочившее как чертик из табакерки, не хотело утрамбовываться обратно. Он провел пальцем внутри бумажника и обнаружил бумажный комок. Он-то и мешал. Алекс достал его и пошел к мусорной корзине, чтобы выбросить. В последний момент что-то его остановило. Он развернул бумажку и обнаружил на ней то, что должно было либо вернуть Максин к жизни, либо окончательно ее убить.

Чьи-то зеленые глаза. Изумрудно-зеленые, с покрасневшими и опухшими веками. Они пристально смотрели на нее. Максин очень хотела спросить, где она, но губы у нее пересохли. В горле стоял ком, как будто его сдавили обручем. Вполне вероятно, она никогда больше не сможет разговаривать. Но разве это кого-то расстроит?

Зеленые глаза неотрывно смотрели на нее. Было что-то знакомое в этом взгляде. Жаль, что она так нечетко видела и не могла рассмотреть все лицо. Это не были глаза Алекса, она точно знала. Но чьи тогда?

– Алекс?

Она удивилась, до чего неразборчиво и тихо сказала это. Слово произнеслось само. Но оно было первым, которое возникло у нее в голове. Внезапно ее охватило сомнение. Не приснилось ли ей все? Был ли на самом деле Алекс? По-прежнему ли она в доме престарелых? Нет, она была в больнице. Запах антисептиков щекотал ей ноздри.

Кто-то взял ее руки в свои, слегка влажные.

– Я здесь, Максин.

Она поморгала. Молодой человек выглядел теперь старше. В его взгляде была прежняя беззащитность, но осанка изменилась.

Сколько она пробыла без сознания? Минуту? Час? День? Год? Ужасная тревога охватила ее. Он, должно быть, почувствовал это, потому что сильнее сжал ее руки.

– Все в порядке. Вам стало плохо. Вы в больнице.

Он подал ей стакан воды с соломинкой. Прохладная жидкость промочила горло, успокоив мучительную резь.

Максин начала приходить в себя. Она вспомнила ярмарку, поход к мадам Плутон, бетонную скамью, мигалку «скорой» и темноту, которая ее манила к себе.

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться и взять себя в руки. Потом захотела сесть, и Алекс подложил ей под спину подушку.

– Так хорошо, – сумела она проговорить.

– Я уж думал, вы умерли!

– Не ставь телегу впереди шкуры неубитого медведя.

Алекс тихо засмеялся, а на лице у него появилось странное выражение. Максин не понимала, что оно значит. Он переминался с ноги на ногу, как и каждый раз, когда его что-то беспокоило. Как будто он натворил глупость и собирался в ней признаться. Но в то же время глаза его сияли. Казалось, он разрывается между страхом и гордостью.

– У меня для вас сюрприз, – робко сказал он.

Она непроизвольно напряглась. Сюрпризы не всегда бывали хорошими. Душа у Максин к ним не лежала, и она не знала, выдержит ли ее сердце. Она надеялась, что Алекс не позвонил в дом престарелых и что за дверью не ждут полицейские.

Алекс ощутил, как у него по спине стекает пот. Может, он не прав? Может, совершает непоправимую ошибку? Справится ли Максин с таким ударом? Ведь не для того она ожила, чтобы он ее тут же отправил на тот свет. Он снова начинал сомневаться. Наверное, еще не поздно все отменить?

Нет-нет, это невозможно. Слишком поздно. Отступить нельзя. Алекс отпустил руки Максин и отошел в глубину палаты.

На его месте появилась женщина. У зеленых глаз было лицо. Женщина сгорбилась, словно от сильного волнения. В руке она держала бумажный носовой платок. Она вдруг заметила это и быстро сунула его в карман. Женщина смотрела на Максин так пристально, что это могло бы ее шокировать, если бы она не догадалась.

Но она поняла. И невольно подумала, что вот-вот умрет. Она четко уловила, что ее сердце остановилось на несколько секунд. Ну, что ж, если она уйдет сейчас, то, по крайней мере, уйдет счастливой. Она переживала мгновение, о котором мечтала и которого боялась всю жизнь.

Алексу не нужно было никого представлять. Каждая прекрасно знала, кто перед ней.

Первое, что она обнаружила, придя в себя от шока, – что ее дочь старая. Она, конечно, помнила, что Леони исполнится семьдесят пять лет в следующем месяце. Но вид морщин у нее на лбу придавал ей реальный облик, к которому Максин не была готова. Глубокие складки вокруг рта свидетельствовали о ее жизнелюбивом характере. Морщинки вокруг глаз в иной ситуации, должно быть, говорили о том, что она любит посмеяться.

Как и Максин, она была невысокой и стройной. Как и Максин, была одета в застегнутый на все пуговицы кардиган. Как и у Максин, у нее на скулах были веснушки. Как и у Максин, на голове у нее была аккуратная укладка.

Хотя внешнее сходство не было столь очевидным, обе женщины были чем-то очень похожи. Та же невероятная жажда жизни, те же оптимизм и неистребимая сила.

Но Леони походила на отца. Видеть это Максин было и радостно, и тяжело. У нее был его взгляд и его ироничное выражение лица. Она подошла к кровати и собиралась заговорить, но осеклась. Мать поняла, что проявить инициативу нужно ей. Именно она должна сделать первый шаг, но она не понимала, с чего начать. Она всю жизнь искала ответ на этот вопрос, так его и не найдя. Что она может сказать дочери, которую бросила? Просить прощения? Прощения ей не было. Что-то объяснить? Ее поступок ничем не оправдаешь. Она сдалась. Струсила. Она корила себя за это. Она подарила жизнь ребенку, но так и не стала матерью. Именно по этой причине у нее больше не было детей. Она не хотела никем заполнять отсутствие Леони. Страдая, отчасти искупаешь свои ошибки.

Волнение было слишком сильным, и Максин слишком долго его сдерживала. Оно походило на лаву, которая терпеливо копится под землей, чтобы потом неудержимо хлынуть на поверхность. Эмоциям пора было прорваться. Несколько слез засверкали в уголках глаз Максин. А потом они обрушились потоком. Слезы ярости, грусти, отчаяния. Слезы по всему, что было загублено.

– Мне так жаль...

Она не сказала, а простонала это.

Слезы дочери смешивались со слезами матери. Горячие и соленые. Никаких объяснений не требовалось. Не сейчас. Не сразу. Позже. В эту минуту единственное, что было им нужно, это их объятия. Леони не отпускала Максин, словно боясь, как бы она снова не исчезла. Сквозь слезы Максин видела, что Алекс смущенно сидел в стороне. Она догадывалась, что виновником их встречи был он, хотя и не понимала, как он смог это осуществить.

Молодой человек сидел, замерев. Он не хотел оставлять Максин, но чувствовал себя лишним. Однако, когда он вежливо предложил

оставить их наедине, Максина отказалась. Она не соглашалась, чтобы он отсутствовал при таком важном для нее событии.

Видя ее бурную реакцию, он подумал, что не надо было звать сюда Леони. Это было слишком рискованно при столь хрупком здоровье Максина. Он ее погубит! Когда он увидел имя и номер телефона, нацарапанные на клочке бумаги из сумки Максина, он сразу догадался. Это была та самая записка Шарля с координатами ее дочери. Тогда Максина решила не звонить ей, чтобы не будоражить ее и не разочаровывать. Одним словом, из страха. А зная, что умирает, не хотела сообщать ей плохую новость.

Алекс понимал, что, действуя таким образом, он шел наперекор желанию Максина. Но он был убежден, что на самом деле ей это было нужно. Ей надо было уйти с миром. Необходимо, чтобы она перед смертью увидела свою дочь. Так же, как это необходимо было для Леони. Иначе бы Максина ушла как малодушный трус. Но вот уж кем-кем, а трусом она не была никогда.

Теперь, видя мать и дочь вместе, он точно знал, что поступил правильно, и испытывал счастье оттого, что смог оказать эту последнюю услугу своему другу. Он чувствовал себя обязанным Максине за все, чему она его научила в эти два дня. Своим поступком он возвращал ей маленькую толику своего долга. Он поздравлял сам себя с тем, что обнаружил этот клочок бумажки. Случай иногда правильно распоряжается ходом вещей. Алекс вспомнил фразу Эйнштейна: «Случай – это Бог, который путешествует инкогнито». Про Бога он точно не знал, но Шарль здесь появился наверняка.

Давление немного снизилось. Атмосфера в стерильной больничной палате еще была насыщена переживаниями, но потоки слез остановились. Женщины пребывали в принесшим облегчение оцепенении. Максина нашла в себе мужество объяснить дочери, почему она ее оставила. Удивительно, но чем дольше она говорила, тем легче ей становилось. И тем не менее каждое слово давалось с большим трудом, обнажая, как оказалось, незатянувшиеся раны. Она слышала звук слов, сходящих с ее губ, как будто за нее говорил кто-то другой. Она смотрела со стороны на свою историю. Благодаря такому отстранению она осознала, что не должна брать всю ответственность за эту ошибку на себя одну. Тут было две жертвы, а не одна.

Эта разлука долгое время лежала камнем на сердце Максина. Возможность объясниться с дочерью и попросить у нее прощения принесла ей успокоение.

Леони слушала ее, не прерывая. Она лишь временами кивала головой. Казалось, она странным образом даже обрадовалась, словно рассказ матери соответствовал ее ожиданиям. Максина заметила, что Леони, как и большинство оставленных детей, считала, что это результат ее вины. Что она сильно разочаровала своих родителей и потому они предпочли расстаться с ней навсегда. Этим детям даже не приходило в голову, что они не виновные, а потерпевшие.

Узнав, что отец умер еще до ее рождения, Леони охнула. Но Максина так подробно его обрисовала, что у нее возникло впечатление, будто она знала его лично. Старая дама описала, как они вместе росли, что любили, чему радовались, от чего огорчались, так что отец предстал перед Леони как живой.

Затем Максина рассказала о родах и расставании. О физической боли, которая позже прошла, и о душевных страданиях, не отпускавших ее всю жизнь. Она призналась Леони, что никогда не переставала думать о ней и жалеть, что не может с ней пообщаться. Говорила, что рисовала в своем воображении всю жизнь дочери – ее первый день в школе, ее первую любовь, первый диплом, первый дом, ее первого ребенка...

А Леони поведала, как сложилась ее судьба, Максин и Алексу, внимавшим ей, как дети, которые смотрят в рот сказочнику. Ей пришлось пережить то, что обычно называют неудачным стартом. Мало того что ее забрали у матери, сложные роды и грубое обращение акушерок, принятое в те времена, вызвали осложнения. Дочь словно расплачивалась за ошибки матери. У нее был вывих плеча и не полностью сформировавшиеся легкие. Поэтому она провела несколько месяцев в отделении неонатологии. Однако Леони повезло в несчастии, и ее удочерил лечивший ее врач. У нее было два брата, старший и младший. Ей выпало счастье жить в любящей семье, в доме с садом и псом, верным товарищем по играм.

Тем не менее у нее сохранилось ощущение уязвимости, которое она побеждала благодаря целеустремленности. Она упорно старалась быть лучшей во всяком деле, за которое бралась. Став спортсменкой, она вошла в сборную команду Франции по синхронному плаванию, участвовала в марафонах Парижа и Нью-Йорка.

Детская психологическая травма подтолкнула ее к тому, чтобы учиться на акушерку. Ей нравилось видеть счастливые лица новоиспеченных родителей, которым выносили младенцев. Разумеется, она видела, и как матери отказываются от детей. В таких случаях она считала своим долгом приласкать малышей, дать им побольше человеческого тепла, чтобы они чувствовали, что их любят. Она-то отлично понимала, до чего это важно.

Своего будущего мужа она встретила на вечеринке, организованной общими друзьями. История вполне обычная, но от этого не менее прекрасная.

– Вы замужем? – спросил он ни с того ни с сего.

– Нет.

– Тем лучше. Это избавит меня от необходимости драться на дуэли. Фехтую я плохо, а мушкетеров в наши дни не найти. Через год мы поженимся.

Ее развеселила такая самоуверенность, и она над ним посмеялась. Через полгода они сыграли свадьбу.

Он был архитектором. Ей нравилось думать, что они своими профессиями помогали людям рождаться и иметь крышу над головой.

У них было трое детей. Все приемные. Леони предпочла исправлять чужие ошибки. Она воспитала их в любви и уважении. Все

трое выросли хорошими людьми, и она гордилась этим. Она растила их, вдохновляясь примером своих родителей. Ее приемная мать была одновременно домохозяйкой и художницей. Мамины картины сопровождали Леони все ее детство. А любовь к жизни и свободомыслие придало приемной дочери уверенность в себе, которой ей так не хватало.

Она испытывала глубочайшее отвращение к любой форме несправедливости. Вышла на улицы в мае 1968 года. Активно работала в различных ассоциациях и интересовалась политикой.

Слова лились и лились, но в конце концов их поток иссяк. Наступила тишина, необходимая каждому из них, чтобы осмыслить только что услышанное.

Слушая исповедь Леони, Алекс заметил, как много было общего у матери и дочери. Одни и те же свойства характера, требования, убеждения. Увидев сияющие глаза Максина, он догадался, что она думала о том же самом.

«Беззвучный крик тоски»^[60] наполнял теперь палату. Эта строчка из Превера преследовала Алекса. Как он мог столь точно описать то, что здесь происходило? Все молчали. Все трое были слишком поглощены своими мыслями, слишком старались делать вид, что все хорошо. Слова нарушили бы волшебную атмосферу, в которой время исчезло.

Максин эта встреча, которой она так страшилась, принесла облегчение. Однако радуясь ей, она чувствовала себя эгоисткой, так как знала, что должна будет опять оставить свою дочь. Жизнь, как и болезнь, бывает иногда очень сурова. И не надо тянуть время. Она терпеть не могла душераздирающие прощания и хотела расстаться быстро и спокойно. Зачем обрекать свою дочь на лишние страдания.

Как ни странно, Максин вспомнила слова из песни Далиды^[61]: *«Да, я хочу умереть на сцене, с искрящейся душой, умереть легко, на последнем свидании»*. Ее сцена – больничная кровать с белыми накрахмаленными простынями, но душа у нее искрится. Из серой и блеклой она, окрашиваясь разными оттенками, превратилась в сияющую всеми цветами радуги. И у нее, Максин, случилось даже не одно, а два последних свидания, с Алексом и с Леони.

Ей несказанно повезло встретить их на своем пути. Круг замкнулся. Необходимо было расстаться с молодыми в здравом уме. Так, по крайней мере, она будет окружена двумя любящими людьми и здесь, и там, где, как она надеялась, ее уже ждали. Хотя при мысли о расставании с Леони и Алексом сердце ее разрывалось, она утешалась, думая, что они позаботятся друг о друге.

Алекс чувствовал, что происходит в душе у Максин. Они уже стали достаточно близки, чтобы он был способен это понять. Совместный побег создает прочные связи между людьми. Алекс выразительно посмотрел на Максин, и она грустно улыбнулась в ответ.

– Мне пора прощаться с вами.

Алекс подался вперед и вцепился в спинку кровати.

– Еще не время, Максин.

Она пожала плечами.

– Вам надо побороться. Врач сказал, что сделают анализы...

– Я прекрасно знаю, что со мной. И не нуждаюсь в том, чтобы какой-то тип в белом халате это подтвердил.

Она легла на спину и скрестила руки на груди на манер средневековых надгробных статуй. Потом, приняв благообразный вид, закрыла глаза.

Воцарилась тишина. Леони едва сдерживала глухие рыдания и готова была броситься обнимать мать, которую она наконец-то узнала. Однако Алекс аккуратно, но твердо удержал ее за руку и наклонился к старой даме.

– Что это, позвольте спросить, вы делаете? Думаете, вы фараон, что ли? Я не готов бальзамировать ваше тело. Я, конечно, понимал, что вы старая, но не представлял, до какой степени!

Максин открыла сверкающие гневом глаза и уселась со стремительностью, поразительной для человека, отдавшего богу душу. А затем со всего маху треснула Алекса по плечу.

– Я не старая, а винтажная! И, как все винтажное, я вхожу в моду.

– Или выходите из нее.

Алекс получил еще одну затрещину. А на лице Максин появился легкий румянец.

– Я не дряхлая, а старинная. И, как все старинное, я редкая и ценная.

– Или разбитая.

– Разбитое можно склеить.

– Рад это слышать от вас.

Максин промолчала, видя довольно улыбающегося Алекса. Она нахмурила брови, а потом весело расхохоталась. Ученик превзошел учителя.

Леони молча присутствовала при этой странной перепалке. Она не все поняла, но увидев, что Максин обрела силы, успокоилась. Может, она-таки успеет узнать поближе свою мать?

Врач вошел в палату без стука. Впрочем, он, возможно, и постучал, но никто не услышал. Это был высокий и худой мужчина, с осунувшимся и почти серым лицом. Алекс уже видел его раньше, но из-за опасного состояния Максин не разглядел внимательно. Обнаружив, что он выглядит усталым или даже больным, Алекс пришел в замешательство. Разве врач не должен быть живой рекламой

своей больницы? Он бы доверял больше эскулапу атлетического телосложения, розовощекому, белозубому и аккуратно причесанному. Тогда как этот, казалось, встал в три часа ночи и сунул пальцы в розетку, чтобы проснуться. А Алекс хотел, чтобы у Максина было только все самое лучшее.

Врач оглядел палату и сфокусировал взгляд на старой даме. Он медленно пошел к ней торжественным шагом, словно собирался объявить плохую новость. Его тяжелые шаги по сероватому липучему линолеуму раздавались столь ритмично, что молодой человек вздрогнул. Из кармана его халата выглядывали очки. Подслеповатый врач. Не зря Алекс отнесся к нему с недоверием. Он хотел идеального врача, который принесет только хорошие новости.

Врач достал очки, водрузил их на кончик носа и прокашлялся:

– Мадам...

– Максин, – перебила она его.

Он поправил очки.

– Как вам будет угодно. Максин, Вы попали к нам после обморока...

– Не тратьте попусту слова! Я прекрасно знаю, что вы скажете.

– Не уверен.

Она в удивлении широко открыла глаза. На мгновение они схлестнулись взглядами, не собираясь сдаваться.

Максин взорвалась:

– Если у вас белый халат и трубка на шее, по-вашему, вы лучше меня знаете, что со мной?

Максин кипятилась, глаза ее метали молнии. Она грозно направила палец в сторону врача:

– Вам про меня не известно ничего: ни кем я была, ни кто я есть, ни кем буду. Вы еще не ощущали предвестия немоги. Для вас я лишь набор симптомов. Максимум – интересный случай. На худой конец – обуза, которую сбавривают, прописав паллиатив. Вы мните себя Богом, запрещая мне умереть достойно и по убеждению, потому что это напоминает вам, что вы смертны. Вы тоже станете старым и больным, и ваш Гиппократ вам не поможет!

Врач выдержал удар с иронией во взгляде. Он повернулся к Алексу:

– Ваша бабушка всегда так себя ведет?

– Она мне не бабушка, – ответил молодой человек, подмигнув. – Она моя сестра.

Врач в недоумении пожал плечами. Пережитое потрясение, судя по всему, оказалось сильнее, чем он предполагал. Надо будет попросить зайти к ним коллегу психиатра.

Он приготовился сообщить официальным тоном результаты анализов, когда вдруг перехватил взгляд, которым обменивались старая дама и молодой человек. Врач поразился, сколько в нем было нежности, соучастия и доверия. Глубокая привязанность, видимо, объединявшая их, тронула его сильнее, чем он ожидал.

Он отогнал от лица воображаемую муху.

– Короче, после вашего обморока мы взяли ряд анализов...

– Не стоило беспокоиться. Лучше бы вы занимались теми, у кого есть шанс выжить. С собой, например. Вы давно смотрели на себя в зеркало? Когда вы последний раз высыпались?

Врач в явном затруднении почесал затылок.

– М-м-м... Точно не помню.

– Вам надо следить за питанием. Вы совсем отощали.

Он растерянно взглянул на болтавшийся на нем халат и на свой впалый живот.

– Вы занимаетесь спортом? Вы женаты? У вас есть дети? Есть хобби? Вы книги читаете?

– Ладно вам, Максин. Я думаю, все поняли вашу позицию, – вмешался Алекс.

Он хотел вытащить врача из-под целой лавины вопросов, а, особенно, вернуться к тому, что его волновало больше всего – результатам анализов. Он понимал, что она пытается выиграть время.

Но старую даму невозможно было взять голыми руками.

– Вы зря тратите время со мной. Вам надо лишь немного увеличить дозу морфина, и делу придет конец.

Она показала пальцем на Леони и Алекса.

– Они вас не выдадут.

Врач обернулся к Алексу, покорно кивнувшему головой, а затем к Леони, которая прятала лицо под носовым платком.

– Не думаю, что это нам понадобится.

– Это не так уж и тяжело, – продолжила Максин тоном, который свидетельствовал как раз об обратном. – Я вас прекрасно понимаю. Вы

не хотите себя запятнать. Достоинство старой дамы не в счет, когда речь идет об успешной карьере.

– Если соизволите меня больше не перебивать, я смогу вам кое-что объяснить.

Максин уже открыла рот, чтобы возразить, но Алекс жестом ее остановил.

– Уж и сказать ничего нельзя...

Старая дама закуталась в стерильную простыню с картинным величием, достойным Клеопатры, приготовившейся к укусу змеи. Она легла на бок, демонстративно повернувшись спиной ко всем, кто был в палате, и, нахмутив брови, уставилась в окно.

Алексу показалось, что она пробормотала «грубиян», но он бы в этом не поклялся.

Врач, не первый раз имевший дело с упрямыми как бараны пациентами, должен был признать, что Максин превзошла всех. Но так как ему было не привыкать, он решил срочно воспользоваться тишиной, чтобы сообщить необходимую информацию. Он и так потерял кучу времени, а ему еще надо было обойти других пациентов и сообщить им не всегда хорошие новости.

– Вы, конечно, не здоровы...

Максин дернула плечом, и простыня слегка сползла с ее руки.

– Но у вас нет болезни Альцгеймера.

– ЧТО? – хором воскликнули Леони с Алексом.

Но Максин сочла, что это уже чересчур и одним рывком сбросила простыню на пол.

– Вы черт знает что готовы придумать, лишь бы держать людей в больнице! Я все знаю про эту болезнь. От нее умер мой муж. И у меня ее симптомы. Переделайте ваши анализы, они неправильные.

– Непроходящая усталость, головные боли, гул в ушах, одышка, бледность, провалы в памяти, онемение рук и ног, головокружение, повышенная раздражительность, потеря веса, депрессия, спутанность сознания...

Губы Максин скривились от тревоги, изумления и нетерпения одновременно.

– Нет, раздражительности нет.

Врач выразительно посмотрел на Алекса и Леони, но никто из них не заметил этого. Оба были просто ошарашены. Происходящее не

укладывалось у них в голове. Алекс, не выдержав напряжения, спросил:

– Так у нее есть Альцгеймер или нет?

– Нет.

– А как же симптомы?

– Это симптомы пернициозной анемии. Они действительно схожи с болезнью Альцгеймера, но анализы вещь неоспоримая. Максин, у Вас дефицит витамина В12.

Врач замолчал. Видимо, для того чтобы дать присутствующим время переварить информацию. А может, он ждал аплодисментов в награду за правильно поставленный сложный диагноз? Так как никто не реагировал, он продолжил:

– При отсутствии лечения пернициозная анемия может затронуть чувствительные и двигательные нервы и вызвать неврологические осложнения, близкие к проблемам при болезни Альцгеймера. Речь идет о нарушении, развивающемся постепенно.

На мгновение у Алекса проснулась надежда. Никакого Альцгеймера у Максин нет! И нет больше речи об эвтаназии. Но затем сомнение и страх вновь охватили его. Лечится ли пернициозная анемия? Термин не обещал ничего хорошего. Пернициозное значит нехорошее, вредное, пагубное. Это наводило на мысль о какой-то каверзе, об отраве, которая медленно, но верно распространялась по всему телу, прежде чем нанести роковой удар. Если существует справедливость в этом мире, если есть где-то Бог, он не может играть в русскую рулетку с его чувствами. Ведь не для того же Алекс узнал о том, что у Максин нет Альцгеймера, чтобы выяснить, что она страдает от другой неизлечимой болезни!

– А это можно вылечить?

Алекс почти прошептал вопрос, как будто лекарство было здесь, в палате, и могло исчезнуть, испугавшись громкого голоса.

– Раньше, когда болезнь была плохо изучена, она неминуемо вела к смерти после долгих лет страданий. Как ее лечить, не знали.

Алекс сам того не заметив, затаил дыхание. Он ждал продолжения.

– В наши дни, благодаря достижениям современной медицины, курс витамина В12 в больших дозах позволяет ликвидировать эту недостаточность. Люди могут после этого жить нормальной жизнью.

Максин, казалось, сказанное не убедило.

– А каковы причины этой болезни?

– Она зачастую наследственная. И по большей части затрагивает людей, имеющих скандинавские или североевропейские корни. Пожилые люди подвержены ей в первую очередь. Ваш желудок и тонкий кишечник не могут усвоить витамин В12, который вы поглощаете вместе с пищей.

Врач придвинулся поближе к кровати Максина.

– Я назначу вам интенсивный курс из пяти-семи инъекций. Мы понаблюдаем за вами, чтобы посмотреть, как пойдет лечение, но, вообще-то, вы должны себя почувствовать лучше уже через двое-трое суток. А впоследствии вам надо будет непременно делать инъекции витамина В12 не реже чем раз в месяц.

В пахнувшей антисептиком палате опять наступила тишина. Все замерли. Алекс с Леони пристально смотрели на Максина и ждали ее реакции.

– Ну что ж. Обратю в дом престарелых. Попадаю на клетку «Тюрьма», теряю ход и лишаюсь двадцати тысяч франков^[62].

– Боюсь, что все не так просто.

Вид у врача был смущенный, что не понравилось Алексу. Это не предвещало ничего хорошего. Молодой человек стиснул зубы.

– По крайней мере для вашего «внука», – продолжил врач, указав пальцем на Алекса. – Полицейские здесь и желают с вами поговорить. Я попросил их подождать, но они очень настойчивы.

– Так вы знаете?

От страха Алекс задал вопрос едва слышно. Картинка тюремной камеры крутилась у него в голове и мешала думать о чем-то другом. За последние два дня суровых испытаний эмоциональные качели измотали его. Сердце его в конце концов не выдержит. Депрессивная апатия приучила его к спасительной капсуле, а теперь он был легко раним.

После встречи с Максимом его броня дала трещину. Он обнажил свое сердце, и в этом был риск. Как для слишком белой кожи под первыми лучами солнца.

Он почувствовал, как ужасный, но привычный камень ложится ему на грудь. Неподъемная тяжесть вновь сковала тело и не давала

дышать. Он постарался не впасть в панику. Сейчас, сейчас он успокоится, и все будет в порядке.

Но это не проходило. Более того, ему становилось хуже. В глазах заплясали белые точки. Его охватил жуткий страх, а череп сдавило со страшной силой. Белые пятна увеличивались. Он услышал чьи-то голоса, но они были где-то далеко. Ноги у него подкосились, и наступила полная темнота.

Когда Алекс проснулся, была уже ночь. На его лицо падал лунный свет. Телевизор беззвучно показывал картинку, где люди в галстуках долго пожимали друг другу руки с показными улыбками. Наверное, его забыли выключить.

Алекс не знал, где он. Ему казалось, что его сбил автобус. Несмотря на сухой воздух он замерз.

Он вспомнил свою кровать, свою комнату, дом родителей. Забавно, но он всегда говорил «дома у родителей», а не «у меня дома», как будто он никогда не был в своем доме. Как будто он гость, сосед по квартире, дальний родственник, которого держат у себя по долгу родства, а не по желанию.

Пахло больницей. Алекс вдруг все вспомнил, и его одолел стыд. Он же потерял сознание. Больна была Максин, а в обморок хлопнулся он. Его мама сказала бы, что он выпендрился.

Кто-то захрапел в противоположном углу комнаты. Может, Максин? Этого никак не узнать.

Что она сейчас думает? Наверняка, что он бросил ее. Он уже ни в чем не был уверен. У Максин нет Альцгеймера, и эвтаназия ей теперь не нужна. Он должен бы испытывать облегчение, но отчего ему так грустно? Потому что их путешествие закончилось? Потому что он больше не нужен Максин? Глупо было бы думать, что эта их эскапада будет длиться вечно. Она вернется в дом престарелых смотреть вместе с Марти «Вопросы для чемпиона» под униженным присмотром директрисы Дюрефе. Леони заживет как раньше. Мать с дочерью будут видеться время от времени, или регулярно, или часто. А он?

А он отправится в тюрьму. Полицейские, наверное, ждут его под дверью палаты с тайзером^[63] в руках, чтобы наконец упрятать за решетку похитителя старых дам. Максин, конечно, станет его защищать, но стариков никто не слушает, теперь-то он это знает. Никто не поверит, что именно она втянула его в эту авантюру, именно она справилась с грабителем на заправке. Они подумают, что она страдает стокгольмским синдромом и испытывает симпатию к преступнику.

Дверь палаты открылась, и яркая полоса искусственного света ослепила Алекса. Он мог различить лишь темный силуэт, который старался ступать неслышно.

Тень неумолимо двигалась к нему, вызывая в памяти его детские кошмары, когда он забивался в угол кровати, закрываясь с головой одеялом и горько жалея, что у него нет старшего брата, чтобы его защитить. Он вздумал бежать, но не смог пошевелиться. Посмотрел на руку и увидел, что в ней катетер.

– Как вы себя чувствуете?

Он узнал голос врача прежде, чем разглядел его лицо. Выглядел он все так же устало. Видимо, это был его обычный вид. С определенного момента переутомление стало его привычным состоянием.

– Что теперь будет?

Доктор сел на край постели Алекса. Такое поведение удивило молодого человека, но, вероятно, с преступниками можно было себя вести более непринужденно. А может быть, так действовала ночная обстановка? Или же просто недосып? Однако эта фамильярность не претила Алексу. Он почувствовал, что от врача исходит некоторая благожелательность. Если кто-то должен отвести его в участок, то Алекс предпочел бы, чтобы это сделал он.

– С вами и с Максим, мягко говоря, не соскучишься. У вас случился небольшой психогенный обморок.

Алекс не отреагировал на «небольшой». У врачей все было небольшим: небольшая простуда, небольшая ангина, небольшая депрессия, небольшой припадок... Врач продолжал:

– Чтобы удостовериться, что все в порядке, мы сделали кое-какие анализы...

«Небольшие» анализы.

– ... которые показали высокое содержание глюкозы в крови. Вы, наверное, ели накануне много жирного и сладкого. А кроме того, у вас резко упало давление, что и вызвало обморок.

По правде говоря, Алексу было наплевать на результаты анализов. Его интересовало лишь, что его ждет. В тюрьме у него будет куча времени подлечить начинающийся диабет, спровоцированный передозом чуррос, сладкой ваты и всяких шоколадных батончиков.

– А полиция? Меня ждут?

Врач глубоко вздохнул.

– Да.

– Они у дверей?

– Нет. Я сказал им, что оставляю вас на ночь. Они вернутся через несколько часов.

– Это вы сообщили про нас?

В голосе молодого человека послышались одновременно страх и усталость.

– Разумеется, я вас сразу узнал. В приемном покое постоянно работает телевизор, и мы невольно видим все репортажи, бесконечно идущие по новостям. Я не сообщал о вас. Но когда к нам поступила Максин, мы ввели ее данные в компьютер, и система моментально сработала, подняв тревогу.

– Почему же вы продолжали ее лечить? Почему не вызвали немедленно полицию, чтобы меня арестовали? Я ведь похититель старушек! – с вызовом спросил Алекс.

– Не думаю, что вы злоумышленник. Если кто-то из вас двоих и был похитителем, то я бы скорее поставил на нее.

– Вы не поверили тому, что говорят в новостях?

– Я не очень доверяю всем этим лентам новостей. Мы недалеко ушли от тех времен, когда людей выпускали сражаться в цирке ради острых ощущений славной публики. Люди и теперь «требуют хлеба и зрелищ», по выражению римского поэта Ювенала. Ваша история пришлась кстати, и медиа за нее ухватились.

– А Максин? Что с ней теперь будет?

– Перестань заботиться о других и подумай лучше о себе! – раздался хорошо знакомый Алексу голос из глубины палаты.

Врач встал.

– Я вас оставляю. Увидимся через несколько часов.

Он слегка помахал рукой в сторону Максин и бесшумно вышел.

Как только дверь за ним закрылась, Алекс вытащил из вены катетер. Он видел в фильмах, как актеры это проделывают, но в реальности было больно! Он прижал кусок бинта к капельке крови на предплечье, встал и направился к постели старой дамы. Он подсел к ней и спросил с дружеской теплотой:

– Как вы себя чувствуете? Вам лучше?

– Я никогда не чувствовала себя плохо.

– Уколы В12 должны скоро помочь.

– Да, – не могла не согласиться она. – Но больницы меня утомляют.

Алекс улыбнулся. Голубой свет телевизора делал заметнее следы усталости на лице Максин. Но в глазах ее светилась прежняя энергия.

Вдруг их взгляды как по команде устремились на экран. Их совместная фотография, вероятно сделанная камерой наблюдения, появилась в увеличенном виде. Желтая бегущая строка под ней сообщала следующее:

«Дело Максин близится к развязке? Полиции, судя по всему, удалось напасть на верный след. По данным неофициального источника, старая дама, удерживаемая психически неуравновешенным молодым человеком, была госпитализирована. Нам неизвестно, дают ли врачи положительный прогноз относительно ее дальнейшего состояния».

– Включи звук! – скомандовала Максин.

Алекс принялся повсюду искать пульт и наконец нашел его в складках простыни на кровати у старой дамы. Он воздержался от комментариев и прибавил звук.

Теперь весь экран занимало лицо красивой женщины. Это была она, причина его депрессии. Аврора, в которую он влюбился и которая на него не обратила внимания. Увидев ее, Алекс как будто получил удар под дых. Прошлое, хотя и не очень еще далекое, вернулось к нему, ударив со всего маху.

– Я обращаюсь к Алексу. Мне очень жаль, что я не успела тебе ответить, но мне очень понравилось письмо, которое ты мне отправил прямо перед этими событиями. Я очень хочу с тобой увидеться, чтобы тебя узнать по-настоящему.

– Видишь, она тебя не забыла.

Алекс вырубил звук.

– Она так говорит, потому что ее попросили это сделать.

– Не отказывайся от победы, если она тебе дается.

– Ну, не знаю...

– Ты позвонишь ей?

– Не знаю...

– Тебе хочется?

– Не уверен.

– Почему?

– Потому что, когда ты чего-то сильно хотел и слишком долго ждал, ты утрачиваешь к этому вкус.

– Ты боишься?

– Да! – взорвался Алекс, вставая с постели. – У меня такое впечатление, будто я совершил путешествие не только в реальности, но и в душе. Увидеться с ней – это все равно что вернуться вспять. Теперь я понял, что ее отказ не был основной причиной моей подавленности. Он стал лишь последней каплей, переполнившей чашу моего недовольства.

Максин села, опершись о подушку.

– И ты совершенно прав. Ты ушел далеко вперед и уже не тот грустный и неуверенный в себе молодой человек, которого я встретила вначале. Ты раскрылся, поверил в себя и наконец-то понял, что имеешь право на счастье, что не обязательно считать, будто ты крадешь его у других.

– Думаете, мне надо ей позвонить?

– Да. Нет. Возможно. Не знаю. Решать не мне.

– Но мне так трудно что-то решить! И потом, это, может быть, окажется бесполезно?

– Ты упрям как осел.

Алекс безнадежно махнул рукой.

– Но что это даст, в любом случае? Не буду же я ей звонить из камеры.

– Не глупи, тебя не отправят в тюрьму. Завтра мы все объясним в полиции, и все будет в порядке. Нам не надо больше скрываться, ведь если у меня нет болезни Альцгеймера, то и эвтаназия не нужна.

– Да у вас ее никогда и не было!

– А это бабушка надвое сказала. Я не слишком доверяю врачам.

– Ну и кто тут упрям как осел?

Они молча обменялись взглядами. Оба знали, какой это важный для них момент. Прощание. Оба этого не любили. Им не хотелось разговаривать. Не хотелось говорить друг другу «до свидания».

Молчание было лучшей защитой, лучшим противодействием времени. Из-за голубого света телевизора казалось, будто все происходит во сне, и Алекс вдруг четко понял, что это мгновение он не забудет никогда. Что бы ни случилось в будущем, оно навсегда запечатлется в его памяти.

– А что будет с вами?

– Я снова отправлюсь в дом престарелых.

Увидев расстроенное лицо Алекса, она добавила:

– Не переживай. Все образуется.

– Вы не можете туда вернуться! Вы так ненавидите это место!

– Я его ненавидела, потому что другой перспективы у меня не было. Но теперь, благодаря тебе, она есть. Ты сделал мне самый прекрасный подарок на свете, ты подарил мне возможность искупить мой проступок. Ты не представляешь, до чего это важно для меня.

– И речи не может быть о том, чтобы ты вернулась в эту богадельню!

От голоса Леони, раздавшегося так неожиданно, и Максин, и Алекс подпрыгнули. Молодой человек перегнулся через постель старой дамы и увидел за ней раскладную кровать, которую прежде не заметил.

Леони могла бы остановиться в отеле рядом с больницей, но не желала расставаться с матерью даже на одну ночь. Хотя она знала, что Максин лучше, она хотела остаться в палате, слышать ее дыхание, одним словом, быть подле нее. Она всю жизнь мечтала – сознательно или нет – чувствовать ее присутствие и не готова была вдруг снова упустить ее. Ей нужно было еще задать много вопросов и услышать много ответов.

Видя изумление обоих, она пояснила:

– Ты переедешь ко мне.

– Ни за что!

Этот категоричный отказ удивил Алекса и обидел Леони. Максин, однако, вовсе не этого добивалась.

– Это не обязательство, а мое желание, – мягко перебила ее Леони.

– А что скажут твои дети и муж?

– Дети давно взрослые, и я не сомневаюсь, что они будут счастливы познакомиться с бабушкой. А что до моего мужа, он хорошо знает, как я ждала этой встречи...

– Мне стыдно навязываться, занимать лишнее место в доме...

– У нас очень просторный дом. Преимущество мужа архитектора в том, что он привык смотреть широко на вещи.

Максин было не по себе от этого предложения. Не в ее правилах было зависеть от других. Она не любила просить помощи, считала это слабостью. Ей не хотелось, чтобы дочь чувствовала свою ответственность за нее. Леони ничего не должна ей. Она была очень хорошая, и Максин не намеревалась злоупотреблять ее доброжелательностью.

Поначалу Леони, возможно, и рада будет жить вместе с ней, но очень скоро она поймет, какова Максин на самом деле. По сути дела, именно это и останавливало ее, мешало принять великодушное предложение: она боялась разочаровать свою дочь. Их встреча была прекрасной, и Максин всей душой противилась тому, чтобы чудесное впечатление о ней было смазано рутиной обыденной жизни.

Леони, должно быть, угадала истинную причину ее сомнений. Она долго пыталась отыскать черты лица матери в своих собственных и в лицах тех, с кем ее сводила жизнь. Эта привычка научила ее разбираться в выражениях лиц и улавливать стоящие за ними чувства.

– И потом, у меня есть внуки. Лишняя пара рук всегда пригодится. Им нужна будет прабабушка, – ловко присовокупила она.

Максин повернулась к Алексу. Он с удивлением заметил вопрос в ее взгляде, как будто она просила его одобрения. Он тихонько покачал головой.

– Ну, конечно, Максин. Вы просто должны сказать: «Да, спасибо»! А профессиональные навыки Леони будут вам особенно полезны для уколов В12. Вам будет в тысячу раз лучше у дочери, чем в доме престарелых. Если только вам не приятнее общество Дюрефе...

Максин усмехнулась при упоминании директрисы. Разумеется, у нее душа не лежала к этому месту с его удушающей атмосферой. Возможно, она действительно окажется полезной дочери и ее семье. Она могла бы дать им пару дельных советов. Есть ли вероятность стать матерью, когда тебе за девяносто? Она попытается!

Максин посмотрела на дочь и широко улыбнулась:

– Стало быть, решено!

В ответ Леони тоже улыбнулась – с облегчением и радостью, она напомнила Алексу ребенка, который разворачивает новогодние

подарки, любопытствуя, какие игрушки найдет под оберткой, и заранее предвкушая, как будет в них играть.

Его обнадеживало, что Максин окажется в добрых руках. Глаза его затуманились, но он не хотел, чтобы женщины видели, как он плачет. Их история заканчивалась благополучно, однако Алекс грустил. Грустил, что надо расставаться с Максим. Что это был конец. Он, конечно, сможет приезжать к ней в гости, но это будет не то, их приключение завершилось. У него было странное ощущение внутренней пустоты и полноты одновременно.

– Я схожу за кофе, – сказала Леони, оставляя двух друзей наедине в этот деликатный момент.

Когда она вышла, бесшумно закрыв за собой дверь, Максин взяла ладонь Алекса в свои руки. Они были мягкие и теплые.

– Не грусти, пожалуйста.

– Я не грущу, – ответил он слишком поспешно.

– Ты путаешь чувства. Ты испытываешь сейчас не огорчение, а ностальгию и страх. Думаешь, что все закончилось и тебе надо начинать с нуля. Но это неправда.

Алекс в который раз удивился способности Максим читать его мысли. Она показала рукой в окно.

– Мадам Плутон не ошиблась. Сегодня полнолуние, и я нашла свое сокровище.

– Я рад за вас.

– «В определенный момент каждый уважающий себя мальчик испытывает непреодолимое желание отправиться на охоту за сокровищами». Так говорил Марк Твен. Я свое сокровище обрела. Теперь ты должен отыскать свое.

– Но как? Я даже не знаю, с чего начать.

– Тебе надо заглянуть в себя поглубже и понять, чем ты действительно хочешь заниматься, а затем найти способы добиться этого.

– Мое сокровище – это вы. Неужели вы этого не поняли?

– Ты ошибаешься. Возможно, я была тем инструментом, который помог тебе в поисках сокровища.

– Без вас я заблужусь.

– Нет, я была тем маяком, который осветил тебе путь. Теперь ты в состоянии плыть сам.

– Мне страшно.

– Бояться нечего. И потом я всегда буду рядом. Если мы больше не в бегах, это не значит, что мы не будем видеться. Дружба устроена иначе.

– Я смогу навещать вас у Леони?

– Разумеется! Я буду только счастлива! И потом, ты всегда можешь мне позвонить.

– Но у меня нет больше мобильного. Вы выбросили его в окно, помните?

– Еще как помню! У меня же нет Альцгеймера, – ответила она задорно. – Ну тогда тебе позвоню я.

– С вашей старой «Нокии»?

– Ты разве еще не понял, что старые вещи самые надежные.

– Понял. А еще самые редкие и красивые.

Срочные новости:

Новые сведения в «деле Максин» о похищении и насильственном удержании пожилого человека.

Сегодня рано утром полиция прибыла в здание больницы на севере Франции, откуда ранее был получен сигнал о поступлении со службой «скорой помощи» пропавшей женщины. Группа быстрого реагирования, вызванная для подкрепления на случай, если обезумевший преступник планирует захват всего здания, не была задействована, так как похититель сдался без сопротивления.

Выслушав показания похитителя и его жертвы, полиция сочла возможным прекратить следствие и закрыть дело. Старая дама объяснила, что отлучилась из дома престарелых, чтобы попутешествовать по Бельгии. Похититель же в реальности оказался невиновным молодым человеком, которого дама нашла на сайте поисков попутчиков.

Не пропустите сегодня вечером специальный выпуск передачи с Бернаром де ла Вильярдьером, посвященный поездкам с попутчиками: подпольная эмиграция, go fast^[64], проституция.

Оба путешественника утверждают, что ничего не знали о начатом в отношении их расследовании, и выразили большое удивление тем, что они определили как «медийное безумие».

Совершенно очевидно, что Максин не собиралась подавать в суд на своего юного друга, единственное преступление которого заключалось в том, что он посадил ее в свою «Твинго». Поаплодируем же беспристрастности правосудия и СМИ, продемонстрировавших сдержанность по отношению к этому доброму самаритянину, которого считали невиновным при отсутствии контрдоказательств.

Старая дама очень хотела поблагодарить всех членов комитета «Спасем Максин» за их участие. Она приглашает их к активному общению благодаря страничке в Фейсбуке, она как раз создает ее с помощью своей дочери, которую недавно смогла разыскать.

В эксклюзивном интервью Максин поделилась с нами своими планами. Прежде всего она желает как следует узнать свою дочь, отнятую у нее при рождении (смотрите нашу передачу об усыновлении детей: торговля органами, мафия, проституция). Она также рассказала о своем желании написать книгу о перипетиях своей жизни, а, возможно, и стать лайф-коучем. По ее словам, она думает создать новое приложение, предлагающее различные виды селфи. Итак, у этой активной девяностолетней женщины множество планов!

А что ждет молодого Алекса? Он поведал следователям, что собирается продолжать изучать право, «но по желанию, а не потому, что ему это навязывают». Он хотел бы специализироваться в области административного права и сосредоточиться на управлении медицинскими учреждениями, а точнее – домами престарелых. Он хотел бы превратить их в комфортные для жизни места, где молодые и не очень молодые уже люди делились бы своим опытом.

Мадам Дюрефе предпочла оставить свой пост директора дома престарелых Босежур и отправиться работать в места лишения свободы, что, по ее словам, больше соответствует ее характеру.

Марти Шубертс, постоялец дома престарелых и друг Максин, возглавил общество «Старые клоуны». Они приезжают к лежащим в больнице детям, чтобы облегчить им жизнь.

Господин Ламурё, бывший председатель общества «Спасем Максин», выразил глубокое удовлетворение тем, что с его подругой все в порядке, но выразил сожаление по поводу того, что ему приходится искать другого партнера для игры в триктрак.

На этом можно завершить главу об этом похищении, которое на самом деле было фантастической эскападой ни на кого не похожей старой дамы и ее молодого попутчика.

Мы отдаем заключительное слово главной героине, которая раскрывает нам секрет ее невероятного жизнелюбия: «Жить – это как ехать на велосипеде: надо двигаться вперед, чтобы не упасть. Так вперед!»

КОНЕЦ

Плейлист Максин и Алекса

Вы, наверное, заметили, что музыка занимает огромное место в приключениях Максин и Алекса. Вот плейлист песен, прозвучавших во время их поездки.

- *Respect*, Aretha Franklin
- *Sittin' On The Dock Of The Bay*, Otis Redding
- *Oh, Pretty Woman*, Roy Orbison
- *I Will Survive*, Gloria Gaynor
- *Can't Take My Eyes Off You*, Gloria Gaynor
- *Under Pressure*, Queen + David Bowie
- *Mourir sur scène*, Dalida

Небольшое послесловие автора (где вас ждет сюрприз)

Мои персонажи мне не принадлежат. Они живут собственной жизнью, которую я лишь фиксирую на бумаге. Они любят и ненавидят друг друга, идут вперед и останавливаются, заболевают, влюбляются...

Мне нравится быть их посланницей, посредником между ними и вами.

Большое спасибо моей маме, которая очень привязалась к Максин, до того, что без конца спрашивала, пока я писала: «Ты все-таки ее не убьешь?» Я виновата, что держала ее так долго в напряжении, но при этом было так отрандно видеть, что кто-то, кроме меня, переживает за мою героиню.

Мне было невероятно приятно сочинять эту книгу. Максин, с ее причудливыми поговорками. Алекс с его бесконечными сомнениями. Я надеюсь, что и вы их оценили и улыбнулись их мудрости.

Маленькое уточнение. Максин позаимствовала свой последний совет («Жить это как ехать на велосипеде: надо двигаться вперед, чтобы не упасть») у Альберта Эйнштейна. Я уверена, что он на нее за это не сердится, а кроме того, не исключено, что они были знакомы...

Существует и глава 64. Она рассказывает о том, что нового случилось в жизни наших друзей пять лет спустя. Если вы хотите узнать продолжение, напишите мне в социальных сетях. Я буду счастлива продолжить приключение.

Несколько персональных благодарностей.

Доктору «Софи-Сильви-Сабин-Солен-Стефани» Атлан, которая, своим деликатным присутствием, мне очень помогла.

Моим друзьям писателям – спасибо, что всегда составляли мне прекрасную компанию.

Читателям, которые написали мне, чтобы подсказать название фильма, о котором Максин говорит в юрте (и в котором герои

натягивают простыню посреди номера в отеле), благодаря вам оно у меня больше не «вертится в зубах»...

Эта книга родилась на «Амазоне», спасибо моим первым читателям, вы оказали доверие моим персонажам, и я за это вам крайне признательна.

Благодарю всю команду издательства «Мазарин», и особенно Александрин Дюэн, с которой я была счастлива работать и на которую возлагаю большие надежды.

Я хорошо помню снежный день в марте 2018 года, когда отправилась на *Mazarine Book Day*^[65], твердя про себя, как оптимистичную и философскую мантру, одну и ту же фразу: «Ничего, конечно, не получится, но, хоть и ни на что не надеюсь, я туда все же схожу». Я была поражена царившей там дружелюбной атмосферой. Пришедших на встречу, часто очень сильно переживавших, встречали, успокаивали и подбадривали сотрудники издательства «Мазарин». Огромное спасибо им за это.

Продавцы книг и блогеры, которых я встретила в тот день, вы все оказались приятным сюрпризом! Ваша готовность выслушать и ваши доброжелательные взгляды меня очень поддержали.

Будущие продавцы книг и блогеры, мне не терпится встретиться и с вами! Вы делаете потрясающую работу, я отдаю свою книгу в ваши опытные руки и надеюсь, что Максин с Алексом сотворят чудо и что вы поможете им взлететь.

Всем вам, знакомым и незнакомым, нынешним и будущим читателям, трудящимся над моей книгой, большое спасибо! Я доверяю вам своих персонажей, и теперь вы такие же их хранители, как и я. Они родились в моей голове, но дальше будут жить в вашей. Как сказала бы Максин: «Поживем – посмеемся!»

Мне не терпится вас почитать, открыть для себя, поговорить и встретиться с вами...

До скорой встречи...

Зои Брисби.

Примечания

1

Здесь и сейчас (*лат.*).

Французский сайт поиска попутчиков в поездке на машине (*здесь и далее прим. пер.*).

Медицинский справочник.

4

Французский сайт знакомств.

Французский журналист, ведущий передачи, в которых говорит об остро проблемных сюжетах, в частности о наркоторговле.

6

Имеется в виду знаменитый рок-фестиваль, прошедший в США в 1969 году.

7

Наркоделец, передвигающийся на быстром автомобиле (*англ.*).

8

Название популярной настольной игры, где игроки должны проводить медицинские операции, чтобы заработать очки.

Американский телесериал, один из наиболее длинных, шедший без перерывов во Франции с 1989 по 2018 гг.

Намек на популярную в XX в. книгу Ф.Э. Бёрнетт «Таинственный сад».

11

Известный французский диджей.

12

Сорт французского сыра.

Знаменитая американская женщина-бойскаут, участвовавшая на поле боя в войнах с индейцами и постоянно носившая военную форму и оружие.

Один из важнейших в мире палеонтологических памятников первобытных рисунков. Находится во Франции.

Электронная говорящая игрушка-робот.

Американский комедийно-драматический телесериал о жизни в женской тюрьме.

Американский фильм-антиутопия 1973 г.

Заболевание нервной системы, при котором возникают множественные двигательные и вокальные тики.

Здесь Максимин опять путает пословицу: вместо «L’habit ne fait pas le moine» («По одежке не судят») она произносит «L’habit ne fait pas le moineau» («Не суди по оперению»).

Тинтин – герой самой популярной серии комиксов во Франции,
Милу – его собака.

Вымышленный полицейский отряд, о деятельности которого в начале XX века идет речь в одноименном французском детективном сериале.

Робер Баденгер, министр юстиции Франции, противник смертной казни, добившийся ее отмены в 1981 г.

Изготовление и оформление рукодельных семейных или личных фотоальбомов.

Коммуна во Франции, известная, в частности, своими солончаками и фирменной соленой карамелью.

Амурё по-французски означает влюбленный.

Переживу (*англ.*).

Печенье с предсказаниями.

Не могу глаз отвести от тебя (*англ.*).

Ты слишком хороша, чтобы быть реальной (*англ.*).

Я люблю тебя, милый, верь моим словам (*англ.*).

Названия шоколадных батончиков.

Персонаж американского сериала «Клан Сопрано»,
криминальный босс.

Немецкий детективный сериал.

Американский комедийный сериал о работе криминалистов.

Французский десерт.

Американский сериал о работе самых лучших следователей ФБР.

Французский телесериал про Жозефину Деламар, которая, как ангел-хранитель, безвозмездно помогает людям решить их проблемы, и бесследно исчезает, выполнив свою миссию.

Немецкий криминальный сериал семидесятых-девяностых годов, где преступления расследует мюнхенский инспектор полиции Штефан Деррик.

Фильм Френсиса Копполы 1979 года.

Фернан Рейно – французский комик, актер и певец; Ги Люкс – ведущий шоу; Мистенгетт – французская певица, актриса кино, клоунесса-конферансье; Рене Коти – французский государственный и политический деятель, 17-й президент Франции.

Американская актриса, признанная Американским институтом кино одной из величайших кинозвезд в истории Голливуда. Обладательница множества престижных кинопремий.

Под давлением (*англ.*).

Сокращенное от *Requiescat in pace* (лат.) – покойся с миром. В католической традиции надпись на похоронных венках и могилах.

Герои французского фильма «Ямакаси: Новые самураи» (2001), в котором рассказывается о жизни семерых трейсеров (людей, занимающихся паркуром).

Психология здоровья (*англ.*).

Контаминация имен из популярных джазовых исполнителей шестидесятых-восемидесятых годов XX века.

Супергерой одноименно американского сериала.

От *англ.* Fashionista, модник, модница.

Каинофобия – боязнь всего нового.

«Большой брат» (*англ.*). Персонаж романа Оруэлла «1984», единоличный диктатор государства Океания и партии «Ангсоц».

Персонаж популярной в Европе серии комиксов про репортера Тинтина, созданной бельгийским художником Эрже.

Выражение из фильма «Звездные войны».

Синдром запертого человека (*англ.*).

Сладкая обжаренная выпечка из заварного теста, имеющая в сечении вид многоконечной звезды или просто круглая.

Известный французский дизайнер интерьера и потребительских товаров.

Современная ясновидящая из французского сериала «Живые истории», которая живет в оверньской деревне, читает будущее, общается с умершими, исцеляет пассажирами и имеет более семи тысяч подписчиков в Фейсбуке.

Главный герой-убийца фильма Хичкока, который мумифицировал свою мать после ее смерти и вел с ней беседы.

Перед смертью (*лат.*).

Английский археолог и египтолог, совершивший в 1922 году в Долине царей близ Луксора открытие гробницы Тутанхамона.

Строка из стихотворения выдающегося французского поэта XX века Жака Превера «Вдруг шум...».

Знаменитая французская певица.

Одно из правил игры в «Монополию».

Стреляющий электрошокер.

Доставка наркотиков (*англ.*).

День, когда издательство «Мазарин» устраивает встречи писателей с потенциальными издателями.